

ТУРОВНИКОВ ЮРИЙ

КАК В СТАРЫХ СКАЗКАХ
том I

ЛЕГЕНДА О КОРОЛЕ И ШУТЕ

КАК В СТАРЫХ СКАЗКАХ
том II

ЛЕГЕНДЫ О ГЕРОЯХ И ЗЛОДЕЯХ

Юрий Туровников
Как в старых сказках

«Издательские решения»

2015

Туровников Ю. Ю.

Как в старых сказках / Ю. Ю. Туровников — «Издательские решения», 2015

Богаты Серединные Земли всяческими сказаниями о вампирах и призраках, полнятся они историями о колдунах-некромантах, великих магах и ведьмах. Много разных легенд передают люди из уст в уста: о лесных разбойниках и морских пиратах, об оборотнях и зомби. Множатся земли байками о глупом короле и красавице королеве, о жадном генерале и хитром шуते. Что правда, а что ложь? Поди знай...

Содержание

Том 1.	6
Группе «Король и Шут» посвящается	7
Пролог	8
Глава первая	10
Глава вторая	22
Глава третья	35
Глава четвертая	47
Глава пятая	62
Глава шестая	78
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Как в старых сказках

Юрий Туровников

© Юрий Туровников, 2015

© Юрий Туровников, дизайн обложки, 2015

© Лилиана Скрипко, иллюстрации, 2015

Благодарности

Дарья Воронина

Александра Хидан

Сёма Поздеев

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Том 1. Легенда о короле и шуте

Группе «Король и Шут» посвящается

Давным-давно, в одном далеком Королевстве начали происходить странные события: в замке поселился призрак, в окрестных лесах орудуют разбойники, оборотни, зомби и всё такое! Еще с моря ползет неведомый туман. К тому же, кто-то по ночам посещает покои Первой Дамы. Государь в панике. Кто избавит королевство от напастей?! Дворцовый шут берет дело в свои руки.

Эта сказка написана по мотивам песен культовой группы «Король и Шут», которая уже стала легендой российского панк-рока. Итак, устраивайтесь поудобнее, мы начинаем.

Проза – Юрий Туровников,
стихи – Андрей Князев
(использованы с одобрения автора).
Художник – Лилиана Скрипко.

Пролог

Несмотря на позднее время, народу в таверне было – не протолкнуться. Со всех сторон слышался смех, пьяная брань и громкий хохот. Масляные лампы нещадно чадили, и их копоть смешивалась с едким запахом табака, терпким ароматом вина и разнообразной снеди.

В центре зала, за круглым столом, гуляла шумная компания. Мужики о чем-то оживленно спорили и размахивали руками. Атмосфера накалялась с каждым мгновением. В конце концов, самый худой из них, одетый в штопаную рубаху и такие же ветхие штаны, схватил и расколол об голову своему собеседнику кувшин. Стоит заметить, что обидчик значительно уступал своему неожиданному недругу в размерах. Раза в три. Тот больше напоминал быка, нежели человека.

Глиняная посуда с треском развалилась десятком черепков, а брызги хмельного напитка разлетелись на сидящих рядом людей. Завязалась потасовка. Здоровяк вскочил с края лавки, отчего все, кто сидел с ним рядом, повалились на пол. Перегнувшись через стол, он схватил обидчика, который только и успел, что округлить глаза, за грудки и опустил свой могучий кулак ему на голову. Бедолага крикнул и обвис. Друзья дерущихся навалились на гиганта, пытаясь вырвать из его рук жертву. Все посетители таверны, за исключением участников потасовки, замолчали.

– Успокойся, Гаспар! Чего не скажешь в шутейном разговоре?! – крикнул кто-то.

– Оставь конюха в покое! – поддакнул второй.

– Он, кажись, очоурился уже, – почесал затылок третий.

– Вот незадача-то... – нахмурился четвертый. – Теперь точно в тюрьму посадят. На это раз за убийство. Сейчас стражников позовут...

– Кузнец, ты какой-то уж очень вспыльчивый! Что он тебе такого сказал?! – развел руками пятый.

Здоровяк тяжело вздохнул, разжал ладонь, и конюх шлепнулся на лавку, угодив рожей в миску.

– Да я уж и не помню... Вышибло все, когда он меня кувшином приложил, но точно что-то нехорошее, у меня даже кусок поперек горла встал. Иначе я бы не рассвирепел, я же добрый, – Гаспар подозвал халдея и заказал еще выпивки и полотенце, чтобы вытереть шевелюру и лицо.

Тут побитый мужичок неожиданно пришел в себя, открыл один глаз, осмотрел друзей-собутельников и прокряхтел.

– А чего еще не налито?! – и компания разразилась хохотом.

Затихшая на время таверна вновь оживилась, но посетители все же продолжали насто-роженно поглядывать в сторону бузотеров.

В это самое время дверь таверны со скрипом отворилась, и внутрь зашел некто, скрывающий свое лицо под капюшоном. Снаружи раздался раскат грома, сверкнула молния, и в помещение ворвался порыв ветра, который едва не потушил лампы. Пламя дернулось, изогнув причудливо тени, но фитили не погасли. Взгляды посетителей обратились к вошедшему, но лишь на миг. Уже спустя секунду те снова пили и закусывали. Дверь хлопнула, отгородив всех от бушующей снаружи непогоды.

Незнакомец немного потоптался у входа, видимо кого-то разыскивая. Наконец, он нашел тех, кого искал. Человек махнул рукой и направился через весь зал к столу, что стоял в самом дальнем углу.

За столом собралась престранная компания: все были одеты в плащи, и, как один, скрывали свои лица, кто капюшоном, кто надвинутой на глаза шапкой, но на них никто не обращал внимания. Привычное дело.

– Извините, что задержался, дела, знаете ли, – новый посетитель занял свободное место, опрокинул в глотку предложенную кружку хмельного и, утерев рукавом плаща рот, произнес. – Ну что, други, вы уверены, что хотите быть посвященными в мои планы? Назад пути уже не будет! – все, сидящие за столом, скупно кивнули. – Ну что ж, тогда слушайте сюда! В общем так...

Заговорщики обнялись и сдвинулись поближе друг к другу так, чтобы ни единое слово не было услышано посторонними ушами...

Глава первая¹

Правитель Королевства Серединных Земель ерзал на своем золотом троне, стоявшем на возвышении возле стены, на которой висела огромная карта, вышитая сотнями умелиц. На полотнище отчетливо виднелись все окрестные населенные пункты: деревни, села, само королевство и, естественно, замок. Также на карте имелись поля, леса, озера и реки. Все, как и положено. Причем сопредельные государства обозначены не были, будто не существовали вовсе. Правитель не хотел вспоминать, что есть на свете земли, ему не принадлежащие. Слева и справа от золотого седалища дремали две здоровенные собаки.

Государь откровенно скучал и посему ковырял пальцем в носу, зажав скипетр под мышкой. Положив на колени державу, самодержец, сняв корону и почесав лысину, громко вздохнул. Королевская свита, что во главе с Первой дамой толпилась у окон, обрамленных белоснежными портьерами, перестала шептаться и обратила свои взоры на Августейшего. Его верный шут, сидевший на ступеньках подле трона, поправил колпак, звякнув бубенцами, и, оторвавшись от разглядывания портретов прежних правителей на стенах, тоже посмотрел на своего господина.

– Расскажите, что нового в моем королевстве, – Государь потянулся до хруста в суставах, поправил горностаевую мантию и приготовился слушать. – Какие новости? Не угрожает ли нам хранцуз какой или немчуриц?

На середину тронной залы вышел Главный и единственный Министр, что ходил в чине генерала. Его начищенные до блеска сапоги блестели так ярко, что он сам щурился и прикрывал глаза ладонью. Сняв треуголку, Министр начал мять ее в руках.

– Ваше Величество, в королевстве все спокойно, – Он поклонился и резко выпрямился, от чего его белоснежный парик съехал на бок. Бесчисленные медали звякнули на безупречно чистом кителе. Эполеты блеснули золотом, запустив по потолку солнечных зайчиков. Король проводил яркие пятнышки взглядом, зевнул, прикрыв рот скипетром, и выронил державу, которую поймал и вручил обратно государю ловкий шут. Главный Министр, тем временем, продолжил. – Урожай пшеницы сожрала саранча, но прошлогодних запасов должно хватить. В связи с жарой и дефицитом воды пришлось отключить фонтан на внутренней площади. Главный изобретатель Вашего Величества сильно противился этому, поэтому пришлось пригрозить ему отсечением головы.

– Тебе лишь бы головы рубить! – потянулся дворцовый болтун, перекинул ногу на ногу и поправил свой шутовской наряд. – У него, по крайней мере, руки из того места растут, откуда должно, в отличие от некоторых. Какую систему для поливки полей собрал! То, что потом водопровод в замке засорился – это дело десятое, но сам факт! Вон какую он нам штуку собрал, часы называется.

И шут кивнул, звякнув бубенцами, на противоположную стену. Министр повернулся, и его взору предстал престраннейший механизм, что висел над массивными золотыми створами дверей, состоящий из десятков металлических деталей, оснащенных зубчиками и заколючками, соединенных между собой. В центре всего этого безобразия находились две узкие полоски меди, указывающие на цифры, расположенные по кругу всей конструкции. Только сейчас королевская свита обратила внимание на этот предмет. Вельможи замолчали. В тишине отчетливо послышалось тиканье механизма.

– И на кой нам это? – усмехнулся генерал, поправив саблю, висевшую на боку.

– А теперь вы каждый день будете в одно и то же время приходить на... – шут закатил глаза. – Как там это слово умное... Совецание.

¹ По мотивам песни группы Король и Шут «Паника в селе»

– А посыльный на что?! – удивился генерал.

– Прошлый век! Теперь собрания будут проходить в девять часов. Запоминайте расположение стрелок: та, что побольше, минутная, указывает на двенадцать. Поменьше – часовая, указывает на девять.

– Так в двенадцать или в девять?! – вконец запутался Министр. – И как мы узнаем, что время уже пришло? Сюда постоянно бегать или не уходить вовсе, чтобы не прозевать?

Шут потряс пальцем в воздухе.

– Не обязательно. Еще одни часы будут висеть уже сегодня вечером в Бальном Зале. Еще мною дано указание собрать десяток подобных механизмов меньших размеров для ношения на руке. Вот опытный образец, – и шут закатал рукав, демонстрируя причудливый механизм, скрытый под стеклом.

Интерес разобрал и самого короля, который навис над своим слугой.

– А почему у меня таких нет?

– А тебе зачем? – спросил шут. – Если что, я рядом. И потом – образец еще плохо работает, мало ли что, – нагло соврал рыжеволосый болтун.

– Ну да... – согласился Государь. – Пару дней, по старинке, будем палить из орудия, чтобы вы попривыкли.

Министр покачал головой и прорычал, расправляя усы.

– Я точно этого изобретателя под топор пристрою. Баламутит народ и нас с толку сбивает. Он бы лучше пушку починил: третьего дня канонира опять разорвало. Это уже четвертый, осмелюсь доложить. Так никакой армии не напасешься. Случись что, кто врага лютого воевать будет, я?! Кстати, насчет армии... Недобор у нас в гвардию, одни калеки да хороняки. Не хотят государству служить, их больше тянет в портные да цирюльники.

В разговор опять вступил король, которого толкнул в бок шут, ибо Величество начал откровенно похрапывать.

– Да-да... – Государь утер слюни. – Разберемся. Ты не возмущайся. Часы это... часы! Я уже распорядился такие же повесить на всех башнях.

Теперь пришла очередь удивляться шуту. Он посмотрел на своего хозяина и подергал его за рукав.

– А это зачем? – Величество пожал плечами и шепотом ответил:

– Для престижу. Пушай шпиёны видят и завидуют, – и уже в голос продолжил. – Давай дальше, что там у нас в округе происходит? Как настроение у народа?

Придворные, воспользовавшись тем, что Августейший не обращает на них никакого внимания, вновь предались светским беседам и обсуждением своих украшений и нарядов. В общем, занялись привычным для них делом. Министр достал из кармана платок и промокнул вспотевший лоб. Острый глаз шута уловил волнение офицера, поэтому тот решил подстегнуть его.

– Ну не томи уже! Видишь, Государь нервничает?!

– Хм, – откашлялся генерал и вновь вытер пот. – В селе Большая пахота неприятность случилась. Ничего особенного, – его рука опять потянулась к голове.

Теперь и король не смог не заметить этого.

– Да я уж вижу. Вон, вокруг тебя уже целый пруд натек. Говори прямо, что стряслось.

Министр перевел дух и зачем-то через плечо посмотрел на часы.

– Не тяни дракона за хвост! – топнул ногой шут. – Давай, я тебе помогу. Повторяй за мной, – и он начал шептать. – В селе Большая пахота...

– В селе Большая пахота... – повторил Министр.

– Сошел с ума старейшина. Продолжайте.

Король устроился поудобнее, поменяв скипетр и державу местами. Видимо, затекли руки. Даже придворные отвлеклись от созерцания друг друга и обратились в слух.

В королевстве редко что происходило, поэтому любое маломальское происшествие привлекало всеобщее внимание, после чего долго обсуждалось. До следующего происшествия. Последняя такая новость была год назад: прежний изобретатель сконструировал некое устройство, названное пропеллером, с помощью которого он хотел взмыть в небо, как птица. Сделал безумец это для того, чтобы привлечь внимание одной королевской фрейлины, очень видной и пышногрудой дамы. Естественно, что у него ничего не вышло, и бедняга насмерть расшибся о скалы во время первого же испытания своего изобретения.

Это событие наделало много шума, обрастая день ото дня все новыми подробностями и домыслами. В итоге все забыли истинную причину этого безумного поступка, вконец запутались и вскоре прекратили обсуждения. Придворные музыканты даже сложили об этом песню, которую исполняли королю во время обеда. Стихи оказались незамысловатыми, а музыка до того веселой, что Величество заучил ее наизусть и с радостью подпевал.

Он печален был, он ее любил,
Но на всем ему отказ, чтоб он не попросил.
С горя он тогда пропеллер смастерил.
Как получилось – сам не понял!
Как-то вышел он на луг и увидел вдруг:
на краю утеса она молча смотрит вдаль.
Охватила тут юношу печаль,
и, разбежавшись, вниз он прыгнул.
И с утеса вниз парень полетел,
И завыл залетный ветер, гибели его свидетель.
Плакала она и его звала,
укоряла и бранила девушка себя:
– Ах, какая я бестолковая!
Ну почему в нем сомневалась?!
И в тот самый миг юноша возник
И с улыбкой над утесом в воздухе повис.
И воскликнул он: – Милая, сюрприз!
Но вдруг заглох его пропеллер.
И с утеса вниз парень полетел,
И завыл залетный ветер, гибели его свидетель.²

К слову сказать: нынешний изобретатель доработал конструкцию бедолаги, снабдив ее дополнительными лопастями, ременными передачами и ножным педальным приводом, вместо ручного. Весь механизм новоявленный конструктор закрепил на огромном шаре, который наполнялся горячим воздухом. На этот раз испытания увенчались успехом. Именно с помощью обновленной конструкции изобретатель королевства Даниэль поднялся в воздух и составил подробную карту государства, за что получил звание «мастера». А как звали прежнего, уже никто не помнит.

– Так вот, – продолжил Министр. – В селе никто не выходит в поля на работу – боятся старейшину. Тот носится по дворам с вилами, колет всех, кого видит. В общем, срывает посевную озимых, сукин сын. Я подробностей не знаю, об этом рассказала его старуха, которой чудом удалось сбежать и добраться до начальника гвардейцев. Я хотел, было, снарядить отряд, но ополченцев только-только, чтоб улицы патрулировать.

² «Любовь и пропеллер».

– Так что, мы можем совсем без урожая остаться? – почесал затылок шут, перекинув ногу на ногу, и посмотрел на короля. Тот, в свою очередь, приподнял одну бровь и исподлобья глянул на Министра.

– Так ить... – развел руками тот. – Что мне, самому туда скакать? А кто обороной города руководить будет?

– Какой обороной? Войны не предвидится, или мы чего-то не знаем?! – наиграно востепенулся шут и стал озираться по сторонам. – У нас же с соседями, вроде как, пакт о ненападении подписан.

– Типун тебе на язык, убогий! Ты языком-то поменьше мети, еще беду накликаешь! – офицер трижды сплюнул через левое плечо. – Торговки базарные меньше тебя треплются, шут гороховый!

Последний вытащил из-под одежды игрушечный скипетр, потряс им над головой, заулюлюкал, высунув язык, и затряс ногами.

– Даром что дурак! – в сердцах отмахнулся Министр. – Тут без Советника не обойтись.

Вельможи вновь зашущукалились, а один из них, в длинном белом парике, постарался затеряться в толпе, но его вытолкнули вперед. Поклонившись, мужчина встал рядом с офицером, расправил свой зеленый, шитый золотом кафтан и поправил пенсне.

– Ваше Величество, полностью согласен с Вами! – и поклонился еще раз, едва не словившись пополам.

Государь закатил глаза к потолку и на мгновение задержал взгляд на огромной многоярусной люстре, которую собрал Даниэль. Еще одно изобретение мастера, которое со дня на день должно заработать. Все заключалось в каком-то электричестве. Что это такое изобретатель не стал объяснять, сославшись на непонятные слова. Король не стал настаивать и попросту согласился, тем более что в том году пчелы куда-то подевались, и в государстве стало одной проблемой больше: снизилась добыча воска, из которого делали свечи для освещения замка.

Шут снова толкнул хозяина в бок.

– Ну да... – очнулся тот. – С чем согласен, любезный? – переспросил Августейший.

– С вами, – ответил Советник, совершая очередной поклон.

– А я разве что-то предложил? – король удивленно посмотрел на шута, и тот отрицательно замотал головой, от чего бубенцы на его шапке залиvistо зазвенели. – Так с чем же ты согласился тогда? Да... И что делать теперь?

Вельможи стали переглядываться, пожимать плечами и шептаться, делая вид, что весьма заинтересованы способами решения данной проблемы.

– Не шута же мне посылать?! – король выронил-таки державу, и она, пропрыгав по мраморным ступеням, покатила по полу, остановившись у ног Советника. Сам шут и ухом не повел, только ухмыльнулся и встал во весь рост.

– Ну, – Он упер руки в бока и осмотрел носки своих клоунских сапог с загнутыми носами, – если кроме меня других кандидатур нет, то я, так и быть, послужу отчизне.

Придворный балагур повернулся к хозяину и, приложив руку к груди, поклонился, метя колпаком пол.

– Быть по сему! – Государь поднялся с трона. – Отправляйся немедленно, по прибытии – доложить мне лично!

В это время снаружи раздался залп орудия, и витражи в окнах зазвенели и едва не осыпались. До этого мирно спящие собаки вскочили на лапы и залились лаем. Все присутствующие вздрогнули от неожиданности, хотя подобное происходит по десять раз на дню. Король положил на трон скипетр, принял из рук Советника державу, вытащил из-за пазухи какой-то свиток, развернул его и сверился с часами на стене.

– Так и есть, десять часов, – хмыкнул Августейший, а шут посмотрел на механизм на своей руке и согласно кивнул, поправив растрепавшуюся рыжую шевелюру. – Все свободны, а вас, моя драгоценная супруга, я попрошу остаться!

Придворные поклонились и, пятась, как раки, покинули Тронную залу, оставив королевскую пару наедине.

Шут довольно вышагивал по улицам королевства, стирая подошвы своих потертых сапог о булыжник мостовой. Свой шутовской наряд он сменил на короткие сапоги, штаны, просторную рубаху и кожаную безрукавку, на которой сверкал королевский герб – знак того, что обладатель одного очень важная персона, приближенная к самому сюзерену. Горожане почтительно уступали ему дорогу и кланялись, будто он был самым королем, а не придворным хохмачом. Проходя мимо жилых домов и торговых лавок, молодой слуга государя насвистывал себе под нос какую-то незатейливую мелодию и кланялся горожанам в ответ, широко улыбаясь. Проходя мимо молодых девиц и женщин, шут не упускал возможности ущипнуть ту или иную красотку за зад или за грудь, а то и вовсе, шутя, тащил в подворотню. Те верезжали и норовили огреть хулигана всем, что попадет под руку: корзинкой, веником, свежестиранным бельем, но тот ловко уворачивался и убегал, громко смеясь и улюлюкая.

Шут направлялся к центральным воротам, которые вели в город. Именно там находился штаб гарнизона, а, следовательно, и сам начальник гвардейцев, что охраняли территорию.

Зайдя по пути в бакалейную лавку, шут купил несколько сдобных булок и почти все отдал ватаге малолетних разбойников, что неотступно следовала за ним. Ребятня хором прокричала слова благодарности и умчалась, горланя на всю улицу. Оставшуюся булку королевский клоун скормил на дворцовой площади вечно голодным голубям. Сизые птицы ворковали, отнимая друг у друга раскрошенную сдобу. Постояв еще немного в тени гончарной лавки и дождавшись, пока стая насытится, шут сунул в рот два пальца и заливисто свистнул. Птицы, громко хлопая крыльями, взвились в воздух и устремились к белым облакам, что плыли по голубому летнему небу. Прикрыв глаза от яркого солнечного света ладонью, рыжеволосый балагур улыбнулся и побрел дальше.

Порывы ветра раскачивали разнообразные вывески всевозможных лавок. Многие хозяева высыпали на улицу и теперь нежились на солнышке, сидя на табуретах, выставив ноги прямо на дорогу. Шут посмотрел на часы, хмыкнул и прибавил шаг. Уже через несколько минут он входил в каменное строение, расположенное по эту сторону крепостной стены.

Ставни были распахнуты настежь. На деревянных лежаках, стоящих вдоль стен, похрапывал сменившийся караул. За круглым столом сидел начальник караула и что-то записывал в книгу. Шут, как и подобает культурному человеку, постучался в приоткрытую дверь. Видимо, человек в форме не являл собой образец культурного человека, поэтому никак не отреагировал на стук. Тогда шут кашлянул в кулак и просто вошел внутрь. Только теперь офицер, одетый в тяжелую кирасу, с не менее тяжелым шлемом на голове, поднялся со стула и козырнул гостю.

– Приветствую самого пригеливи... привигели... Тьфу ты, пропасть! При-ви-ле-ги-ро-ванного дурака королевства! – по слогам произнес начальник стражи звание вошедшего.

– И тебе не хворать! – вполголоса, чтоб не разбудить солдат, ответил шут. – Где эта бабка, у которой муж спятил? Государь велел мне разобраться с ейной проблемой. Еще велено в охранение взять двух воинов, вот распоряжение Государя, с печатью и подписью, все, как положено, – и он помахал бумагой.

Офицер хмыкнул.

– Так она домой побрела. Чего ей тут сидеть, доложила и пошла назад. К завтраму, глядишь, доберется.

– Все понятно, – нахмурился шут, – Да ты садись, в ногах правды нет. Что же вы свидетеля-то отпустили? Протокол опроса хотя бы составили?

Бравый служака хотел уже опуститься на стул, но снова вытянулся в струну.

– Обижаете, ваше ничтожество! У меня все согласно уставу. Кто пришел, кто ушел, кто что видел и слышал. Мимо меня и муха не проскочит, и мышь не пролетит, в смысле, наоборот.

Придворный весельчак вздохнул.

– Значит так, я сейчас отлучусь, и вернусь... – Он посмотрел на наручный механизм. – Через половину часа... – шут заметил, как начальник стражи округлил глаза от непонимания. – Скоро, в общем. Сюда должен подойти еще королевский летописец – пусть ждет, и снарядите двух воинов. Все ясно?

Офицер ударил каблуками тяжелых сапог.

– Яснее некуда, ваше безродие!

– И смотри у меня! – погрозил пальцем рыжеволосый весельчак и вышел на улицу.

Начальник стражи облегченно вздохнул и опустился-таки на стул. Хорошо, что его застали за работой, а ведь он собирался соснуть часок-другой. Вот конфуз бы вышел! С шутком нужно держать ухо востро! Дурак да не простак! С королем на короткой ноге. Доложит – враз со службы вылетит, и прощай жалование, бесплатное обмундирование и казенное жильё. А солдат ничего другого не умеет, кроме как охранять покой королевства.

Офицер покончил с записями, захлопнул книгу и предался раздумьям о бренности бытия...

Стаптывать сапоги и ноги у шута не было никакого желания, да и путь неблизкий, поэтому он решил направиться в конюшню, чтобы взять телегу, запряженную кобылой. Он, конечно, мог бы потребовать и карету, да только ехать предстояло с парой стражников, вооруженных до зубов, и, скорее всего, с бабкой из Большой пахоты, которую они встретят по пути. Так что ни о какой карете и речи не могло быть. Да так он и лучше, на свежем-то воздухе. Вокруг птички поют, стрекозы жужжат. Запах опять же. Лепота!

Шут выбрал себе самую приличную лошадь, которая только имелась. Конюх сначала пробовал протестовать, пытаясь угрожать жалобой самому королю, но рыжий весельчак пообещал поставить ему бланш под второй глаз, в пару первому. Тот молча согласился, хоть и сильно рисковал. Ведь эта кобыла была любимицей самого государя, чего шут не мог не знать. Ее подарили Августейшему на первый День рождения. Хоть коняга и доживала последние дни, но была многим лучше остальных. К тому же Государь очень дорожил гнедой и питал особые чувства к этому мешку с костями.

Уже в начале двенадцатого, если верить механизму дворцового изобретателя Даниэля-мастера, шут, в сопровождении королевского летописца и двух солдат, колесил по грунтовой дороге, поднимая в воздух клубы пыли, оставив за спиной крепостную стену столицы Королевства срединных земель.

Телегу трясло на ухабах. Глупая лошадь то и дело пыталась уйти в поле, чтобы сорвать и сжевать какой-нибудь колокольчик или ромашку. Возницу она совершенно не хотела слушать, от чего шут ругался на чем свет стоит.

– Тупая скотина! Прямо ехай! – но гнедая только шевелила ушами и отгоняла хвостом надоедливых слепней. – Да что ты будешь делать?! Точно мяснику отдам, он из тебя фарш накрутит!

Кобыла словно поняла его слова, дернула телегу и убыстрилась. Стражники в телеге повалились на солому, звякнув доспехами и оружием. Шут улыбнулся и вновь замурлыкал какую-то мелодию. Мимо проплывали цветущие луга, на которых паслись коровы, козы и овцы. Вокруг

порхали бабочки, по небу проплывали облака. Весельчак откинулся на спину, оторвал соломинку и засунул ее в рот. Едва он прикрыл глаза, как телега остановилась.

– Какого лешего?! – приоткрыл один глаз шут, а солдаты схватились за алебарды.

Но на опасность не было и намека. Посреди дороги сидела старуха. Она громко причитала и яростно жестикулировала. Гвардейцы переглянулись.

– Ведьма, – прошептал один и крепче сжал древко оружия.

– Сам ты ведьма, – сказал другой, поправляя шлем. – Это та самая, у которой муж с ума сошел. Жена старейшины из Большой пахоты, что за лесом.

Шут сел, покачал головой и отдал распоряжение своим сопровождающим.

– Посадите старуху на телегу, не бросать же ее здесь. Она таким темпом до дома к первому снегу доковыляет.

Гвардейцы зычно заржали. Они спрыгнули на землю, прогремев доспехами, подхватили бабку и усадили на солому. Под ворохом сухой травы кто-то ойкнул. Все уже и думать забыли о королевском летописце, который мирно почивал на дне повозки. Он вылез наружу, кивком поприветствовал бабку и осмотрелся. Та глянула на сухого вида паренька в помятом бархатном берете, коим оказался слуга пера и бумаги, и наградила его проклятьем.

– Мы еще не приехали? – спросил тот.

– Нет, – ответил шут. – К вечеру будем, – и, не глядя, обратился к старухе. – Тебя как величать-то?

– Апполинария, милоч. А тебя?

– Милоч – самое оно, – стражники усмехнулись. – А что, мать, часто ли такая беда с твоим дедом случается?

Бабка открыла беззубый рот и призадумалась.

Летописец за это время порылся в соломе и извлек оттуда узелок с письменными принадлежностями, где хранилась чернильница и набор гусиных перьев, и огромную потрепанную книгу, в которую заносилось все, что случалось в королевстве, во всех мельчайших подробностях. Стоит заметить, что при нынешнем слуге королевской библиотеке это уже четвертый том, а сколько их пылится на полках – и не сосчитать! Паренек поправил берет, открыл книгу посередине и приготовился записывать очередную историю.

– Мать, очнись! – прикрикнул шут, понукая кобылу.

– Ась? – встрепенулась та, поправляя платок, из-под которого выбивались седые пряди. – Ну да... Не замечалось ним такого ранее. Он уже лет пятьдесят, как не больше, в старостах ходит. Всегда спокойным был, рассудительным. И плуг починит, и борону, если мастер в запой уйдет. Все у него при деле всегда ходили. И чего на него нашло? Не знаю. Выпил вчера, вроде как обычно, три чарки.

Шут присвистнул.

– Ничего себе, как обычно! Да у нас кузнец от такого замертво свалится!

– Ты, милоч, не сравнивай хрен с морковью, – усмехнулась бабка, а стражники прыснули в свои железные рукавицы. – Мой муженек от этого даже не захмелеет, а тут на тебе! Я грешу на то, что его отравить хотели!

– И кто же? – удивился шут.

– Знамо кто, мужики. Должность его занять хотят, а это, извини-подвинься, пятьдесят монет сверх того, что наторгуем. А, может, и гость давешний чего в кружку подсыпал... – Она призадумалась. – Мужик же у меня государственный человек!

– Ну да... – согласился весельчак, откинул ладонью рыжие кудри и вновь тряхнул вожжами.

Солнце стояло в зените, и начало греть с такой силой, словно кто-то забыл закрыть заслонку у печки. С бедных гвардейцев пот лил в три ручья, но на всеобщее спасение телега въехала в лес. Тут же налетела мошкара и комары. Шут, бабка и летописец отмахивались

от гнуса сорванными ветками орешника, а вот солдатам вновь не повезло. Треклятая мошка забралась под кирасы и шлемы и принялась кусаться. Стражники елозили по телеге, но советы снять доспехи игнорировали, ссылаясь на возможное нападение неожиданного врага. Так и ехали. Вдобавок ко всему прочему в животах у них начало урчать, а захватить в дорогу провизии вояки не удосужились. Хорошо себя чувствовали только привыкшая бабка и неприхотливый шут. Летописец, казалось, с головой ушел в свою книгу и не видел ничего вокруг. Он изредка спорил сам с собой, покусывал кончик пера и что-то писал на пожелтевших страницах. Королевский хохмач пытался определить, чем таким важным этот писака занят, заглянув через плечо, но тот буркнул что-то непонятное и пересел на дальний край телеги. Оставшийся путь до села Большая пахота проделали молча. Единственную фразу произнес один из гвардейцев, увидев изъеденный термитами указатель с названием населенного пункта.

– Наконец-то, уже все сварилось вкрутую!

Лесной массив остался позади, тогда как с фронта надвигались десятки покосившихся строений, обнесенных невысокими заборами.

– Мой дом самый последний, – крикнула старуха. – Туда гони!

– Как скажешь, мать. Держись крепче! – и шут стеганул кобылу веткой. Естественно, что та не попыталась перейти даже на рысь. Она повернула голову и, посмотрев взглядом «ты серьезно?!», продолжила лениво плестись по дороге, еле волоча копыта.

Солнечный диск продолжал плыть по небу, лавируя между редких перистых облаков. По пыльной обочине носились облезлые собаки и десятка два куриц.

– А где люди? – спросил летописец.

– По домам сидят. Деда моего бояться, – ответила старуха. Парень понимающе кивнул, поглубже натянул свой берет и придвинулся к гвардейцам.

Еще через минуту телега замерла напротив двора, где и жил виновник всех бед. На первый взгляд все было тихо и спокойно. Словно ничего и не произошло, за исключением бурых пятен на дороге.

– А это что? – указал на предмет своих наблюдений королевский писарь. Ответ бабки заставил его пойти пятнами и втянуть голову в плечи по самые уши.

– Так кровь, – спокойно ответила та, сползая на землю. – Говорю же, дед с вилами носился. Трех запорол насмерть, двоих подранил шибко. Остальные успели схорониться.

Гвардейцы спрыгнули с телеги, взяли алебарды наперевес и встали спина к спине. Заняли, что называется, оборону. Шут привязал поводья к забору и осмотрелся – нигде сумасшедшего старика не видно. Ставни наглухо закрыты, дверь тоже. Пожав плечами, он вошел через калитку во двор и направился к крыльцу.

– Я его в доме заперла, – крикнула Апполинария, прячась за кустами чертополоха на пару с писарем. – Я бы на твоём месте, милоч, не выпускала его, от греха подальше.

Шут потрепал свои вихры.

– Мне же надо во всем разобраться. Меня сюда для этого сам король направил. Дед твой, вроде как, теперь под следствием. Трех уколошил, стало быть – убийца.

В тоже мгновение в доме что-то гроыхнуло, раздался топот, и дверь содрогнулась под чьим-то натиском, но сдюжила, благо, что была подперта оглоблей. А через миг по двору разнеслась отборная брань. Со всех сторон к дому стали стягиваться селяне: уж коли этих пришлых не тронули, значит и им ничего не грозит, но близко все равно не подходили, наблюдали шагов с сорока.

Солнце начало медленно, но верно, клониться к горизонту, окрашивая небо в розовые и желтые цвета. Шут для пущей важности посмотрел на часы, сделав это так, чтобы жители Большой пахоты смогли оценить хитроумный механизм, но они не оценили.

– Итак, – королевский балагур обратился к гвардейцам. – Будьте наготове. Старика не кончать, а брать живым.

– Что мы, какого-то сморщенного старика не схомутаем?! – обиделись те.

– Да-да! – крикнула из чепыжей Апполинария. – Не убивайте деда. Он – государственный служащий! А вот второго можете.

– Какого второго?! – удивился шут.

– Того, с кем мой муж пил, ему первому черенком досталось. Сознание из него вон, и я этого охламона в сарай утащила. Там он связанный и валяется.

– Два дня? Как бы не окочурился. Странно, почему деда никак не отпустит... Ладно, потом разберемся. Приготовьтесь, выпускаю старика! – шут ногой выбил оглоблю и с ловкостью циркового гимнаста забрался на крышу, предоставив гвардейцам свободу действий. И тут...

Раскатом грома разлетелся по округе злобный рык, который можно сравнить только, разве что, с ревом раненого быка. Входная дверь слетела с петель и, перевернувшись в воздухе несколько раз, упала в соседнем огороде. Одним прыжком преодолев крыльцо, во двор выскочил так называемый старик, одетый в одни трусы ниже колен и сжимающий в руках вилы. Хотя назвать его дедом язык не поворачивался. Гора мышц, и это не смотря на возраст. Увидев своего противника, гвардейцы пожалели не только о том, что приехали сюда, а что вообще родились на свет! Выстоять против такого здоровяка у них нет ни единого шанса, куда там простым жителям. Не удивительно, что в эту самую секунду завизжали местные бабы и попрятались в своих домах, хлопая дверьми и ставнями.

– Прощай, брат, – прошептал один из солдат, сглотнув комок, застрявший в горле.

– Прощай, для меня было честью служить с тобой!

– Убью, черти! – взревел старейшина, помчавшись на живую преграду, и, спустя мгновение, врезался в гвардейцев.

Те не сдюжили и разлетелись в стороны, словно кегли. Шут, сидя на крыше, уже прочел отходную молитву, но не тут-то было! Солдаты вскочили на ноги и закружились вокруг брызгающего слюной деда, ловко отбивая алебардами удары вилами. Так продолжалось три минуты, шут засек по часам. Несколько раз бугай смог-таки достать бравых воинов: их кирасы основательно измялись, из неглубоких ран на лицах текла кровь. Сам бузотер тоже не остался невредимым: его вздутые мышцы окрасились красным. Он тяжело дышал, стоя на чуть согнутых ногах, и выбирал удобный момент для нападения, от его тела вверх поднимались струйки пара.

С высоты своего укрытия шут видел, что гвардейцы долго не выдержат, и решил им помочь. Достав из-за пазухи рогатку, рыжеволосый посланец короля прицелился и запустил в сумасшедшего старика один из камней, что всегда носил в кармане. Шут никогда не упускал возможность всадить кому-нибудь из придворных вельмож в мягкое место желудь или что-то покрупнее. Вот и пригодилось оружие!

Камень со свистом разрезал горячий воздух и врезался точно в седой затылок грозы села. Несколько секунд ничего не происходило, но потом старик закричал, пошатнулся, выронил вилы и со всего маху приложился физиономией о землю.

– Да! – заорали хором солдаты, отбросили в стороны алебарды и кинулись вязать деда по рукам и ногам, пока тот не пришел в себя.

Тут, откуда ни возьмись, появились абсолютно все жители деревни: от мала до велика. Даже собаки с курами. Вылезла из репейника и жена старейшины вместе с королевским летописцем, бледным, как сама смерть. Спустился с крыши и шут, и тут же приступил к своим обязанностям.

– Тащите сюда второго, он в сарае должен быть. Сейчас будем разбираться, кто виноват, – и пока гвардейцы ходили за предполагаемым отравителем, посланник короля присел на корточки возле мирно сопящего старейшины и приподнял ему веки. – С этим все ясно. Зрачки расширены. Его однозначно опоили, но вот чем? Смею предположить, что это дурь-трава. С белены эффект обратный.

Шут с умным видом потер подбородок и снова посмотрел на часы. На этот раз зеваки заинтересовались чудо-механизмом. Слуга государев поиграл еще немного на публику, а после продолжил то, зачем, собственно, сюда и прибыл. По его приказу найденного в сарае мужика обыскали и нашли при нем семена той самой дурь-травы. Да и, к слову сказать, одежда на нем не из дешевых. Качественная, больших денег стоит.

– Прав ты оказался, милоч. Выходит, не виноват мой дед! – обрадовалась Апполинария, похлопывая его по плечу.

- Ну, это как сказать... – шут выпрямился. – Три трупа как списать?
- Тоже мне проблема, – заголосили жители наперебой.
- Напиши, что волк задрал, и дело к стороне.
- Оставьте старосту в покое. Отлежится, придет в себя.
- У покойных родных нет, жили бобылями.

Шут покачал головой и подошел к летописцу, который усердно скрипел пером.

– Значит так, пиши, как они говорят. Зачем нам темные пятна на белом покрывале истории нашего государства? – писарь согласился, а дворцовый дурак направился к гвардейцам, что стояли у забора и осматривали свои раны. – Хвалю за службу!

– Рады стараться! – ударили те шпорами.

– Доложу о вашей храбрости государю. Завтра же. А теперь кидайте этого в телегу и поехали обратно. К ночи доберемся.

Взор бравых воинов тут же потускнел. Опять трястись в повозке, после такой битвы да еще на голодный желудок?! Это смерти подобно.

– Эй, мать! – крикнул шут Апполинару. – Сообрази нам поесть в дороге, да поживее, а то сейчас развяжем твоего благоверного...

Старуха не заставила себя долго ждать и уже через несколько минут вручила героям сегодняшнего дня целую корзину всякой снеди, не забыв сунуть гвардейцам по серебряной монете в награду за то, что не отправили ее старика к праотцам. Бабка пыталась еще их расцеловать напоследок, но те сумели отбиться.

– Как тебя все же звать? – спросила у рыжеволосого Апполинурия.

– Шутом все кличут или дураком. Я не обижаюсь.

– Какой же ты дурак? – удивилась та. – Вроде умный, складный, на блаженного не похож. Странно... Ну да ладно. Прямой вам дороги, сынки.

– Шут... – прошептал парень. – Прохором, кажись, бабка кликала. Точно, так и есть.

Старуха помахала рукой, и к ней присоединилось все население Большой пахоты. Телега дернулась и покатила за гневной кобылой, не успевшей до конца обглодать куст боярышника, возле которого была привязана. Солдаты за обе щеки уплетали провиант и вспоминали минувшее сражение, не стесняясь в выражениях. Королевский летописец наспех перекусил ломтем хлеба да куском сыра, снова зарылся в солому и забылся мертвецким сном. Шут не отказался от предложенной колбасы, запил ее молоком прямо из бутылки и завел непринужденную беседу.

– Буду ходатайствовать, чтобы вас направили в действующую армию. Такие солдаты нам нужны.

Гвардейцы аж подавились.

– А может не надо? Это мы с перепугу, а?

Шут незаметно улыбнулся.

– Ладно, уговорили, все возьму на себя. С писарем договорюсь. Вы сами смотрите не болтайте!

– Да мы никогда! – клятвенно пообещали те и для убедительности провели большими пальцами по горлу.

Тут вернулось сознание пленнику, что трясся с краю телеги. Он открыл глаза и, увидев шута, заголосил:

– Ну, слава тебе...! Я уж думал...

Договорить он не успел. Прохор точным и сильным ударом вновь отправил преступника в забвение.

Болтун – находка для шпиона! – сказал он и погрозил пальцем гвардейцам. Те понятливо кивнули и продолжили трапезу лишь под скрип тележных колес. Солнце уже начало задевать макушки деревьев, в пышных кронах зашумел бродяга-ветер, запели птицы. Дневная жара

начала спадать. Кобыла перестала упрячиться и теперь мирно брела по дороге в сторону столицы Королевства Серединных Земель...

Глава вторая

Проخور проснулся с первыми петухами. Горделивые птицы перекрикивались между собой, словно стражники, совершающие ночью обход территорий: пароль – отзыв, пароль – отзыв. Шут потянулся, широко зевнул и почесал зад, поправив портки. Через открытое окно он увидел, как занималась заря. Оперевшись на подоконник, придворный болтун набрал в легкие воздуха и крикнул, что было мочи.

– Эге-ге-гей! – но город еще спал, только бродячие собаки ответили ему дружным лаем, да какой-то бедолага, что спал под стенами замка, аккуратно под окнами Прохора. – Доброе утро, народ мой!

– Да заткнешься ты когда-нибудь?! – рявкнул на него бродяга. – Дай поспать, окаянный.

– На том свете отоспишься! – усмехнулся дуралей и схватил со стола часы, едва не уронив кувшин с водой. – Ого! Пять часов!

Шут подошел к торчащей из стены трубе и, покрутив вентиль, нахмурился. Еще весной Даниэль-мастер выпросил у государя денег на ремонт водопровода в королевском дворце, но дело замерло и не спешило сдвигаться с мертвой точки. Вода по-прежнему не появилась, поэтому все мылись по старинке: кто в бочках, кто в тазиках. Министр неоднократно напоминал изобретателю о наказании за нецелевое использование государственных средств, но тот каждый раз клятвенно обещал, что все исправит на будущей неделе. Вообще, этот умелец был странным малым: в его голове роились сотни идей, словно у него не череп, а улей. Он брался за одно, а уже на следующий день мог забросить дело и взяться за новое, а то занимался сразу тремя. Имелось бы у него десять рук, в замке уже горело и обещанное непонятное электричество, которое вырабатывала водяная мельница, работал бы водопровод и подъемный механизм, который Даниэль обещал построить королю, чтобы тому не ходить пешком по крутым лестничным переходам.

Хмыкнув, Проخور умылся из кувшина, налив на полу больше воды, чем попало в таз, наспех перекусил тем, что он успел урвать ночью на кухне: холодным мясом цыпленка и парой картофелин. Смахнув крошки со стола, шут решил прогуляться по городу, пока есть такая возможность. Ведь скоро придется приступить к служебным обязанностям, а валянье дурака очень сильно утомляет. И физически, и морально, и как больше – еще неизвестно. Пройдя по бесконечным коридорам замка, освещенных где факелами, где масляными лампами, и преодолев тысячи каменных ступеней, Проخور покинул замок и побрел по пустынным улочкам столицы Серединных Земель, напевая одну из песенок музыкантов из таверны.

Сидел на озере рыбак,
в лодке с удочкой дремал
и потому не замечал,
как на воду лёг туман.
А потом увидел он
белый пар со всех сторон.
«Что мне делать, как мне быть?
Как узнать, куда мне плыть?
Как узнать, куда мне плыть?»

Посмотрел вперед, назад,
и поплыл он наугад.
Но коснулось дна весло —
берег рядом, повезло!

И рыбак пришел домой,
дверь толкнул своей рукой.
Видит в комнате жена,
словно статуя она,
и не смотрит на него она!
За окном застыла ночь,
неподвижна в люльке дочь,
над плитой часы стоят,
мухи в воздухе висят.
Сын стоит, разинув рот,
и в прыжке со стула замер кот.³

Едва шут закончил петь и ступил на городскую площадь, как убедился в обратном: улочки вовсе не тихие. Тут копошились десятки людей, во главе с изобретателем. Часть людей заканчивала возведение лесов у главной башни, часть навешивала толстенные канаты. Сам Даниэль, высокий блондин, стоял возле телеги, запряженной хромой кобылой, грыз ногти и раздавал указания. Его внешний вид представлял собой странное зрелище: штаны и куртка в заплатках, словно у него нет денег на новые, тут и там торчит металлическая стружка, какие-то измерительные приборы и прочие непонятные штуки. На левой руке такие же часы, с откидывающейся крышкой, что и у Прохора, в правой руке странная трубка, которую то и дело Даниэль прикладывал к глазу. Шут подошел к своему давнему знакомому и поприветствовал его.

– Что тебе не спится, мастер?

– Тебе, я смотрю, тоже сон не знаком? – кивнул тот. – А я вот часы вешать собираюсь. Посмотришь?

– Конечно! Мало того, я первым доложу об этом государю! Ты уж не подведи меня, да и себя, а то Главный министр давно на тебя точит зуб, а палач топор.

Даниэль закашлялся, трижды плюнул через левое плечо, после взял из телеги кулек, сделанный из тонко кованого железа, поднес ко рту и крикнул.

– Начинаем! Тяните! Одновременно!

Люди, что крепили канаты на самом верху башни, теперь стояли внизу и тянули их через блоки, срывая с ладоней кожу. Вдоль стены пополз большой часовой механизм, собранный мастером. Еще двое рабочих оттягивали часы веревками от стены, чтобы те не бились о кладку. Как только конструкцию подняли до нужной высоты, мастер крикнул:

– Все, держим! Закрепить! – одни рабочие прекратили подъем, тогда как другие, что находились наверху, спустились по дополнительным канатам к часам и стали крепить их к стене.

– Не упадут? – спросил шут, задрал голову.

– Не хотелось бы, – изобретатель потер гладковыбритый подбородок и поправил шляпу, с закрепленными на ней огромными очками. – Я всю ночь расчеты проводил.

– Я про людей.

– А... Их много.

– Когда вода в кране появится? – Прохор посмотрел на Даниэля. – Сколько можно в тазиках плескаться? Живу, вроде как, во дворце, а условия хуже тюремных. Заключенных хоть на озеро выводят.

– А тебе что мешает? – усмехнулся мастер.

Шут повел шеей, разминая затекшие от долгого смотрения вверх мышцы.

³ «Рыбак».

– Ты сейчас про что? Про тюрьму или озеро? За решетку я не собираюсь, а до воды идти долго. Пока возвращаешься, десять раз вспотеешь и пылью покроешься.

– Я тебе могу самокатную повозку собрать, – ответил на это изобретатель. – У меня даже чертеж есть, да мне уже не к чему. Я сейчас кое-что другое собираю. Увидишь – ахнешь! А эту, попроще, могу собрать хоть сегодня. Давай, я тебе по-быстрому ее нарисую.

– Я уж как-нибудь пешком, – попытался закрыть тему Прохор, но Даниэля было уже не остановить.

Он вытащил из сумки, висевшей на боку, книгу и открыл на чистом листе. Затем достал небольшую коробочку, извлек из нее тонкий черный цилиндр с палец длинной, и стал рисовать им в книге, чем очень удивил шута. Тот ничего подобного еще не видел. Только традиционное перо, ну и угольные головешки из костра.

– Смотри сюда, – Даниэль нарисовал два круга и стал соединять их между собой короткими линиями. – Это колеса, сажаем их на раму и готово. Сядишься, толкаешься ногами и едешь. Ну как?

– Ну, не знаю... – почесал затылок шут. – А по грязи как ездить? Все сапоги перепачкаешь.

– Хм... – теперь пришла очередь задуматься мастеру. – Тогда так: приделываем к первому колесу вот такие штуки, как воротки на колодцах, чтобы колесо ногами крутить, а сзади добавляем еще одно колесо, для устойчивости. Как-то так.

Даниэль быстро внес коррективы в рисунок и посмотрел на Прохора, который поразился скорости мышления изобретателя. Пока шут подбирал слова, чтобы отказаться от предложения и не обидеть мастера, рабочие закончили крепить часы и уже спустились вниз. Стрелки показывали половину седьмого утра. Прохору пора возвращаться во дворец. Он похлопал изобретателя по плечу.

– Ладно, побегу я. Мне еще переодеться надо... в любимый костюм.

– Давай, – конструктор даже не посмотрел на собеседника. Он целиком был поглощен созерцанием своего изобретения, которое теперь красовалось на самой высокой башне в городе. – Все-таки не зря я часы придумал. Вот сегодня, к примеру, на двенадцать часов назначена казнь. Очень удобно, посмотрел на них и знаешь, когда приходит.

– А кого казнят? – удивился Прохор. Он отсутствовал весь вчерашний день и не знал, что случилось.

– Конюха.

– О как... Я же его вчера только видел. Что он натворил? Неужто за то, что я вчера на королевской кобыле уехал?! – шут не на шутку распереживался. – Я отговорю хозяина, он отходчивый. Назначит ударов десять плетью и все.

Даниэль оторвал взгляд от часов и посмотрел на Прохора.

– Вот живешь в замке, а ничего не знаешь. Нельзя его помиловать. Ты его жену видел?

– Ну... – замялся шут, показывая руками воображаемую женскую грудь величиной с тыкву.

– Во-во! Конюх-то мужик не особо видный, вот и таскалась его баба к другим. Думала, тот не знает. Ан нет! Пронюхал он про это и знаешь, чего учудил? – Прохор помотал головой. – Третьего дня покрутил ее, как лошадь, на колбасу. Позвал всех любовников своей жены на ужин и скормил им ее. Представляешь?!

– Какая отвратительная история! – шута передернуло. – А как узнали-то про все это?

Даниэль вздохнул.

– Да сам пришел вечером в кабак, трезвым, и во всем признался. Сказал, совесть замучила. Его скрутили и в тюрьму отвели, предварительно хорошенько начистив рыло. Распух, поговаривают, от тумачков, еле в дверь прошел. Жалко бабу...

– Да уж... – потер подбородок Прохор. Кому как не ему знать гулящую натуру жены конюха. Он сам нет-нет да встречался с ней у реки в зарослях камыша под раскидистой ивой. Но об этом никто не знал, а если бы и вывели, то какой с безумца спрос? Он дурак, не соображает, что делает. Хорошо, что с конюхом в друзьях не ходил! – Ладно, пойду-ка я. Скоро король проснется.

– Давай, – махнул Даниэль, забираясь на повозку. – Мне еще трое часов повесить надо, а ты подумай на счет моего самоката. Тебе почти задаром сделаю.

Шут усмехнулся, сверил время своих часов с теми, что теперь имелись на площади, и быстрым шагом направился в сторону королевского замка.

Его Величество король Генрих проснулся в хорошем расположении духа. Он сладко потянулся до хруста костей, надел корону, что лежала на стуле, стоявшем возле огромной кровати, и скинул ноги на пол. Большой ворс иноземного ковра, купленный за огромные деньги в соседнем королевстве, приятно щекотал ступни, от чего царственная особа закатила глаза и заулыбалась.

Солнце уже поднялось над городом и теперь светило в окно государя, приятно припекая. Генрих встал и принялся мерить опочивальню шагами, насвистывая свою любимую песенку про изобретателя пропеллера. Посмотрев в окно, король подошел к умывальнику, повернул ручку крана и стоял так минуты две, ожидая, что, наконец-то, пойдет вода, но чуда не произошло.

– Он у меня дождется! – топнул ногой сюзерен и дернул за шнурок у кровати, вызывая слугу. Тот явился через мгновение, потирая заспанное лицо и поправляя помятую ливрею. – Готовь ванну, я умываться желаю. Буду через... Скоро спущусь.

Король не стал уточнять время, ибо придворные слуги были туговаты в науках, и объяснять им, что такое минуты, только трепать себе нервы, тем более, что и сам толком не разобрался.

– Какие масла лить, сир? – поинтересовался старик.

– Да ну к лешему! – отмахнулся Генрих. – У меня после них аллергия и прыщи на... Где не надо. Иди уже! И передай королеве, чтобы к восьми часам соизволила явиться к завтраку, и шута моего предупреди, если тот вернулся, а то я скучать начал без него.

Старик, не смотря на почтенный возраст, помчался выполнять поручения, и уже через полчаса король принимал ванну, под которой теплилось пламя небольшого костра, что подогревал воду. Молодые служанки поливали сюзерена душистыми травяными настоями, безвредными для дряблого организма и терли конопляными мочалками. Сюзерен похрюкивал от удовольствия и краем глаза поглядывал на свою супругу, которая нежилась в ванной напротив.

Стоит заметить, что королева была моложе своего венценосного спутника жизни ровно втрое. Этот факт порождал множество слухов, которые Генрих тут же пресекал. Тело главной леди растирали молодые мускулистые слуги-мужчины, что заставляло Генриха недовольно хмуриться время от времени.

– Изольда, – сюзерен сплюнул попавшую в рот мыльную воду, – вам передали, что я жду вас к завтраку ровно в восемь?

– Передали, Ваше Величество... – томно ответила та и тяжело вздохнула.

– Почему вы не явились ночью в мои покои? Где вы были? – король дал знак слугам, и те стали дуть в длинные тонкие трубки, заставляя воду пузыриться.

Первая Дама государства вылезла из ванной, и пенные струи потекли с ее упругого тела на мраморный пол. Она щелкнула пальцами, и ее тут же укутали в большое полотенце.

– Потому как я зачиталась у себя в покоях и заснула.

– Да? – Генрих тоже закончил водные процедуры. – Но я слышал через стену какие-то стоны!

– Видимо кошмар приснился, – спокойно ответила Изольда.

– Сколько раз тебе говорить, чтобы не читала на ночь всякие пасквили! – покачал головой сюзерен. – Кто-нибудь скажет мне, приехал мой шут или нет?!

– Да приехал он... – Королева вздохнула и в сопровождении слуг покинула ванную комнату, оставив драгоценного супруга во власти милостивых дев. – Я буду в обеденной зале к восьми и будь так добр, давай, поедим в тишине, без этих твоих песнопений, – Она послала воздушный поцелуй и скрылась из виду за тяжелыми дверями.

Изольда не любила придворных музыкантов. Нет, не за их песни, которые ей тоже не очень-то и нравились, а из-за внешнего вида. Те больше походили на лесных разбойников, нежели на королевских служак. Но, с другой стороны, они же работали в замке за кров и еду, которыми платил король за их выступления. Где взять денег на хорошую одежду? В остальное время артисты работали в таверне «Три поросенка», где развлекали публику своими песнями. Там им перепали гроши, которые тратились на новые инструменты и леший знает на что еще. Каждое утро музыканты играли в Обеденной зале, пока Государь вкушал пищу, и королева всегда смиренно терпела их присутствие. Генрих загрустил и задумчиво произнес:

– По всей видимости, трапеза обещает быть скучной. Главное, продержаться до обеда, там казнь. Хоть какое-то разнообразие, – Король закутался в халат и отправился в свои покои готовиться к завтраку.

Как и предполагал король, без музыкантов пища не жевалась и не глоталась. На другом конце длинного стола королева вкушала утиные яйца, фаршированные креветками, явно наслаждаясь едой и царящей тишиной. А вот сюзерену, наоборот, кусок не лез в горло. Слуги стояли в стороне от своих хозяев и глотали слюни, глядя на уставленный яствами стол. Неожиданно петли массивных позолоченных створ скрипнули, и в обеденную залу вошел любимый шут короля. Он гордо вышагивал по мраморному полу, звеня бубенцами на своем колпаке.

– Ну наконец-то! – всплеснул руками сюзерен.

Проход подошел к хозяину.

– Ваше Величество... – и низко поклонился. Затем кивнул государыне. – Ваше Высочество...

– Ну, рассказывай, как обстоят дела с этим сумасшедшим стариком в той деревне.

Королева нарочито громко брякнула вилкой о тарелку, чтобы на нее обратили внимание.

– Самое время для таких разговоров! Ничего, что я ем?! Повременить нельзя?

– Дорогая, просто не слушай, – ответил король и протянул шуту кубок с вином. – Не томи.

Тот залпом выпил терпкий хмельной напиток, поставил посуду и сел на стул рядом с государем.

– Ой, Онри... – махнул рукой придворный болтун. – Это что-то с чем-то! Театр и ханцуги! Разобрался я со стариком. Хорошо, что взял с собой солдат, а то бы несдобровать мне было. Им, правда, досталось хорошенько, но я все уладил. Твой летописец все занес в книгу хроник, но вкратце скажу – история достойна песни, честное слово!

К королю тут же вернулся аппетит, и величество впился зубами в запеченную с яблоками утку, обильно запивая ее вином. Проход то и дело прикладывался то к тарелке с виноградной гроздью, то к блюду с клубникой, украдкой поглядывая на королеву, которая делала вид, что разговор ее абсолютно не интересует.

– Значит, загибай, так сказать, пальцы, – король вытер руки о скатерть. – Беги к Главному Министру и скажи ему, что собрание с девяти часов переносится на после обеда, это раз. Два,

чтобы в двенадцать часов не забыл собрать на площади всех жителей города: во-первых, нужно наказать конюха, а во-вторых, надо достойно наградить тебя за службу. И пусть велит музыкантам сложить в честь твоего подвига песнь, которую им надлежит исполнить на площади сегодня же! Вроде ничего не забыл.

Проخور встал из-за стола, дурашливо поклонился, взял яблоко, подобрал его и, поймав, сунул в сумку, которая висела у него на поясе.

– Будет исполнено, сир. Разрешите идти?

– Иди, иди, – отмахнулся Генрих.

Шут помахал пальцами королеве и, прыгая из стороны в сторону и подволакивая то одну, то другую ногу, удалился из обеденной залы. Супруга государя недовольно бросила на стол салфетку и откинулась на спинку стула, поправляя свое нежно голубое бархатное платье.

– Каков наглец! Подумать только, ведет себя со мной, как с уличной девкой! Что это такое?! – и она повторила движение пальцами. – Словно я его любовница! Фу! Накажи его, дорогой!

Король вздохнул.

– Дурак, чего с него взять?! Пойдем, моя ненаглядная, надо приготовиться к выходу в народ.

Слуги помогли выбраться королевской чете из-за стола и сопроводили каждого из них в свои покои.

Площадь напоминала собой муравейник. Едва глашатаи прокричал, что приближается время казни, простой люд стал тут же стекаться к сцене, стоящей посреди дворцовой площади, забросив свои дела. Именно здесь проводили все экзекуции, и тут выступали заезжие актеры, бродячие циркачи и прочий сброд, веселящий публику. Солнце стояло в зените, а по синему небу проплывали редкие облачка, да проносились голуби и вороны.

Часы на Главной башне дворца показывали одиннадцать часов и сорок пять минут. Где-то в глубине площади раздался звук трубы, и толпа стала расступаться – это вели виновника «торжества», конюха. Двое солдат, облаченных в доспехи, вели его под руки, ибо тот еле мог передвигаться самостоятельно. Мужики в таверне отделали его от души. В синюшном мужике трудно признать королевского конюха – там, где когда-то было лицо, теперь находился один огромный синяк. Горожане заранее запаслись тухлыми помидорами и яйцами, которые теперь летели в преступника, но ровно половина уже не съестных припасов попадала в стражников, разлетаясь мелкими брызгами, ударяясь в шлемы и кирасы. Кто-то развернул над головой транспарант с надписью «Конюх сволочь!». Мужики норовили дать арестованному зуботычину или пнуть побольнее. Многие кричали ему вслед оскорбительные слова.

– Какую бабу извел, собака!

– Ослина тупоголовая, мог бы со мной женами поменяться! Моей сто лет в обед, ее не жалко!

– Ни себе, ни людям! Скотина!

– Остолоп!

Процессия двигалась к помосту, временно ставшим эшафотом, очень медленно. Гвардейцы даже начали переживать, что конюх загнется раньше, чем поздоровается с палачом, что скучал, оперевшись на свой огромный топор и поставив одну ногу на колоду, возле которой стояла корзина. Свое лицо здоровяк скрывал под глубоким красным капюшоном с прорезями для глаз, но по его взгляду было понятно, что работой он не очень-то и доволен.

Никто не хотел быть палачом – это самая отвратительная, хоть и хорошо оплачиваемая, работа на свете. Никто с тобой не здоровается, и жить приходится за стенами города. Люди

от тебя шарахаются, как от прокаженного, в таверне приходится сидеть за отдельным столом. Не жизнь, а помойная яма. Именно поэтому человек и скрывал свое лицо. Поди знай, кто он такой! А так, завернул за угол, скинул окровавленную одежду и живи дальше полноценной жизнью.

Вот арестованный в сопровождении гвардейцев поднялся по лестнице на эшафот, а с другой стороны появился Главный глашатай, в обязанности которого входило зачитывать все указы государя и приговоры суда. Поправив потертую кожаную куртку и закрутив усы, служака развернул свиток и громко прокричал.

– Жители столицы! – Он выдержал паузу и, когда площадь накрыла тишина, продолжил. – Сегодня у нас два события, и начнем мы с плохого. Наш самый гуманный и справедливый суд вынес свое решение по делу номер десять. Обвиняемого в предумышленном убийстве, последующем глумлении над убиенным и хулиганских действиях в отношении граждан, а так же в людоедстве, признать королевского конюха Бланше виновным! Для тех, кто еще не в курсе, сообщая: он уличил свою жену в супружеской неверности, сварил из нее рагу и накормил им ее любовников. Короче: конюха приговорили к отсечению головы, посредством топора. Палач, можешь приступать.

Глашатай свернул бумагу, засунул ее за пазуху и отошел в сторону. Гвардейцы подтащили упирающегося конюха к колоде и опустили на колени.

– Не дергайся! – прорычал палач, и от его голоса бедолагу словно парализовало. Он прекратил трепыхаться и замолк. – Будь пайнкой, и я все сделаю быстро и не больно, ты даже ничего почувствовать не успеешь.

Здоровяк провел по лезвию топора большим пальцем, и над площадью пролетел металлический звон. Затем он плюнул на ладони, обхватил топорище своими могучими ладонями, размахнулся и... Раздался шмякающий звук, голова конюха свалилась в корзину, а на доски хлынули струи крови. Палач завернул обезглавленное тело в огромный отрез плотной ткани, взвалил на плечо и, подхватив корзину, сошел с эшафота. Толпа расступилась, пропуская душегуба, и вновь сомкнулась за его спиной.

Бирича передернуло, когда его взгляд упал на багровую лужу. Он поднял руки вверх, призывая толпу к тишине, которая наступила минуты через две, едва палач покинул площадь, вновь достал свиток и провозгласил.

– Жители столицы Королевства Серединных Земель! Встречайте, Его Величество король Генрих и его супруга, Ее Высочество королева Изольда!

Народ заулюлюкал и стал подбрасывать вверх шапки. На балкон Главной дворцовой башни, который находился аккурат над часами, ступили королевские особы, рассылая своим подданным воздушные поцелуи. Естественно, верный Прохор находился подле хозяина. Ликование продолжалось минут пять. Затем король жестом попросил тишины, и глашатай продолжил.

– Жители столицы! Не далее, как вчера, в селе Большая пахота случилась чудовищная история: тамошний старейшина сошел с ума. Для решения этой проблемы наш Государь, да продлятся его дни вечно, отрядил своего верного шута, который вернулся с победой. С повеления Короля, – бирич снова поклонился сюзерену, – сегодня мы чествуем нашего шута и объявляем выходной день!

После этих слов вверх опять взлетели шапки, и толпа взорвалась криками «Ура!» и «Хвала Генриху!». На сцену поднялись придворные музыканты, одетые, как последние бродяги, разобрали инструменты и стали ждать отмашки к началу своего выступления.

– Итак, – глашатай убрал свиток и продолжил уже своими словами, пытаясь перекричать толпу. – Сейчас наши любимые артисты исполнят свою песню, чтобы вы смогли сами почувствовать, что пришлось пережить нашему герою в схватке с безумцем. Начинайте.

Тишина окутала площадь, а воздух задрожал от напряжения. Зазвучали тревожные нотки скрипки, потом вступили мандолины и тамбурин с литаврой. Певцы закружили по сцене и запели зловещими голосами.

Паника в селе – дед взбесился.
Вилами колет всех, кого видит.
Шум, гам, воют собаки,
бегают люди, хлопают ставни,
бабы визжат.

Беда! Паника в селе!
С ума спятил дед!
В одних он трусах,
И ужас в его глазах!

Тут некоторые горожане побледнели от страха и стали икать. Кое-где даже завопили дети. Мамаши стояли, как вкопанные, и боялись пошевелиться. Особо впечатлительные упали в обморок. Казалось, что все происходит не в песне, а прямо тут, на дворцовой площади! Кое-кто даже стал озираться, вдруг безумный староста появится в толпе.

Старуху его отыскали,
она от страха вся побледнела:
– Дед, мол, черта увидел.
Тот ему, сволочь, мозги запудрил —
мол, нынче помрешь!

Беда! Паника в селе!
С ума спятил дед!
В одних он трусах,
И ужас в его глазах!

Бедного старика черт попутал.
Такого ему наговорил!
Много ли старому дураку надо,
Чтоб рассудок потерять?!

К тому же он бьёт, как бык!
К тому же он бьёт, как бык!
К тому же он бьёт, как бык!⁴

Едва стих последний аккорд, толпа взревела, восхваляя музыкантов за песню, а шута за подвиг. Люди чуть ли не на сцену лезли, чтобы поблагодарить артистов за выступление. Не каждый день дают представление, а послушать балаган в таверне удастся не многим. Места хватает не всем. Вновь возник глашатай.

– Всем спасибо, все свободны! Гуляй честной народ, но не забывайте: делу время, потехе час! Завтра снова на работу! Хвала королю Генриху!

⁴ «Паника в селе».

– Хвала! Хвала! – подхватили люди и стали разбредаться, кто куда. Площадь опустела в считанные минуты.

Тем временем на балконе Главной башни король с супругой сидели, округлив глаза и вцепившись в подлокотники позолоченных кресел. Прохор нарочито громко откашлялся в кулак, привлекая их внимание.

– Государь, с тобой все в порядке?

Король сглотнул, а королева наконец-таки начала дышать.

– Ужас какой! – выдохнул сюзерен. – Ну и нагнали эти певуны на меня жути! Неужто на самом деле все так и происходило? – шут кивнул. – Кошмар! Не знаю, будь я на твоём месте, наверное, умер бы от страха!

– Ну, умереть бы не умер, а портки бы испачкал, – усмехнулся Прохор.

Королева аж воздухом подавилась от этих слов.

– Фи, что за моветон?! Тут, вообще-то, дама!

Шут низко поклонился, и бубенцы на его колпаке зазвенели.

– Прошу прощения, Ваше Высочество. Дурак, манерам не обучен...

– Хватит вам уже лаяться, как собаки, ей-ей! – остановил словесную перепалку король. – А что случилось со стариком, чего он взбесился?

– Да опоил его проныра один. Но не беспокойся, виновник наказан по всей строгости. Сидит в подземелье под моим личным наблюдением, – Прохор отвесил поклон.

Генрих почесал живот, что выглядывал из-под королевских одеяний.

– Ну и ладненько. Пора обедать. Я со страху проголодался. Пойдем, дорогая, – сюзерен помог своей драгоценной супруге подняться и покинуть смотровой балкон. Прохор за спиной правителей скорчил обоим ржи и поплелся следом...

Как всегда, после обеда, в Тронной зале состоялось каждодневное совещание титулованных особ Королевства Серединных Земель.

Первая леди со своей свитой стояла на своем излюбленном месте, возле окна, и вела непринужденную беседу. Фрейлины в пышных платьях перешептывались, поглядывали на мужчин, и хихикали, прикрываясь веерами. Франты же то подмигивали дамам, то поднимали брови и еле заметно помахивали пальцами. Так они и обменивались знаками внимания, пока входящие в высший совет власти решали судьбу королевства.

Главный Министр, как всегда затянутый ремнями форменного мундира, стоял перед государем, что по обыкновению своему восседал на большом позолоченном троне и разглядывал лепнину на потолке. Преданный шут развалился у ног хозяина, на ступеньке под королевским сидалищем, и чесал за ухом у одной из громадных черных псин.

– На границе все спокойно! – отрапортовал Генерал. – Налоги собираются исправно, урожай зреет.

– Это, конечно, замечательно, – Генрих убрал за спину державу и скипетр. – Ты мне скажи вот чего: почему мне на завтрак не подали чернику с молоком, а на обед к картофельным котлетам грибную подливу?

Министр вновь стянул с головы треуголку, промокнул батистовым платком лоб и прокашлялся.

– Так ить, – и он стал мять головной убор.

Шут оторвался от своего занятия и подозрительно посмотрел на бравого офицера.

– Что, в лесах закончились ягоды и грибы? Сдается мне, Генрих, – Прохор посмотрел на короля, – творится что-то неладное.

Сюзерен кивнул в знак согласия и шелкнул пальцами по бубенчику на колпаке придворного дурака. Легкий звон разлетелся по Зале, привлекая всеобщее внимание.

– Говорите, Министр, мы все слушаем, – король откинулся на спинку трона и с трудом закинул ногу на ногу, запутавшись в горностаевой мантии.

– Я не знаю подробностей... – начал Генерал, но его тут же перебил шут.

– А вот даже не удивительно. Однако продолжайте, любезный.

– Хм, – офицер одернул мундир. – Лесная снедь отсутствует по причине отсутствия королевского сборщика ягод. Он куда-то подевался несколько дней назад. А грибы... Пропал королевский сборщик грибов. Уже неделю его никто не видел. Кстати, пасечник тоже исчез. Странно все это как-то...

– Да уж конечно! – воскликнул Прохор. – Подданные пропадают, а у тебя все спокойно! Генрих, ты никогда не думал соорудить в темнице камеру для очень важных персон? У меня есть одна кандидатура, чтоб ее там поселить.

– Действительно, – хмыкнул Король, и Министр пошел пятнами. – Люди пропадают, а ты и ухом не ведешь. Скоро в королевстве народу не останется. Сам прислуживать будешь? Где мой Советник?!

Вновь придворные вытолкнули в центр зала мужчину в зеленом камзоле и в длинном белом парике. Тот встал рядом с Генералом и поклонился Государю.

– Ну, что скажите? – спросил его сюзерен.

– Полностью согласен с вами, Ваше Величество, – и вновь согнулся до пола.

Король покачал головой. Отодвинув в сторону шута, он встал и не спеша подошел к Советнику и Генералу, сделал несколько кругов вокруг них, внимательно осмотрел и встал напротив.

– С чем ты постоянно соглашаешься? – спросил Генрих, склонив голову на бок, придерживая рукой корону, чтобы та не свалилась.

– С вами, Ваше Величество, – сглотнул Советник.

– Так я же ничего сказать не успеваю. Это я должен соглашаться или нет с тобою, а не наоборот. Прав дурак: надо вас в темнице подержать денек-другой, для просветления, а то и вовсе на галеры отправить, камень мраморный добывать. Другой советник мне нужен. От моего шута и то толку больше...

Последний перестал чесать собаку за ухом и с удивлением посмотрел на своего хозяина.

– Я согласен, думаю, справлюсь. Не велик труд: соглашайся со всем и головой кивай.

Придворные вновь стали шептаться между собой, качать сокрушенно головами. Дамы от волнения сильнее замахали веерами. Советник встrepенулся.

– Помилуй, Государь! Зачем сразу на галеры?! Я работаю над этим вопросом, ум напрягаю. Сейчас! Вот уже... Надо назначить кого-нибудь, чтобы он разобрался с этим!

– Да вы сама очевидность! – воскликнул Прохор и поднялся с насиженного места, звякнув бубенцами на одежде. – Генрих, зря ты их держишь.

Шут прошел вдоль ряда придворных, всматриваясь им в глаза. На секунду задержался возле королевы, отвесив ей клоунский поклон, и вернулся к трону. Тем временем Генерал осмелел.

– Если ты такой умный, сам и разберись с пропажей верноподданных короля! Посмотрим, как это у тебя получится.

– Да и пожалуйста!

– Решено! – Генрих вернулся на свое место, согнал Прохора, который уселся на трон, и, взяв в руки скипетр и державу, огласил. – Повелеваю: моему шуту выяснить, куда подевались королевские сборщики ягод и грибов. По выполнению доложить. Давайте сюда бумагу, я подпишу.

К трону подбежал королевский летописец, что прятался в толпе. Он в знак приветствия кивнул Прохору и протянул сюзерену Книгу указов. Генрих схватил перо, макнул его в чернильницу и размашисто поставил непонятную закорючку.

– Передайте глашатаю, пусть объявит во всеуслышание! На сегодня все, пошли вон.

Раздался всеобщий вздох облегчения, и придворные в мгновение ока покинули Тронную залу, словно тараканы, застигнутые врасплох светом масляной лампы. Королева задержалась и подошла к своему величественному супругу, нарочито наступив шуту на ногу. Тот сжал губы и притворно улыбнулся.

– Ты, как всегда, справедлив, Генрих, – Изольда присела на позолоченный подлокотник. – Тебе следует быть построже, – Она щелкнула супруга по носу.

Тот несколько смутился.

– Не заговаривайте мне зубы, драгоценная моя. Не хотел поднимать этот вопрос утром, но сейчас спрошу: почему вы вновь не пришли ночью в мои покои?

Королева соскользнула на пол и сделала несколько шагов вглубь залы, рассматривая картины, украшающие стены.

– Зачиталась и задремала, не уж-то ты не можешь заснуть без моего присутствия?! – Она покосилась на мужа.

– Хм, – Генрих поспешил к супруге. – Могу, но просыпаюсь ночью, слыша, как ты стоишь за стенкой от ночных кошмаров.

Прохор украдкой улыбнулся и покачал головой. Изольда остановилась и повернулась к мужу.

– Я не хочу обсуждать наши взаимоотношения, тем более такие подробности в присутствии этого... – Она махнула рукой в сторону шута. – И вообще, я приду, когда сочту нужным. Возможно, на будущей неделе. У меня мигрень, длительная. Королевский врач сказал, что возможно это на всю жизнь.

Прохор вновь усмехнулся, но на этот раз слишком уж громко, чем заслужил гневный взгляд королевы. Шут поднялся, отряхнул одежду и обратился к хозяину.

– С твоего позволения я пойду. Надо подготовиться к выполнению твоего указа.

– Иди, – Генрих махнул рукой. – Когда закончишь, сразу ко мне. Я же со скуки умру один. И перед отбытием зайти ко мне, расскажешь одну из своих историй перед сном.

Прохор поклонился сначала королю, потом его супруге и вприпрыжку, гремя бубенцами, покинул Тронную залу. А в это время над городом уже разлетался крик глашатая, объявляющего королевский указ.

Собираться долго Прохор не стал, тем более что и собирать-то ему особо было нечего. Как говорится в народе: нищему собраться – только подпоясаться. Он только переоделся, перебросил через плечо торбу и решил первым делом посетить кухню и родственников пропавших, благо те жили в городе, недалеко от замка.

Королевские повара не сообщили ничего полезного. Жены исчезнувших в один голос заявили, что те покинули дом и ушли в лес, дабы собрать снедь для государевой кухни. Дети королевских сборщиков грибов и ягод дергали шута за куртку и умоляли найти именно их папку. Прохор насилу отбил от них и понял, что остается только одно, а именно – отправиться на поиски пропавших в лес. Но сначала он решил заглянуть в таверну, дабы насладиться ароматным жаркоем, глотнуть вина, послушать сплетни, которые могут оказаться полезными, ну и, конечно же, насладиться творением музыкантов.

Едва рыжеволосый слуга короля зашел харчевню, как на него тут же обратили свое внимание посетители.

– Смотри, кто пришел! – воскликнул толстый трактирщик
– Входи, входи, герой! – крикнул беззубый старик, поднимая кружку и расплескивая пиво.

– Спаситель пожаловал! – смеялся кузнец.

Прохора стали хлопать по спине, и каждый старался усадить его за свой стол, но шут целенаправленно шел к своему любимому месту возле небольшого помоста, на котором выступали музыканты. Едва таверна набилась до отказа, а подручные девы трактирщика разнесли заказы, появились и сами артисты. Для начала они сыграли парочку незатейливых мелодий, под звук которых девки с молодежавыми парнями пустились в пляс. Громила Гаспар даже перевернул один из столов, пока отчебучивал пого. Затем музыканты спели несколько старых песенок, заслужив одобрительные аплодисменты подвыпившей публики и горсть монет, что та кидала в шапку. А когда время перевалило за полночь, о чем возвестил бой часов на башне, артисты решили исполнить свой последний на сегодня номер. Музыканты о чем-то пошептались между собой, и один из певцов, тот, что всегда ходил с взъерошенными волосами, объявил.

– Сейчас мы споем вам о нашем друге, который от большой любви потерял голову! Он был славным малым, хоть и со странностями.

Певец выпучил глаза, оскалился в устрашающей улыбке и под звуки мандолин и скрипки запел хриплым голосом.

За столом сидели мужики и ели,
мясом конюх угощал своих гостей.
Все расхваливали ужин, и хозяин весел был,
о жене своей всё время говорил.

Ели мясо мужики, пивом запивали.
О чём конюх говорил, они не понимали.

– Я узнал недавно, все вы, как ни странно», —
конюх хриплым голосом проговорил. —
С моей бабою встречались втайне от меня,
и поэтому всех вас собрал сегодня я!

Ели мясо мужики, пивом запивали.
О чём конюх говорил, они не понимали.

Я за ней не уследил!
В том моя вина!
Но скажите,
Правда, вкусная она?

Ели мясо мужики, пивом запивали.
О чём конюх говорил, они не понимали.⁵

С чего началась драка – никто уже не сможет сказать, но она началась. Видимо, кто-то посмеялся над бедолагами, которым довелось отведать стряпни обезглавленного днем конюха, а может на то имелись другие причины. Так или иначе, таверна заходила ходуном. В разные стороны полетели посуда, лавки и некоторые посетители заведения. Громила Гаспар вышибал

⁵ «Ели мясо мужики».

дух из драчунов, которые пытались на него напасть. Даже Прохор окунулся в бузу, раздавая зуботычины налево и направо, ловко уворачиваясь от ударов. Девки громко визжали, а трактирщик, в уме подсчитывая ущерб, схватился за голову. И лишь музыканты закатились смехом и продолжили играть заводную мелодию.

Драка продолжалась до тех пор, пока кто-то не выбрался на улицу и не привел гвардейцев. Те с трудом разняли дерущихся, а некоторых даже арестовали. Солдаты никого не отпустили по домам, пока посетители не скинулись и не оплатили ущерб, причиненный трактиру. Стоит отметить, что хозяин заведения значительно преувеличил сумму, но разбираться с ним ни у кого не было желания. Все хотели поскорее попасть домой, где их ждали кого жены, кого мужа, ну и теплая кровать...

Глава третья⁶

Прохор проснулся с ужасной болью, голова буквально разрывалась на части. Хотя, проснулся – слишком сильно сказано, скорее, пришел в себя. Не открывая глаз, он ощупал себя и сделал вывод, что все-таки добрался до дома, ибо абсолютно гол и ему тепло. Он, конечно, мог быть ограбленным до нитки и брошенным в какой-нибудь подворотне в куче грязного тряпья, но в это верить не хотелось. Перебрал он вчера с придворными музыкантами хмельного вина. Гвардейцы их не тронули и не посадили в темницу: артистов из уважения к искусству, шута – из-за социального положения. А попросту – испугались гнева короля. Прохор потянулся до хруста костей и сладко зевнул.

– Ну и горазд ты дрыхнуть! – неожиданно прозвучал нежный женский голос, заставивший обладателя рыжих кудрей вскочить на ноги.

Шут начал судорожно рыскать по комнате в поисках своих вещей, но не преуспел. Комната вроде как знакомая, а в то же время и чужая. Тут он раньше никогда не бывал, а, может, и забредал, разве сейчас вспомнишь?! В голове стучат молоточки опасности.

«Куда меня нелегкая занесла?! – подумал Прохор, прикрываясь простыней и готовясь к худшему. – Сейчас выползет какая-нибудь каракатица, толстуха страшная... Позору не оберешься. Люди засмеют, если узнают! А король вообще со свету сживет своими ежедневными шуточками, проходили уже. И как меня угораздило? Не иначе, нарочно споили».

Кто-то находился за ширмой, делящей комнату пополам.

Шут выглянул окно: вокруг жилые дома и торговые лавки. Хорошо хоть до дворца недалеко, вон виднеется башня с часами. Тут Прохор обратил внимание на свои, что лежали на столе. Он схватил механизм и застегнул ремешок на запястье. Простынь упала на пол, и в этот момент раздались шаги. Рыжеволосый гуляка замер в оцепенении. За спиной раздавалось чье-то дыхание.

«Может, в окно выпрыгнуть? А если это ее муж? А у него карамультик заряженный... Да и куда без порток-то? Вот я попал в историю!»

– Завтрак готов, мой шалун.

У Прохора отлегло от сердца. Он облегченно вздохнул. Не муж, уже хорошо, но поворачиваться все равно боялся. Мало ли что, хоть голос и показался шуту знакомым. Он стал перебирать в уме всех знакомых дам. Не помогло, да и запутался. Некоторых посчитал дважды, кого-то вовсе не вспомнил.

«Была не была! – мысленно махнул рукой шут и повернулся».

– Тьфу ты! – сорвалось с его губ, и он опустился на кровать, схватившись левой рукой в области сердца. – Я чуть не помер со страху!

– Не думала, что ты кого-то боишься! – улыбнулась черноволосая Кристина, одетая в простое платье, в каких хаживали все женщины среднего достатка.

– Я думал, что меня, хмельного, к себе какая-нибудь старушенция затащила, или красотка, чей муж с ружьем ждет отмщения.

– Вовсе я не старуха, – надула она губы, – а что касается моего благоверного, то он сгинул уже как дней десять. Ни слуху, ни духу.

Кристина была женой сборщика трав, что находился в услужении у королевского лекаря. Министр промолчал о его пропаже либо сознательно, чтобы не усугублять своего положения, либо просто не знал.

– Как так?! – удивился Прохор, продолжая взглядом искать свои штаны.

⁶ По мотивам песни группы Король и Шут «Лесник»

– Да вот так! – Кристина присела на кровать. – Пошел в лес за травами и не вернулся. Лекарь его тоже не видел. Поговаривают, что в лесу опять волки завелись, может, они-то его и схарчили. Или в болоте утонул. Ты есть будешь?

– Мне бы одеться для начала, – кашлянул в кулак шут. Жена травника поднялась, зашла за ширму и кинула на кровать одежду своего давнего любовника, в которую он тут же облачился. Затем женщина поставила на стол поднос со снедью, и Прохор приступил к трапезе. – Кстати, я как раз уполномочен государем разобраться с похожим делом. Пропал не только твой муж, но еще и королевские сборщики ягод и грибов, и пасечник вместе с ними. Не переживай, найдется. Небось, встретились где-нибудь да ужрались хмельного...

Шут макнул кусок пшеничного хлеба с румяной корочкой в тарелку с гречишным медом и отправил его в рот, запив парным козьим молоком.

– Десять дней пить? – Кристина покачала головой. – Если к концу месяца не найдется, то я официально буду считаться вдовой. Ты женишься на мне?

Прохор аж подавился хлебом, опрокинул кружку и обезумевшим взглядом уставился на женщину.

– Чего?! – Он утер рукавом рот.

– Да шучу! – закатилась та со смеху. – Больно охота стать шутовской женой! Буду свободной и незамужней. Открою свою лавку: буду мужние запасы продавать. Ладно, ты кушай, а у меня еще дел много. Не забывай меня, захаживай в гости. Только помни, если на окошке стоит горшок с розой, то иди мимо.

– Не боишься, что тебя постигнет судьба жены конюха?

– Я тебя умоляю! Пусть только рискнет, если живой еще.

Кристина вышла из комнаты, оставив Прохора одного.

– Дела... – хмыкнул он и решил закончить трапезу. Впереди долгий путь в сторону леса, а на голодный желудок какая работа?..

Прежде чем покинуть город, Прохор решил заглянуть к своему знакомому – Даниэлю-мастеру. Изобретатель жил на окраине города, подальше от посторонних глаз, чтобы никто ему не мешал, и поближе к кузнецу, который делал чудаку различные детали для механизмов.

Народ сновал по тесным улочкам, стирая подошвы о булыжник. Со стороны базара слышались крики продавцов и лай бродячих собак, которых гоняли дети и отряд гвардейцев, что следили за чистотой города. Все, кто попадался навстречу Прохору, спешили поприветствовать давешнего героя: мужчины почтено приподнимали шляпу, если таковая имелась, женщины кокетливо улыбались, ребячьи просто пробежала мимо, не замечая его. Шута узнавали все, хоть он и не надевал свой дурашливый наряд, когда не находился на службе во дворце. Сколько шалостей ему сходило с рук – одному королевскому летописцу известно! То двери двух лавок между собой свяжет так, что ни хозяева, ни посетители выйти не могут, то наложит у входа дерьма лошадиного, накроет тряпьем и подожжет. Выбежит хозяин, начнет затаптывать пламя ногой и весь перемажется в навозе. Но со временем Прохор остепенился, и детские шалости остались позади. Пришло время проказ посерьезнее, как то – посещение чужих жен, но потом и это ему надоело. Пару раз едва не изловили, а потом и вовсе встретилась единственная и неповторимая, а сегодняшней инцидент его порядком озадачил. Измена, как никак, хотя Кристина утверждает, что ничего не было. Брешет... Затем шут заинтересовался дворцовыми делами и интригами придворных, а потом познакомился с изобретателем и заинтересовался наукой. Очень его привлекали всякие непонятные штуки. Но и к этому Прохор быстро охладел, ибо Даниэль бросал одно дело на полдороги и брался за новое. За высоким

забором, что огораживал его землю, выделенную королем, скрывалось много странного, а что тайлось в большом сарае – и представить страшно.

Шут застал мастера за работой. Тот по обыкновению своему сидел за верстаком в заваленной различным нужным хламом мастерской и что-то конструировал.

– Здоровья тебе, – сказал с порога Прохор. – Ты когда воду в замокпустишь?

Даниэль оторвался от своего занятия, повернулся на крутящемся стуле и водрузил свои громоздкие очки на лоб.

– О, здорово. Все забываю. Завтра, обещаю. Сейчас очень занят, придумал одну штуку... Самоходную карету. Скоро покажу, осталось собрать и испытания провести, – и он мечтательно посмотрел в открытое окно, затянутое прозрачной тканью, через которую проникал воздух, а вот насекомые – нет.

Прохор подошел к мастеру и пожал протянутую ладонь, осматривая бесчисленные стеллажи с разными склянками и непонятными изобретениями.

– А это твое электричество? Ночью ничего не видно, свечей не закупили, на тебя понадеялись.

Мастер вздохнул.

– Все будет, завтра.

– Завтра ты воду обещал, – напомнил шут.

– Значит, послезавтра. Чего пристал? – Даниэль снова опустил очки на нос и стал что-то мастерить.

Прохор только покачал головой и покрутил странный инструмент, что взял со стола.

– Смотри, пристроят тебя под топор. Министр об этом уже заикался. Хм. Я к тебе, собственно, чего пришел-то... – Он положил прибор на место. – В лес иду по поручению короля, возможно, придется бродить всю ночь, а там темень непроглядная.

– А от меня-то чего нужно? Возьми факел, – поднял взгляд мастер.

Шут присел на край стола.

– В том-то и дело, что нельзя с огнем. Секретное дело, а у тебя наверняка есть какая-нибудь штука, чтобы ночью видеть.

– Ну... – задумчиво протянул Даниэль. – Может и есть...

Он встал и начал шарить по многочисленным полкам, роняя чертежи, болтики, шестеренки и книги. В конце концов, через десять минут поиска искомое было найдено. То, что мастер отыскал на самом высоком шкафу, оказалось похожим на очки, но какими-то странными: кожаный ремешок и несколько разноцветных подвижных линз в жестяной оправе.

– Вот, держи.

Прохор покрутил прибор в руках и надел на голову.

– И как это работает?

Даниэль подошел вплотную к шуту и опустил одну линзу, затем закрыл ставни на окне, погрузив комнату во тьму.

– Видишь? – спросил он.

– Ага, – прозвучал голос Прохора, – но плохо.

– Это для сумерек. Опускай вторую.

– О! Теперь хорошо. Тебе надо медаль за это вручить! – радостно сказал шут.

Изобретатель вновь распахнул ставни, впустив в помещение солнечные лучи и порыв свежего воздуха.

– Это не простые линзы, внутри они заполнены выжимкой из глазных яблок собаки, кошки и филина. Они лучше всех в темноте видят, а линзы для второго глаза просто увеличивают, если надо рассмотреть что-то на большом расстоянии.

– Сколько я тебе должен? – спросил Прохор, убирая прибор в торбу и доставая кошель.

– Ничего, – отмахнулся мастер. – Вернуть не забудь. Все, иди, куда шел, мне работать надо! Только болтаешь с тобой... У меня еще водопровод и электричество. Иди уже, – и он буквально вытолкнул гостя на улицу.

Через двадцать минут, когда часы на Главной башне пробили полдень, шут прошел через центральные ворота и вновь покинул столицу Королевства Серединных Земель.

За спиной осталось селение, что раскинулось снаружи от городской стены, и Прохор вышел в гречишное поле, через которое пролегал тракт. Именно по нему в прошлый раз ехал, чтобы разобраться со старостой из Большой пахоты. В этот раз он решил не брать с собой ни гвардейцев, ни писаря, ни кобылу. За ними за всеми смотреть надо, да и мешаться будут. На это раз дело явно будет с заковыркой, не простое. Тут такая свита не к чему. Да и прогуляться тоже не мешает. Сколько можно во дворце штаны протирать?

Озорник ветер шнырял по полю, раскачивая колосья и развивая кудри единственного путника, который снял сапоги, связал их и, перекинув их через плечо, пошел босиком. Редкие облака проплывали по бескрайнему синему небу, пытаясь съесть желтый диск дневного светила, что слепил глаза и старался испепелить своим жаром все живое. Стая настырных ворон пыталась поживиться еще несозревшим урожаем гречи, но постоянно взмывала вверх, завидев пугало.

Примерно через два часа пути Прохор решил передохнуть и развалился на обочине тракта. Во-первых, он намял ступни, а во-вторых, жара его окончательно утомила. Сняв с пояса кожаную фляжку, шут сделал несколько глотков. Затем достал трубку, набил ее ароматным табаком и закурил.

– Надо было у изобретателя все-таки заказать ту штуковину на колесах! – сплюнул Прохор и закрыл глаза, всего на минутку.

Очнулся он от хрипа лошади. Шут резко сел и потер заспанные глаза. Посреди дороги стояла кобыла, запряженная в телегу, на которой сидели несколько человек. Лиц шут не мог разглядеть, только силуэты. Слепило треклятое солнце. Прикрыв глаза ладонью, он присмотрелся.

– Какие люди! – прозвучало с телеги. – Слышали, ты опять зло забарывать пошел.

– Ну да, кроме меня ж некому... – развел руками Прохор. – Добросьте до леса, а то я так два дня идти буду.

– Прыгай, только инструменты не раздави, – и шут забрался в повозку, потеснив музыкантов. Тех самых, что поют и в трактире, и в замке. Тех, с кем он вчера так опрометчиво напился.

– Пошла, чтоб тебя! – крикнул одноглазый артист и хлестнул гнедую кнутом. Телега дернулась и заскрипела по пыльному тракту.

Михась, тот, что постоянно скалился и выпучивал глаза для пущего ужаса, улыбнулся и спросил:

– А ты куда вчера подевался? Мы тебя искали...

Прохор отмахнулся и решил перевести тему разговора.

– Вы сами-то куда едете?

Ему ответил второй запевала.

– На свадьбу нас заказали в Длинные плуги. Дочь мельника у них замуж собралась. К вечеру ждут. Выступим, получим деньгу и назад. Деньга она никогда лишней не бывает, да, други?

Артисты согласились и заржали громче королевских лошадей. Даже девушка, что играла на скрипке, и та гоготала наравне с мужиками.

– Ясно, – прочистил пальцем ухо шут. – Вы бы себе название какое-никакое придумали, что ли... Таких ухарей, как вы, полно по свету катается. Ну, чтоб не путали, – сказал он невзначай.

– Так есть у нас уже, – кашлянула скрипачка.

– Какое? – поинтересовался Прохор. – Треньди-бреньди-лютня-бубен?

– Неа, – сказал одноглазый. – Красивше: Броуменские музыканты.

– Ничего подобного не слышал, главное, оригинальное название.

– Вот! – хором сказали артисты.

– Ну, сыграйте тогда что-нибудь, чтоб не скучно ехать было. Я даже золотой дам.

Прохор выудил из кошель монету и протянул взъерошенному певцу. Тот попробовал денюгу на зуб, одобрительно хмыкнул и убрал ее в карман куртки.

– Это можно. В лес, говоришь, собрался? Есть у нас одна песенка веселая, про лешего.

Возница бросил вожжи и взял в руки мандолину, а лошадь продолжила топтать вперед. Остальные музыканты вытащили из-под соломы инструменты, подтянули струны и заиграли быструю мелодию, а певцы заголосили на всю округу, подняв в небо только-только успокоившихся ворон.

В ночном лесу костёр горел,
а у костра усталый дедушка сидел.
Трогал усы, трубку курил,
о чём-то тихо сам с собою говорил.
И в тот же миг раздался крик,
схватив дубину, поспешил на зов старик.
От боли корчась парень в кустах лежал,
и озирался и от страха весь дрожал.

– Дедушка, милый, спаси меня!
В капкан угодила нога моя!

Но почему в ответ брови нахмурил дед?
Брови сурово нахмурил дед!

Старик курил и говорил:
– Ты мне серьёзную обиду причинил.
Как смел ты этой ночью в мой лес ходить,
о страшном лешем так бесстыдно позабыть?!

– Дедушка, милый, спаси меня!
В капкан угодила нога моя!
Но почему в ответ, брови нахмурил дед?
Брови сурово нахмурил дед!

– Погибель тебя ждёт,
коль ты со мною повстречался!
Ведь больше не живёт, тот зверь,
что в мой капкан попался!
Парень вскочил и помчался прочь.
Он дико кричал, проклиная ночь.
Падал, одежду рвал, снова вставал, бежал.

Вместе с капканом, аж до самого дома!⁷

Закончив петь, артисты снова захохотали и стали по-дружески пихать друг друга. Досталось и Прохору, который не горел желанием веселиться.

– Спасибо вам, – Он плюнул на дорогу. – Умеете подбодрить человека. Ничего повеселее не могли спеть? Мне, вообще-то, еще весь день и всю ночь по лесу бродить придется.

– Ну, извини, – пожал плечами обладатель звонкого бубна. – Мы хотели как лучше.

– Да ну вас, – махнул рукой шут и замолчал.

Оставшийся путь проделали в тишине. Едва лес приблизился на выстрел из лука, Прохор соскочил с телеги и поблагодарил музыкантов за помощь. Те помахали ему на прощание и через несколько минут скрылись в чаще.

Прохор постоял немного на дороге, затем обулся и краем поля побрел к опушке. Он понимал, что может плутать бесконечно в поисках пропавших королевских служак, но надеялся, что этого не произойдет. Первым делом он решил осмотреть пасеку, а потом уже поляну, где выращивали ягоды для королевской кухни, а затем грибную делянку. И, конечно же, нужно посетить лесника. Только шут собирался продолжить свое путешествие, как его чуткий слух уловил чей-то крик, который постепенно становился все громче. В конце концов, Прохор увидел мчащегося к нему всадника.

– Стой, злыдня, чтоб тебя! – тот резко остановил коня, подняв клубы пыли. – Думал, не успею.

– Ты чего поперся?! – шут упер руки в бока и из-под бровей посмотрел на дворцового летописца. – Я же велел тебе оставаться в замке.

– А король велел обратное, – тот спрыгнул с кобылы. – Сказал, что негоже отправляться тебе одному. Еще надо все записать для порядка. Вот...

Прохор вздохнул.

– А откуда ты знаешь, что я не вчера уехал?

– Опросил стражу у ворот, что у меня, языка нет? Они же ведут учет: кто входил, кто выходил. Чтобы всегда знать, сколько народу за стенами города.

– Пёс с тобой, но только запомни: слушаться меня во всем. Скажу сидеть – сиди, скажу бежать – беги. Понял?

– Мне все равно, лишь бы живым остаться и сытым, – отмахнулся писарь.

– А вот этого как раз я тебе обещать не могу. Ладно, пошли, скоро вечереть начнет.

Они побрели вдоль опушки леса.

В ветвях деревьев чирикали невидимые птички, где-то настойчиво дятел долбил клювом кору, пытаясь добраться до червяка, где-то угукал филин. Даже кукушка расщедрилась, когда шут решил узнать, сколько лет ему жить. Птица накуковала сто раз, а вот писарю повезло меньше: пернатая гадалка остановилась после второго раза.

Служитель пера и бумаги глупо улыбнулся и отшутился, мол, это она в столетиях считала, а сам уже пожалел, что не послушался королевского указа и поскакал-таки вслед за шутком.

В чаще трещали сухие деревья, на головы то и дело падали то шишки, то желуди. Когда впереди показались шапки ульев и шалаш пасечника, летописец радостно потер руки.

– Наконец-то привал.

– Ты не больно-то радуйся, – охолонил его Прохор. – Если этого обормота тут нет, значит пойдем дальше, искать королевского ягодника и такого же грибника.

– На ночь глядя?!

– Я тебя, кажется, предупреждал. Выражай свое недовольство молча, – шут открыл крышку часов и посмотрел на стрелки. – Времени еще много.

⁷ «Леший обиделся».

Глубоко в гречишном поле стояло около тысячи ульев, которые напоминали огромный город, только с высоты птичьего полета. Прохор однажды поднимался с изобретателем на воздушном пузыре, поэтому у него было с чем сравнивать. Вокруг кружило бессчетное количество пчел, от которых летописец боязливо отмахивался сорванной березовой веткой. Тем временем шут осмотрел шалаш.

– Пусто, – разбил он надежды писаки на привал. – Придется идти дальше. В лес, мой юный друг!

– Я, между прочим, старше тебя на два года! – недовольно ответил тот.

– Ну, значит, и умрешь раньше, – парировал рыжий хохмач. – Тебя, кстати, как звать-то?

– Фрэд, а тебя?

– Меня – дураком, но ты можешь... Я передумал, никак не зови, главное сам откликайся, – и Прохор, накинув на голову капюшон, шагнул в самую чашу, заслоняющую своими пышными кронами небо.

Летописец начал стонать уже через десять минут. Мало того, что лошадь пришлось оставить на опушке, привязав ее к рябине, ему казалось, что шут специально повел его через бурелом, ямы и болотину, минуя дорогу, просеки и тропинки. Вокруг, не прекращая, жужжали оводы и комары, которые больно кусали и забирались под одежду. То и дело шут отпрыгивал в сторону с криком:

– Осторожно, змея!

Писарь проделывал аналогичную процедуру, но оказывалось, что рыжий плут пошутил, и покатывался со смеху, глядя на испуганное лицо своего спутника. Но больше всего Фрэда раздражала паутина, которую он не успевал утирать с лица. Казалось, что она повсюду, а пауки сошли с ума, плетя свои прозрачные, противные сети.

– Почему мы идем тут, а не как все люди по дороге?

– Потому что ягода растет лучше там, где сыро. Сборщик мог сюда прийти за брусникой, смотри, тут целые заросли!

Летописец посмотрел по сторонам и обнаружил среди травы и папоротника россыпи красных ягод, больше похожих на драгоценные камни, хотя до этого не замечал их вовсе – был занят сражением с насекомыми.

– Убедил, – и он прихлопнул на шее очередного комара. – Долго еще идти?

– Нет, клубничная поляна рядом, только через болото переберемся и все, – ответил шут, ломая ветку орешника. – Сделай себе такой же шест, проверяй перед собой поверхность, а то провалишься. Топь в считанные мгновения утянет, и глазом моргнуть не успеешь.

Казалось, что комары со всего леса слетелись к этому болоту и если они очень сильно захотят, то, наверняка, смогут поднять человека и унести к себе в гнездо или где они там обитают. Вдобавок ко всему лягушки квакали так громко, что хоть уши затыкай. Под ногами противно хлюпало, булькало и урчало. Топь устрашающе пузырилась и извергала невыносимую вонь.

Фрэд сменил здоровый розовый цвет лица на бледно-зеленый, и только шут чувствовал себя, как в своей тарелке. Он ловко перепрыгивал с кочки на кочку, опираясь на ореховый шест и обдавая летописца брызгами грязи и ряской. Всего через каких-то полчаса путники ступили на твердую землю. Деревья и кустарник расступились, и перед ними открылся вид на большую поляну. Писарь тут же повалился на траву и принялся выливать из сапог вонючую болотную жижу.

– Официально заявляю, что назад по болоту не пойду! – прохныкал он. – Или тащи меня на себе, или подавай мне дорогу. Вообще, ты мог мне объяснить, куда ехать, я бы на лошади доскакал. Как там она?..

– Успокойся, – отряхнулся от налипшей ряски Прохор, откинул крышку часов, защищающую циферблат, и посмотрел время. – Судя по тому, как расположились минутная и часовая

стрелки, до окончательного захода солнца, которое наступит аккурат в двадцать два, у нас есть еще несколько часов.

Фрэд с глубоким уважением посмотрел на шута, ведь для простого писаки эта фраза прозвучала не иначе, как древнее заклинание. И единственное, что он понял, так это то, что скоро стемнеет.

– Долго еще?

Прохор осмотрелся.

– Ну, ягодника я не вижу, поскольку эта поляна и есть искомая черничная рассада. Ягоды собраны, а сам сборщик ни дома, ни во дворце не появился. Следовательно, он где-то в лесу. Ау! – больше для проформы прокричал рыжеволосый шутник. – Никого. Придется идти дальше.

Фрэд взвыл и стал натягивать сапоги.

– Подожди чуток хотя бы, дай я отчетности соблюду, – и он достал из сумы книгу, письменные принадлежности и стал кропать «Сказание о походе в поисках пропавших служащих королевского двора, а именно: сборщика ягод, сборщика грибов и бортника». – А есть мы когда будем?

Шут удивленно посмотрел на писаря.

– Ешь, кто тебе не дает?

– А у меня нет ничего, я думал... – на его глазах стали наворачиваться слезы, а нижняя губа предательски задрожала.

– Ты что же никаких припасов с собой не взял? – спросил Прохор. – Я лично могу и червяка схарчить, и гусеницу. Неприхотливый я. Еще грибы есть и ягоды, орехи... Ты как, вообще, собирался?

Фрэд совсем сник.

– Да, все впопыхах как-то. Запомню. Мне хотя бы корочку хлеба, а? – и он с надеждой посмотрел на своего попутчика.

Но тот только развел руками, мол, ничем не могу помочь. Прохор отшвырнул в сторону уже бесполезный ореховый шест и зашагал через поляну. Охая и ахая летописец поплелся следом, срывая на ходу редкие ягоды и отправляя их в рот.

А тем временем солнечный диск медленно, но верно, клонился к горизонту. Ветви вековых вязов так плотно переплелись между собой, что почти полностью заслонили розовеющее небо. Наступали сумерки, которые еще больше стали мешать продираться через бурелом. Но хуже всего было преодолевать глубокие овраги, по дну которых протекали ручьи грязи.

В конце концов, солнце спряталось, и дремучий лес погрузился во тьму. На небе появилась полная луна, и высыпали мириады звезд. Проснулись ночные жители леса, и все вокруг запищало, застрекотало и заукукало. Добавляли ужаса и падающие сквозь листву шишки и желуди. Устрашающе светились гнилушки и трещали под ногами ветки. То тут, то там проползали светлячки.

– Надо было мне отсидеться где-нибудь и сказать, что я тебя не нашел, – причитал Фрэд, сдирая паутину с лица одной рукой, тогда как другой держался за пояс Прохора, чтобы не отстать. Шут никак не отреагировал на его нытье, а упорно продолжал двигаться вперед. – Ты точно знаешь, куда идти? Мы не заблудимся?

– Иди молча! – прикрикнул на него дворцовый дурак. – И смотри ты под ноги, так и норювишь меня уронить. Тихо! – неожиданноскомандовал он.

И тут сердце Фрэда ушло в пятки. По ночному лесу разлетелся жуткий волчий вой. В добавок к этому налетел сильный ветер, который нагнал тяжелые свинцовые тучи, заслонившие собой и луну, и звезды, а спустя несколько мгновений по листве забарабанили первые капли.

– Только этого не хватало! – пробубнил писарь и поежился.

– Не переживай, – поспешил утешить его шут. – Вон, впереди свет мерцает, кажись, добрали мы до избушки лесника. Прибавь ходу, а то сейчас полет как из ведра.

Просить дважды Фрэда не пришлось. Тот преодолел оставшийся путь шагов в семьсот за считанные мгновения, будто являлся счастливым обладателем семимильных сапог. Ему стали безразличны и коряги, что путались под ногами, и ветки, цеплявшиеся за одежду, и даже треклятая паутина. Он мчался вперед, как ветер в чистом поле. Прохор еле поспевал за ним.

Действительно, посреди небольшой полянки стоял дом с высокой, покатою крышей, устланной лапником, а из каменной трубы, что возвышалась над ее коньком, в хмурое дождливое небо валили клубы сизого дыма.

Свои пыл слугитель пера умерил только возле крыльца, срубленного из толстых бревен, дома лесника. Он отдышался и еще имел наглость крикнуть отставшему спутнику.

– Ну, долго ты там? Плетешься, как древняя кобыла!

Шут усмехнулся, поднялся по скрипучим ступеням, заглянул в зашторенное окно и постучал в дубовую дверь.

Внутри послышалась брань и неспешные, шаркающие шаги.

– Кого нелегкая принесла?! Дома надо сидеть, а не шарахаться по лесам. Ночь на дворе! – петли скрипнули и дверь распахнулась. На пороге появился хмурый старик, забеленный седеной, в домашних тапках, потрепанных штанах и стеганке. – Кто такие, чего надобно?!

Фрэд гордо выпятил грудь и вздернул подбородок.

– Я – королевский летописец! А это, – Он кивнул в сторону шута, – со мной. Уважаемый, мы совсем выбились из сил, блуждая по лесу. Нам необходим отдых, и еда. На чистую одежду я уже не надеюсь, а вот нашу нужно просушить. Едва не утонули в тутошних топях, благодаря некоторым, – и он с укором посмотрел на Прохора, закатившего глаза.

Старик еще раз смерил взглядом непрошенных гостей, о чем-то подумал и отошел в сторону, приглашая войти внутрь. Затем сам вышел на крыльцо, всмотрелся в темноту и с улыбкой закрыл дверь.

– Как говорится – будь как дома, путник, – крикнул хозяин и потер подбородок, – но не забывай, что в гостях.

Внутри дом оказался много лучше, нежели снаружи: стены обшиты обрезной доской, вероятно, с королевской лесопилки, пол устлан ковром с крупным ворсом, тоже не дешевое удовольствие. Повсюду канделябры со свечками, а вместо захудалой печки – самый натуральный камин, где полыхали и потрескивали дрова, выбрасывая вверх снопы искр. Над огнем висел большой котел, в котором, судя по запаху, бурлила мясная похлебка.

Почуяв запах, Фрэд облизнулся, а его живот издал оглушающий урчащий звук. Он несколько смутился и закончил раскладывать на полу промокшую одежду, оставшись в одних портках и рубахе. Прохор же не скинул даже куртку.

– Прошу отведать моей скромной снеди, – лесник дружелюбным жестом пригласил гостей к столу, что стоял возле занавешенного окна. – Как говорится, чем богаты, тем и рады.

Не успел хозяин закрыть рот, а писарь уже занял место и крутил в руках серебряную ложку, которую предусмотрительно вытащил из своей сумы. Прохор покачал головой.

– Премного благодарны тебе, отец. Ты уж извини, измучила нас дорога, да и, кажись, волки выли неподалеку...

– Волки?! – удивился старик. – Да откуда ж им взяться-то? Последнего в том году, вроде как, охотник Себастьян завалил. Хотя, времена нынче престранные, все может стать.

Лесник пожал плечами и направился к камину. Он снял с огня котел и вернулся к столу. Разлив по мискам похлебку, он выложил еще кое-какие припасы: соленые огурцы, свежие помидоры, грибную икру и кругаль хлеба. Фрэд сглотнул слюну и начал набивать рот всем подряд, стряхивая на пол крошки. Прохор ел не спеша, поглядывая на хозяина дома, а тот, в свою очередь, к еде даже не притронулся.

Насытившись, летописец вышел из-за стола, достал из сумы трубку, забил ее табаком и закурил, выпуская клубы дыма.

– Ох, и объелся же я, сейчас лопну! – расположился он на полу возле камина, глядя, как полыхают сухие поленья.

Шут отодвинул миску и поблагодарил старика.

– Спасибо тебе, отец, за сытный ужин. Что-то меня в сон потянуло. Нельзя у тебя переночевать на чердаке?

Дед принялся за уборку.

– От чего же... Можно, только наверху крысы вот такие, – Он развел руки в стороны, как заправский рыбак. – Я вам тут кину тулупчик, у очага.

– И на том спасибо, – Прохор слегка кивнул. – Еще раз прости нас за причиненные неудобства.

Старик свалил грязную посуду в чан с водой, прошелся по ней ветошью, смывая остатки пищи, и убрал в шкафчик, что висел над топчаном. Затем смахнул со стола крошки в ладонь и выбросил за дверь.

Снаружи громыхал гром, а в окошко просматривались сполохи молний. Судя по тому, что капли дождя не колотили с силой по стеклу, гроза проходила стороной, лишь слегка намочив листву и напугав припозднившихся путников.

– Ты, я смотрю, – обратился лесник к Прохору, – из образованных будешь. В благородной семье родился?

– С чего взял? – удивился шут.

– Ну как же?! – старик повесил над огнем котелок поменьше, едва не наступив на дымившего трубкой писаря, который что-то кропал в своей книге. – Спасибо-пожалуйста да будьте любезны, не то, что некоторые. Сейчас вода закипит, поьем отварчиков травяных.

Старик на мгновение скрылся за дверью ведущей в соседнее помещение, а вернулся, неся в руках два тулупа, которые бросил на Фрэда.

– Эй! – встрепенулся тот. – Поаккуратнее!

То ли время потекло быстрее, То ли что, но горячее питье оказалось в руках гостей довольно скоро. Прохор, так и не раздевшись, развалился на полу рядом с Фредом. Старик потушил все свечи и сам пристроился на топчане.

– Хотите, расскажу вам на сон грядущий историю, что приключилась в одной далекой стране? – спросил дед.

– Что мы дети малые?! – возмутился писарь, грея пятки у огня.

– А я бы послушал, – толкнул его в бок рыжий весельчак. – Все лучше, чем твой бубнеж.

Он отставил полупустую кружку в сторону, повернулся на спину и заложил руки за голову. На потолке плясали причудливые тени, рождаемые пламенем камина. Хозяин дома немного покряхтел, поворочался, устраиваясь поудобнее и, наконец, заговорил.

– Уж не судите строго, рассказчик из меня, прямо скажем, никакой, но... К тому же могу и подзабыть самую малость. История необычная и сложено по-чудному, все в рифму, стихи называется. Я ее в таверне услышал, когда в город по делам наведывался, тогда ее, правда, под музыку зловещую рассказывали...

Тут Фред не выдержал.

– Да хватит уже ходить вокруг да около, не томи. Я засну, а ты так и не начнешь!

– Ты ж не собирался слушать! – хмыкнул Прохор.

– Передумал, да и выбора нет.

Старик прокашлялся, привлекая к себе внимание.

– Все, начинаю.

Порою возвращает меня память

в тот страшный летний день,
когда бредя вдоль речки безымянной,
наткнулся я на труп несчастной женщины.
Она лежала, запрокинув свою голову,
на шее рану я увидел безобразную.
Откуда здесь она, босая, полуголая,
какой-то грязью непонятной вся измазана.
Но что за взгляд недобрый, что за ненависть,
с какой покойница смотрела на меня.
Воскликнул я, значенья слов своих не ведая:
– Не смей смотреть, меня во всем вина!
Не понимал свое я состояние,
ужасный взгляд затмил мое сознание,
и побежал я прочь от места этого.
Свели с ума проклятые глаза ее...
Бежал, пока совсем не обессилел я,
но, обернувшись, я увидел эту женщину.
Не может быть! Какой ужасной силою
был этот труп вдруг приведен в движение?
И тело мертвое столкнул я в речку быстрюю,
и понеслось оно, потоку подчиняемо.
А я опять бежать, что было сил моих,
и падал на пути, кричал отчаянно...
А нынче глянул я в окно, со сна опухший,
а под окном – размокший труп несчастной женщины!
Протер глаза – виденье растворилась!
Избавь, Господь, меня от тех воспоминаний!
Хлещет дождь который час, бьет вода по крыше.
На столе горит свеча, пламя тихо дышит.
Будто вечен этот вечер...
И никак душе моей не найти покоя.
Слышу шорох у дверей. Что же там такое?
Будто вечен этот вечер...
Слышишь, стерва, голос мой? Ты ведь где-то рядом!
Не стучись ко мне домой, мне тебя не надо!
Будто вечен этот вечер...⁸

– Старик! – прошипел Фрэд. – А ничего повеселее нет? Ужасу нагнал, даже крысы с чердака убежали!

– Дык... – кашлянул тот. – Ну вот, сбил меня, окаянный, я забыл как там дальше.

– И слава богу! – зевнул Фрэд во весь рот и подбросил в угасающий камин еще одно полено. – Давайте спать. У нас завтра еще дел по горло.

– Это какие же дела могут быть в лесу? – заворочался лесник.

– Государственной важности! – закутался в тулуп писарь. – Королевский ягожник и грибник пропали. Я их ищу.

Тут закашлялся шут.

– Ну-ну, – хрюкнул старик. – Ищи...

⁸ «Воспоминания о мертвой женщине».

А уже через минуту избу наполнил громкий храп хозяина дома и дворцового бумагома- рателя, и кто заливался пуще, еще можно было поспорить.

Проснулся писарь оттого, что в полной тишине раздавался жуткий вой. Фрэд сел и протер глаза. Поленья догорели, и лишь угли еще еле теплились в жерле камина. Заспанный летописец растолкал шута.

– Слышишь? Говорю тебе, это волки. Прямо рядом с домом. Надо лесника будить!

– Буди, мне не мешает, – отмахнулся Прохор и засопел, повернувшись на другой бок.

Тот встал и прошлепал в сторону хозяйского топчана, опрокинув кружку, которую оста- вил шут. Ругнувшись, Фрэд добрал до старика и потряс его за плечо.

– Эй, проснись! – зашептал он.

– Уйди, а то прокляну! – гаркнул дед, но глаза открыл. – Чего тебе, злыдень, не спится?

– Волки за окном!

Хозяин сбросил ноги на пол, прислушался и почесал проплешину.

– Действительно, пришли уже.

Он влез в сапоги, накиннул зипун, что использовал вместо подушки и, улыбнувшись, вышел в ночь, громко хлопнув дверью. Фрэд постоял еще немного, почесывая зад, и уже собрался увалиться спать, как вернулся лесник. В одной руке он держал коптящий факел, а в другой однозарядное ружье.

– Собирайся, – прошипел он писарю и махнул стволом в сторону выхода.

– Я... я не охотник. Перо мое оружие, – стал оправдываться тот.

– Пошустрее говорю, выходи, приятель. Мои серые друзья пайку требуют.

У Фрэда затряслись ноги, и он от страха и неожиданности потерял дар речи. Его глаза стали искать спасения, а рот беспомощно открывался, как у рыбы, попавшей в рыбацкую сеть. Он хотел позвать шута, но слова застряли в глотке. На негнущихся ногах писака прошлепал к дверному проему, и старик вытолкал его наружу.

– Иди, писатель Гудвин! – и лесник закрыл за собой тяжелую, дубовую створу.

Глава четвертая

Гроза не спешила уходить, она кружила вокруг вотчины лесника, словно заговоренная, то стихая, то бушуя в полную силу.

Свинцовые тучи плыли по ночному небу. Иногда, буквально на миг, из-за них выглядывала луна и бросала свой бледный свет на землю, но тут же снова скрывалась за грозовой завесой. Она, словно узник, пыталась вырваться из темницы, но зоркие темные стражи продолжали нести свой ночной караул, пресекая все попытки сбежать. Где-то вдалеке свои разноцветные узоры плели сполохи молний, пробиваясь сквозь стену дождя, а воздух сотрясали оглушающие раскаты грома. Деревья гнулись, словно они всего лишь колоски на поле. И где-то среди всего этого ужаса таились серые хищники, что подпевали шквальным порывам ветра.

Фрэд буквально съехал по скользким ступеням и ступил в лужу. Грязные брызги разлетелись по сторонам, оставив на штанинах потеки. Редкие дождевые капли на лице писаря смешались со слезами, выступившими от страха.

– Н-не н-надо... Что вы хотите сделать? – проплакал Фрэд.

– Я? – спросил лесник, злобно ухмыляясь. – Собачек покормить. Иди, давай, за дом.

Писарю пришлось подчиниться. Да и выбора у него особо не было – вороным глазом смерти смотрел на него ствол заряженного ружья злобного деда.

– Но почему я?! Там вон шут есть, а я еще молод... И не пожил-то толком! Зачем я, вообще, поступил на службу во дворец?! – грязь под голыми ступнями Фрэда зловеще хлюпала. Одной рукой он опирался на скользкие бревна сруба, а другой вытирал слезы. – Что же это такое происходит? Может, я просто сплю? Я сейчас проснусь. Ну же! Нет, это не может быть правдой. Какая нелепая смерть. Мама!

Стенания летописца прервал лесник. Сильнейшим ударом приклада в спину, он опрокинул будущий волчий ужин на землю. Фрэд рухнул на колени, как срезанный хорошо наточенной косой стебель ромашки, погрузив руки в жижу, которая покрыла всю поляну. Что-то больно кольнуло его ладонь. Дрожащие пальцы нащупали некий предмет и извлекли его из воды.

Глаза писаря наполнились еще большим ужасом: его ладонь сжимала большую кость. Он начал судорожно копошиться в луже, извлекая оттуда все новые и новые останки, отбрасывая их в сторону. Фрэд все еще лелеял в глубине души надежду, что это всего лишь злая шутка. Вот сейчас лесник засмеется, опустит ружье, и они пойдут в дом, где тепло и уютно. Вот его рука наткнулась на что-то округлое. Летописец чуть не умер на месте: на него смотрели пустые глазницы человеческого черепа, который скалился двумя рядами гнилых зубов.

«Почему же этот шут не спешит мне на выручку?! Трус! Ничего, придет и твоя очередь, трус! – пронеслось в голове королевского трудяги».

Сзади раздался злобный смех старика.

– Знакомьтесь, скоро ты составишь ему компанию. Будите вдвоем веселиться.

– Помогите! – срывая голос, заорал Фрэд и закрыл глаза, потеряв всякую надежду на спасение.

Старик взвел курок, и его скрип заставил сердце писаря забиться в тысячу раз быстрее. За секунду бедолага вспомнил всю свою недолгую жизнь, мысленно попросил прощение у всех, кого успел обидеть, еще раз проклял шута, затем самого лесника, волков, пропавших собирателей грибов и ягод, короля Генриха и, на всякий случай, начальника дворцовой стражи. Пожалел, что не успел-таки уединиться с фрейлиной королевы, которая уже давно строила ему глазки, а он, дурак, своим невниманием набивал себе цену. Осёл! Так и умрет, не познав женских ласк.

– Идите сюда, мои хорошие, ужин готов! – проговорил лесник, и ему ответил волчий вой, донесшийся издалека.

Фрэд теребил на груди промокшую рубаху и шевелил губами, молясь всем известным ему богам. Он обернулся и посмотрел на старика, который отвел факел в сторону, прижал приклад ружья к плечу и прицелился.

– Прощай, путник. Передай на том свете привет сборщикам ягод и грибов, да и пасечнику не забудь.

Писарь закрыл глаза и перестал дышать. Казалось, время застыло. Гроза тоже остепенелась: стих гром и шум деревьев, лишь легкие порывы ветра трепали волосы несчастного.

– Ну, вот и все, – прошептал бедолага и приготовился к смерти.

Неожиданное появление шута показалось Фрэду не иначе как чудом или волшебством.

– Эй, ты! – прозвучал крик Прохора, заставивший лесника на секунду замешкаться.

Этого вполне хватило писарю для того, чтобы на карачках отползти в сторону, подальше от смертоносного ружейного дула. Старик оскалился в кривой улыбке и повернулся вполоборота.

– Какого лешего тебе не спится? Или хочешь занять его место?! Могу тебе это устроить...

Дед развернулся и направил ствол на шута, но тот был наготове. На голове неожиданного свидетеля лесник узрел странный прибор, а его руках – рогатку, заряженную большим желудем, что со всей силы врезался в левую руку лесника. Тот взвыл, как подстреленный лось, и выронил факел, который упал в лужу и с шипением погас. Мир погрузился во тьму. Где-то скулил Фрэд, подпевая серым хищникам, что завывали в лесу. В темноте уже стали видны желтые огоньки их глаз.

– Чтоб тебя! – выругался старик и нажал на спусковой крючок. Из дула вырвалось пламя, на миг осветившее поляну, а воздух разрезал грохот выстрела, сделанного наугад.

Фрэд заверезжал на всю округу. Раздались проклятия, и лесник ударился в бег.

– Никуда не уходи! – прокричал Прохор писарю и побежал вслед за стариком.

Несмотря на то, что дед знал местность, как свои пять пальцев, он не смог оторваться от преследователя. Благодаря изобретению Даниэля, Прохор видел, как днем. Он ни на шаг не отставал от лесника. С поляны погоня перенеслась в самые дебри: дед ловко обегал все ямы и буреломы, но, как бы ему не хотелось, шут не отставал. Мало того, он чувствовал, что преследователей двое. Этот же факт осознал и Прохор, когда за его спиной захрустели ветки.

– Я же тебе сказал оставаться на месте! – крикнул через плечо шут, увидев своего попутчика.

– Я что, похож на идиота?! Боязно одному оставаться, вдруг этот сумасшедший не один! Не беги так шибко, я не успеваю за тобой. Могу заблудиться. Ай! Я, кажется, ногу распорол, – Фрэд отмахнулся от ветки, хлестнувшей его по лицу, и сел на поваленное дерево.

Шут зарычал со злости.

– Дерьмо... Из-за тебя лесник ушел, – Прохор подошел к писарю и осмотрел ступню. – Нет тут ничего. Вдарить бы тебе! – и замахнулся рукой.

– Я не виноват, – вздохнул тот, вжав голову в плечи. – А что это у тебя на голове?

– Много будешь знать, скоро состаришься! – сплюнул дворцовый хохмач. – Где его теперь искать? Он в лесу, как рыба в воде.

– Извини...

– Да иди ты! – шут присел рядом с летописцем.

Сполох молнии осветил лес. Со страху Фрэду показалось, что он полон чудовищ, на самом же деле это просто стволы деревьев и кустарников причудливо переплелись между собой. Неожиданный раскат грома заставил преследователей вздрогнуть. Листва зашелестела под порывами ветра, который сбросил вниз дождевые капли. Писарь поежился То ли от ужаса, То ли от холода.

– Может, пойдем обратно? – спросил он.

– Ш-ш-ш! – шут приложил к губам указательный палец, призывая своего спутника к тишине, и прислушался. Тот замолчал и наострил уши.

Где-то в чаще прозвучал крик о помощи. Затем зов повторился еще несколько раз.

– Кто это?! – Фрэд придвинулся к шуту.

– Похоже на голос лесника. Надо бы посмотреть... – отодвинулся тот.

– А вдруг это ловушка? – писарь опять попытался прижаться к Прохору.

Но тот уже встал и перешагнул через дерево. Фрэду ничего не оставалось, как тяжело вздохнуть и последовать за бесстрашным шутом. Впрочем, идти пришлось недалеко. Всего в каких-то трехстах шагах от того места, где они потеряли лесника, тот и нашелся.

Деревья расступились, и путники вышли к болоту. Небо уже успело очиститься от тяжелых свинцовых туч, словно никакой грозы и не было вовсе. Вновь появилась бледная луна в окружении сотен тысяч младших сестер – звезд. Она еле-еле роняла свой тусклый след на болотную гать, мимо которой ломанулся лесник и теперь, завязнув в трясине по пояс, молил о помощи. Он беспомощно стучал руками по зловонной жиже, разгоняя ряску и водомерок. Невидимые глазу жабы хохотали, глядя на жалкие старания старика выбраться из этой коварной топи.

– Сынок, не дай утонуть! – прохрипел дед, выплевывая болотину.

Шут с Фрэдом остановились у самого края пади, буквально в двух шагах от того места, где солончак, тем временем, все пуще засасывал свою жертву.

Прохор снял с головы прибор изобретателя, сложил руки на груди и усмехнулся.

– Ты сейчас к кому обратился, папаша? Ко мне или к этому, в портках? – Он кивнул на писаря что переминался с ноги на ногу. – Я тебе помогать не особо хочу. Давай спросим у Фрэда.

Тот присел на корточки и посмотрел в глаза утопающему в грязи старику.

– Ты меня хотел волкам скормить, а теперь хочешь, чтобы я тебя спасал? Ты в своем уме?! Я лучше посмотрю, как ты утонешь. Тем более что я никогда этого не видал. Как голову рубят глядел, но это совсем другое.

Вода в болоте запузырилась, и лесник погрузился в трясину по плечи.

– Помогите мне, парень, выбраться! – прорычал дед. – Пошутил я!

– Шутник, твою мать! – выругался Фрэд и ударил лесника по лысине сломанным прутом. – Теперь пришла наша очередь смеяться. Знаешь что? Сдается мне, что на том свете тебя встретит или мерзкая кикимора, или водяной. Вот с таким, – Он развел руки в стороны, – кайлом.

– Ладно, – прервал описание загробного будущего лесника шут. – Скажи, пропажа королевских сборщиков твоих рук дело? Отвечай, или мы пошли.

Старик подумал несколько мгновений.

– Каюсь... Вытащи меня уже! Их уже не вернуть, а я готов понести наказание, каким бы суровым оно не было!

– Ты зачем волков человечинной кормил? – шут присел.

Старик сплюнул болотину, что снова попала в рот.

– Чтобы они по селам не шатались да скотину не драли. Я жителям услугу оказывал. Откуда мне знать, что те королевскими слугами являлись? Волкам все равно, кого есть. Слушай, вытаскивай меня уже.

– А стоит ли? – Прохор посмотрел леснику в глаза. – Нет человека – нет проблемы. Моя задача выяснить, куда пропали сборщики. Я выяснил, так что...

– Умоляю! – прохрипел дед и стал медленно уходить под воду.

Через несколько мгновений он скрылся из виду, и ряска сомкнулась над ним. На поверхности оставались только его руки. Шут вздохнул и взглянул на писаря, который сидел, выпучив глаза.

– Давай, наклони ему эту березку, а то, чего доброго, в самом деле потонет... – королевский летописец непонимающе посмотрел на него. – Да быстрее, захлебнется же!

Фрэд вскочил и навалился всем весом на тоненький ствол. Цепкие ладони тут же вцепились в ветви, а через мгновение на поверхности показалось серое лицо лесника, который стал жадно хватать ртом воздух.

– Премного благодарен. Я уж подумал, что все, конец мне.

Напрягая мышцы, дед медленно, но верно выбирался из болота. Прохор схватил его за зипун и помог вылезти на берег. Тот растянулся среди папоротника и часто задышал.

– Зря мы его спасли, – крикнул Фрэд. – Вон, какой здоровый, он с нами двумя враз справится, если захочет.

– Неа, – отмахнулся шут. – У него сил не осталось, но на всякий случай...

Прохор пошарил взглядом вокруг себя и увидел небольшую корягу. Перекинув ветку из руки в руку, он с силой опустил ее на голову леснику, выбив из того сознание.

– Так оно спокойнее будет. Сейчас свяжем его, отнесем в дом, а завтра доставим в тюрьму.

– Тащить его через бурелом?! – возмутился писарь.

– Здесь должна быть тропинка, ведущая от гати к дому. Это он от нас через чащу удирал, – сказал Прохор, стягивая леснику запястья бечевкой. – Думал, что мы отстанем, но не повезло. Мы ведь тоже не лыком шиты! Да? – и дворцовый дурак подмигнул писарю.

Тропинка, действительно нашлась, причем тут же. Шут взвалил увесистого старика на плечо и двинулся вслед за Фрэдом. Несли бузотера по очереди, и писарь все больше склонялся к тому, что решение сохранить ему жизнь – ошибочно. Луна освещала им дорогу и не скрылась ни за тучу, ни за облако, пока они не дошли до дома лесника.

До рассвета оставалось всего несколько часов, которые королевские служащие решили посвятить сну, заперев хозяина дома в чулане и заткнув рот кляпом, чтобы не мешал своими воплями, когда придет в себя.

Дрыхли, как убитые, без снов и, как не странно, выспались. По крайней мере шут.

Едва солнце поднялось над лесом, Фрэд, Прохор и лесник двинулись в путь. Причем последнего не то что не развязали, но даже кляп изо рта не вынули. Так он и брел по лесной дороге, и лишь проходя гать, возле которой едва не отправился на утеху водяному или кики-море, что-то пробубнил и, судя по сверкнувшим глазам, – сплошные ругательства.

Лесные птицы пели, греясь на солнце, пауки плели свои сети. В тех, которые не оборвал шквалистый грозовой ветер, поблескивали капельки воды, в некоторых трепыхались маленькие мушки. За ночь земля насытилась влагой с избытком, поэтому на дороге появились лужи.

Брели молча. Летописец все еще прокручивал в мыслях произошедшее ночью, а Прохор не являлся сторонником праздных разговоров, только по делу и только с теми, кто ему по душе. Фрэд к таким людям не относился, с ним даже помолчать не о чем.

Примерно через два часа путники вышли на тракт, как раз в том месте, где вчера писарь нагнал шута. Оно практически не изменилось за тем исключением, что лошадь пропала.

– Наверняка цыгане сперли! – всердцах выругался писарь. – Теперь из жалования удержат.

– Не переживай, я это улажу, – приободрил его шут.

Фрэд усмехнулся, и в этот самый миг послышалось конское ржание.

– Нашлась! – радостно воскликнул писаря, потирая ладони. – А я на цыган грешил. Жозефина, иди сюда!

Спустя несколько секунд появилась кляча, и это событие вновь разочаровало Фрэда. Лошадь оказалось чужой, но имелся и плюс – повозка! Если договориться с хозяином, то

можно доехать до столицы, если, конечно, тому по пути. Но договариваться не пришлось, в телеги лежали вповалку дворцовые музыканты, возвращающиеся со свадьбы из Длинных плугов. Одноглазый возница спал. Добредя до путников, кобыла замерла и стала обнюхивать связанного лесника, от которого несло болотиной за милю. Видимо почувствовав, что гнедая встала, погонщик приоткрыл единственный глаз и гаркнул, разбудив своих друзей.

– Какого рожна остановилась, bestия?!

– Рене, – окликнул его темноволосый певец, садясь и хватаясь за голову. – Говори потише, по добру тебя прошу. Голова трещит.

Тут заговорил второй голосарь компании, обращаясь к первому.

– Михась, подвинь свой зад. Я сейчас с телеги свалюсь!

– Дрон, – ответил тот, – иди ты, знаешь куда...

В перепалку вступили и другие участники труппы.

– Мария вообще все место заняла!

На что та ответила.

– А от тебя, Яшка, всю дорогу перегаром несет!

– Да-да, – поддержал ее хозяин звонкого бубна – Сандро.

– От вас самих не розами пахнет! – вступился за друга длинноволосый блондин со странным именем Бал, высунувший голову из-под соломы.

Завязалась толкотня, грозящая перерасти в нешуточное побоище, в результате которой с повозки был сброшен прямо в дорожную грязь ни в чем не повинный возница. Он вылез из жижи, отжал портки, рубаху и, натянув обратно одежду, кинулся в кучу-малу, которая продолжалась пять минут, если верить часам шута.

– Не переубивали бы друг друга! – покачал головой Прохор, но броситься разнимать бузотеров не рискнул. Он, конечно, в драке не промах, но тут не его ума дело. Сами пускай разбираются. Те закончили, когда начала громко верезжать Мария. Кто-то из мужиков, видимо, потерял интерес к драке, и принялся ее щупать за всякое. Она не стала это терпеть и в ответ дала кому-то коленом между ног. Успокоившись, музыканты, наконец, обратили свое внимание на невольных зрителей представления, что они устроили.

– Мое почтение, уважаемые! – махнул рукой Прохор. – Вижу, свадьба удалась на славу.

Артисты одновременно отмахнулись и принялись поправлять растрепавшуюся одежду.

– Не говори ничего, – буркнул Рене, подбирая вожжи. – У тебя, я вижу, тоже все спилось, – и он кивнул на лесника.

– Ага, расскажу – не поверите!

– Прыгайте в телегу, – сказал Михась, припадая к бутылки с водой, – а этого на самое дно кидайте. Инструментов-то нет. Вчера гульнули хорошо. На мандолине всего две струны целых осталось. Кхе...

Дрон выхватил бутылку, которая, в свою очередь, переключалась к Марии, а уж потом и к остальным. Прохор с Фрэдом забросили лесника в телегу, а сами примостились с краю. Возница попытался причмокнуть пересохшими губами, но у него ничего не вышло, потому он стеганул клячу вожжами и прикрикнул.

– Трогай уже, гуляш ходячий!

Натужно заскрипели колеса, грозящие отвалиться в любой момент. Писарь тут же заснул, привалился к Прохору и стал похрапывать, не смотря на то, что ему и нос затыкали и толкали в бок. Не помогло.

На гречишном поле колотили подвешенные к чучелам черепки, отгонявшие настырных птиц. Те взлетали, кружили некоторое время в стороне и снова предпринимали попытку опуститься среди колосьев. Небо окончательно очистилось от облаков, и теперь солнце могло свободно карабкаться вверх, не боясь быть сокрытым от людских глаз. В воздухе, вместе с ветром, носился аромат полевых цветов, и жужжали пчелы.

Рене стеганул чуть было не заснувшую кобылу и обратился к шуту.

– Давай, вещай, чего это ты лесника связал.

– Ты не поверишь, – начал Прохор.

Он рассказал все, что случилось этой ночью, в красках. Потрясал руками, наводя ужас. Музыканты покачивали головами и охали. Когда дело дошло до действий на болоте, сам старик заворочался на дне телеги, за что Яков наградил его ощутимым тычком под ребра.

– Цыц, упырь! – рыкнул он.

Когда шут закончил, все согласились с мнением писаря, что деда не нужно было спасать, но рыжий хохмач отстаивал свою точку зрения, мол, все нужно сделать по закону. Убийцу нужно судить.

– А вы как погуляли? – спросил Прохор.

– О! – хором застонали артисты.

– Да ну их! – сказала Мария. – Как всегда, праздник оказался испорченным. Сыграли все, как положено, а потом понеслась кривая... А ведь хотели вечером уехать!

– Зато теперь есть идея для новой песни! – сказал Михась.

– Это точно! – поддакнул Яков. – Такая история приключилась, что...

Его прервал Дрон.

– Не говори ему ничего, потом не интересно будет! Придет в трактир и услышит!

Прохор почесал затылок.

– Какие вы нудные со хмеля, не уж-то я тоже такой?! Спойте что ли.

Артисты переглянулись.

– Так нет инструментов-то, – развел руками Бал.

– Вы меня удивляете! – шут всплеснул руками. – Так давайте, я не прихотливый. Только не страшилки ваши, что-нибудь спокойное, умиротворяющее.

Рене начал тихонько насвистывать, Сандро застучал ладонями по телеге. Яков стал дергать оставшиеся струны своей мандолины. Мария достала из-под соломы серп и стала водить по нему своим смычком, который чудом уцелел, извлекая околмузыкальный звук. Получалось довольно-таки сносно. Михась потер нос, пожал плечами, мол, почему бы и нет, и запел.

Утренний рассвет, солнце поднималось над землей.

Просыпался лес, восхищаясь розовой зарей.

Над озером стоял, клубился белый туман,

в овраге под горою шелестела листва,

луч солнца улыбался и с росой играл.

Особенно прекрасны утром эти места.

Продолжение сна... Дивная пора.

Как божественна природа и проста!

В небе голубом облака плывут, как корабли.

Теплый ветерок мчится над поверхностью земли.

Еще не пробудились петухи в деревнях,

и рыбаков на озере пока не видать,

коровами истоптана трава на полях...

Как здорово, что здесь мне довелось побывать.

Продолжение сна... Дивная пора.

Как божественна природа и проста!⁹

– Ты чего это, ваше шутейшество?! – спросил Дрон, глядя на Прохора. Тот шмыгнул носом и смахнул со щеки набежавшую слезинку.

– Сам не знаю. Какой-то я в последнее время сентиментальный стал, расчувствовался малясь. Не обращайтесь внимания.

– Мы довели шута до слез! – ударил себя по ногам Бал. – Ха!

Даже кобыла заржала. Прохор смутился, покраснел, как помидор, и про себя подумал: хорошо, что писарь спит. Точно растрепал бы на весь дворец! Это бы серьезно подмочило репутацию. Смеяться над шутком позволено только Высочайшим особам, остальным даже втихаря нельзя, а Прохор пока не давал даже малейшего повода хотя бы на ухмылку. Его боялись и правильно делали. В конце концов, он является одним из первых лиц государства и от его слова многое зависит. Король прислушивается к Прохору, поэтому неосторожная шутка в адрес любимца Генриха может привести весельчака к потере благосклонности сюзерена. Это в лучшем случае. За артистов Прохор не переживал, свои в доску, и язык за зубами держать умеют.

– Забыли! – нахмурился рыжий балагур и все молча подчинились. – Что нового за пределами столицы?

– Да ничего особенного, если не считать этого, как его там... – Рене приподнял повязку, почесал абсолютно здоровый глаз, что скрывался под ней, и вернул на место. – Искричество, что ли...

– Электричество, неуч! – дал ему подзатыльник Михась.

– Ну да, – хмыкнул возница. – Повезло жителям Плугов: никаких тебе дров. Масла не надо, фитилей тоже. Главное жилы не трогать, а то дух вышибет. У них уже двоих поросей убило, а бычку оторвало эти самые. Не может он больше, в общем. Жилы-то были древесной корой обложены и закопаны, но свиньи разрыли яму, и на тебе.

Прохор сделал вид, что очень заинтересовался, сам же прикидывал, почему мастер провел свет в деревню, находящуюся в десятках верст от столицы, а в замок никак не сподобится?! Он не удивился бы, если узнал, что Даниэль там наладил и воду в каждую избу, хотя почти все села в округе и так стоят на реках. Сто шагов с ведром не трудно пройти.

– Слушай, – сменил тему Прохор, – а зачем повязку носишь? У тебя же глаз на месте.

– Я так солиднее выгляжу, мудрее, – ответил Рене. – А кое-кто даже думает, что у меня там огненное око, обладающее воспламеняющим взглядом. Кстати, прошлогодний пожар в поле до сих пор на меня пытаются повесить. Я же тогда там с доярками... Хм.

– Михась, а у тебя с зубами чего? В драке выбили?

– Не, – отмахнулся тот. – Это я с ослом состязался. Перетягивали мои портки. Проиграл.

– Да... С вами не соскучишься. Хочешь, я поговорю с королевским лекарем, он тебе новые зубы у кузнеца закажет? – спросил на полном серьезе шут. – Я как-то по случайности себе один выбил о косяк впотьмах, так вставил, шельмец! – и показал артистам позолоченную фиксу.

– Не, – оскалился тот. – Я так выгляжу не то, что бы страшно... Ну ты понимаешь. Слушай, а ты не поможешь нам новые инструменты добыть, а то нам весь заработок придется потратить? Поговори с королем, так, мол, и так, есть необходимость и все такое.

– Для друзей – все что угодно, – Прохор сплюнул на дорогу и завалился на солому, придавив лесника. – Вечером в трактире обсудим условия сделки.

– Договорились!

⁹ «Утренний рассвет».

Артисты тоже решили прикорнуть, за исключением Рене, ибо он правил кобылой, и Дрона, который достал из торбы клочок бумаги, писало, как у мастера, и принялся что-то сочинять.

Бабочки и стрекозы кружили над путниками, высоко в небе проплывал журавлиный клин. Солнце стояло в зените, нещадно паля все вокруг своими лучами. Лужи постепенно исчезали, а сам тракт становился ровнее. Вдалеке появились шпили дворцовых башен и флаги. Потом стало возможным различить фигуры гвардейцев на крепостных стенах, а спустя еще полчаса повозка проехала через Главные ворота столицы Королевства Серединных Земель.

Шут предстал перед королем, когда часы на Главной башне отбили три часа по полудню. Перед этим он ополоснулся в тазу, поскольку водоснабжение по-прежнему не работало, и переоделся в свой наряд с бубенцами. Затем посетил королевскую кухню, где лично попробовал все блюда, приготовленные для дневной трапезы, и вошел в Обеденную залу вместе со слугами, несущими подносы с яствами.

Пока челядь сервировала длинный стол, Генрих поднялся со стула и кинулся к Прохору. – Ну наконец-то! – заключил сюзерен слугу в объятия. – Давай, рассказывай.

Король вернулся на свое место, шут, стянув с головы колпак, сел рядом и скупно кивнул молодой супруге уже пожилого правителя, которая откровенно скучала, разглядывая лепнину на потолке. Слуги закончили расставлять блюда и, склонившись, покинули залу.

Прохор, как всегда, не отличался скромностью, он сразу подвинул к себе блюдо с запеченным осетром и ловко распотрошил его, в то время как супружеская чета скромно начала трапезу с бульона с хранцузкими пампушками.

– Судя по тому, что ты вернулся, я делаю вывод, что все улажено. Так?

– Угу, – ответил шут, обсасывая рыбки кости. – Виновный в темнице, как и положено. Вынужден тебя огорчить: в твоём королевстве стало на три человека меньше, это как минимум. Лесник, которого я в тюрьму засадил, скормил твоих сборщиков волкам, чтобы те скот не драли.

– Каков наглец! – театрально возмутился Генрих и с хлюпаньем выпил бульон прямо из тарелки. – Надо ему голову отсечь. Как думаешь?

– Я бы не стал, – шут навалил на столе целую кучу костей.

– Это еще почему?

– Ну сам посуди: вот оттяпает палач ему голову, – на другом конце стола королева нарочито громко кашлянула.

– Я, вообще-то, ем.

Шут перешел на шепот.

– Предположим, назначим мы нового лесника. Пока он разберется, что к чему... Старый ему все расскажет, советом дельным поможет. Пускай сидит. А за сборщиков не переживай, я уже новых назначил, тебе остается только указ подписать.

Генрих подвинул тарелку с фаршированным овощами фазаном, налил вина себе и Прохору.

– Вообще-то так дела не делаются. Нужно позвать министра, советника, прочую знать и коллегиально решить, кто займет эти посты.

– Ты смеешься? – рыгнул шут и тут же извинился на иностранный манер. – Пардоньте. Да они сразу своих родственников прочить начнут, которые не отличат мухомор от подосиновика, бруснику от клюквы, а к пасеке вообще подойти побоятся. Они тебя ненароком отравят. Или специально. Мои люди надежные, я и на должность лесника смышленного малого нашел.

– Возмутится знать, – покачал головой сюзерен и хлебнул вина.

– Приди в себя! – Прохор вытер руки о скатерть и пошелкал пальцами перед носом у хозяйки. – Ты – король! Как скажешь, так и будет. А начнут вякать – пригрози отправить всех на войну. Работает всегда, сам проверял.

– Какая война? Сплюнь, дурак! Спокойно все уже лет двадцать как. Ладно, уладим этот вопрос. Ты давай, иди к министру, и скажи ему, пусть завтра собирает народ. Хвалить тебя будем прилюдно, заслужил. Изольда, – Генрих обратился к супруге, – опять мой шут отличился!

Та отвлеклась от поедания королевских креветок и обратила свое внимание на мужа.

– Дорогой, ты же знаешь, что я политикой не интересуюсь. У меня от нее мигрень и аллергия.

– У тебя на все аллергия, – отмахнулся король. – Вот точно я тебя лекарю покажу. Твои ночные кошмары мне покоя не дают. Кстати, сегодня их, похоже, не было. Не читала на ночь?

– Нет, – отрезала та.

– А почему тогда ко мне в покои не явилась?!

Изольда зарычала, словно собака.

– Ты мне дашь поесть?! Разговаривай со своим шутом, оставь меня в покое!

Она сполоснула ладони в специальной серебряной плошке и вытерла их салфеткой. Затем демонстративно встала из-за стола и покинула залу под пристальным взглядом Августейшего. Шут тоже закончил трапезу и теперь ждал хозяина, который только перешел к десерту.

– Не нравится мне все это, – нахмурился король. – Какая-то она нервная стала в последнее время.

– Может, государыня наша понесла? – предположил Прохор.

– Ты думаешь? – поднял взгляд сюзерен. – Интересно как? У нас, если откровенно говорить, близости еще ни разу не было, а это... Сколько же прошло-то?

Генрих откинулся на спинку стола и закатил глаза, потом поправил корону и стал загибать пальцы, но сбился со счета. Шут заскучал.

– Слышал я в детстве одну сказку, как некая особа обрюхатилась, когда к ней голубь в дом залетел. Непонятное зачатие называется. Может, с госпожой та же беда приключилась?

– Голубь, говоришь, прилетал? – нахмурился король. – Если узнаю что это за птица, он у меня с башни вылетит, – и с силой опустил кулаки на стол. Стоявшая тут же тарелка с яблоками подпрыгнула, а фрукты попадали на пол. – Слушай меня внимательно: тебе надлежит скрытно следить за моей женой и выяснить, нет ли у нее какой тайны.

Шут усмехнулся.

– Ты подозреваешь... – король кивнул, приподнял корону и промокнул платком лысину. – Значит, в голубя не веришь? Ну, не знаю. Мне нянька рассказывала, что в далеких странах в это все верят, а кто сомневается, того на кострах жгут, что наших ведьм. Правда, еще она утверждала, что все они дикари. Ладно, пойду я, мне еще к министру нужно, потом к изобретателю заскочить треба и еще пару мест посетить. Велеть музыкантам песнь хвалебную сложить в мою честь?

– Конечно! – Генрих отхлебнул вина. – Хоть так послушаю. Изольде они не нравятся, даже есть в тишине приходится. Чтобы я без тебя делал...

Прохор закинул в рот виноградину, встал из-за стола и протанцевал к выходу, звеня бубенцами. Уже скрывшись за позолоченными створами, он высунул голову в шутовском колпаке и спросил:

– А если все-таки голубь?

– Убью! – прошипел сюзерен.

Министр нашелся в своих покоях. Он сидел за большим круглым столом и играл в шахматы сам с собой. Его мундир, как всегда, был безупречно чист, медали начищены так, что слепили глаза. Пистоль на боку переливалась изумрудами, а сабля, наверное, прикипела к ножнам, но тоже покоилась там, где и должно.

Проход не постучался по своему обыкновению, а просто толкнул створы и вошел. Он осмотрелся, словно впервые посетил данное пристанище тупоголовия и скудоумия. Все стены увешаны портретами героических предков генерала с самых древних времен, когда из оружия в наличии имелось только копье, а из одежды – набедренная повязка. Затем шут подошел к огромному глобусу, на котором самым большим государством значилось, естественно, Королевство Серединных Земель. Следующую остановку шут совершил у стены, где висела карта королевства с нанесенными на ней укреплениями и регулярными частями гвардейцев. Покрутил в руках все пистолы и ружья, что висели на стенах, проверил на вострость саблю. За его передвижениями внимательно следил хозяин апартаментов.

– Тебе чего тут надо? – не выдержал генерал, когда неожиданный гость попытался открыть тайный шкафчик, вмонтированный в стену и спрятанный за портретом сюзерена. Министр отогнал шута и вернул картину на прежнее место, закрыв ее своей могучей спиной.

– Король велел тебе на завтра собрать народ, чтобы объявить мне очередную похвалу. Разобрался я с делом о пропаже сборщиков ягод и грибов, разузнал, куда подевался пасечник.

– Тоже мне, герой! Любой дурак смог бы.

Шут внимательно посмотрел позиции на доске. Часть фигур уже были съедены, как с одной, так и с другой стороны. Проход сделал ход черными.

– Ну, тебе что-то не улыбнулась удача. Шах.

– Так я и не дурак, – парировал генерал и тут же спохватился. – Как шах?! В этой партии должны белые выиграть, я все продумал! Ты ошибся. Ну-ка посторонись.

Министр оттолкнул шута и стал проверять правильность хода, но не узрел ошибки. Он зло выдохнул и почесал подбородок. Потом перешел на сторону белых и передвинул одну из фигур, довольно потеряв ладони. Проход не думал ни секунды.

– Смотри сюда, – Он шагнул ладьей. – Тебе мат. Отдавай кошель.

– Да ладно?! Теперь-то как?! – генерал опять уставился на доску. Он несколько раз обошел вокруг стола, но не обнаружил подвоха. Поражение одержано по всем правилам игры. – Давай еще!

– Опять проиграешь, – учтиво предупредил балагур. – Плохой из тебя стратег. Начнется война – нам швах.

– Поговори мне еще! – огрызнулся тот, расставляя фигуры и делая первый ход.

Проход только покачал головой. Он налил в генеральский кубок вина из графина и залпом выпил, утерев рукавом своего наряда стекавшие по подбородку капли.

– Чур, не драться потом!

Все кончилось меньше, чем через две минуты. Шут специально засек время. Офицер от злости аж побледнел и потерял дар речи. Он расстегнул китель, оттянул ворот рубахи и трясущейся от злости рукой указал весельчаку на двери. Тот пожал плечами и подчинился.

– Захотите еще сыграть, я всегда к вашим услугам! – Он склонился на пороге так низко, разведя руки в стороны, что бубенцы его колпака едва не коснулись каменного пола, после чего выскочил из покоев министра.

Проход вышагивал по улицам города, насвистывая веселую мелодию. Шутовской наряд остался висеть на стуле в каморке, и его сменили штаны, рубаха и любимая весельчаком кожаная жилетка. Под ногами то и дело пробегали то кошки с собаками, то гуси с поросятами. Где-то слышались крики: родители оралы на своих детишек за то, что выпустили скотину во двор, а та разбежалась.

Полные прачки развешивали свежее постиранное белье на веревки, которые растянули от одного дома к другому, перегородив таким образом проход. Шут ловко подныривал под преграду, стараясь не испачкать простыни и не задеть головой чьих-то огромных размеров панталоны, которые больше походили или на парус от фрегата, или на королевский охотничий шатер.

Потом Проход свернул на базарную площадь, где ползгал семена подсолнуха, честно купленные у старухи (обычно он воровал), послушал бабские сплетни, посмотрел петушинные бои, перекинулся парой фраз с отрядом гвардейцев, которые обходили улицы дозором. Среди них оказались и те двое, что помогли ему забороть старосту из Большой пахоты. Завершив каждодневный ритуал, Проход отправился туда, куда, собственно, и собирался, а именно к изобретателю в гости.

Тот, как обычно, забаррикадировался у себя в мастерской и открыл дверь только через пять минут. К тому времени Проход уже отбил все кулаки, пока колотил в дубовые створы.

– Кто там такой не терпеливый?! – проорал голос изнутри, и петли скрипнули.

– Кто, кто... акробат из шапито! – ответил шут и протиснулся в помещение. – Ты чего в потемках сидишь?

Даниэль прошел в помещение и отворил ставни, впусив солнечный свет, в котором заплясали пылинки.

– Спал я. Тебе чего надо? Опять на важное задание Государь послал?

– Нет, я по другому вопросу. Во-первых, вот, держи, – шут достал из торбы прибор и протянул его мастеру.

– Пригодился? – спросил тот.

– Очень даже. Весьма полезная вещьца. Непременно сделай мне такую же. Ты, шельмец, когда воду пустишь? – уже совсем с серьезным видом спросил Проход.

Изобретатель опустил на край стола, заваленного всяким хламом.

– Завтра с восходом точно будет. У меня там кое-какие шестерни сломались. Только утром ремонт закончил.

Шут сел рядом.

– Посмотрим. А что на счет электричества? Ты когда обещал? Ну, в самом-то деле, у тебя есть совесть? Ночью нужду приходится впотьмах справлять.

– Тут не все так просто, как ты думаешь, – Даниэль потряс пальцем. – Нужно все рассчитывать, то-сё, пятое-десятое...

Проход соскочил со стола и стал мерить шагами комнату.

– Вот смотрю я на тебя, – шут остановился и посмотрел мастеру в глаза, – и не пойму: ты спиён или нет?

– Ты сейчас это к чему? – спросил изобретатель закашлявшись.

Рыжеволосый слуга короля подошел вплотную к хозяину дома.

– В Больших плугах электричество уже есть! Тогда почему его еще нет в замке? А? Думал, никто не узнает? Или оправдывайся, или собирайся в тюрьму. На твое место найдутся желающие. Пусть не такого ума, но все же.

Даниэль всплеснул руками, соскочил со стола и подошел к окну, в сетку которого бились мухи.

– А ты знаешь, сколько стоит купить у кузнеца железные жилы, по которым это электричество двигается? Денег нужно на годовой запас свечей или масла для ламп. Потом еще на ремонт механизмов и все такое! Жители деревни мне деньги принесли и получили свой заказ. Ты меня извини, но я за свой счет должен жилы во дворец тянуть? Траншею для них через всю улицу копать опять я?

Прохор умерил свой пыл.

– А зачем обещал?

– Так я думал, что король отдаст приказ казначею, тот выделит денег на работников и материалы...

Шут подошел к изобретателю и положил руку ему на плечо.

– Я поговорю с Генрихом. Знаешь, что я думаю? Может, не закапывать жилы, а пустить их поверху?

– Это как? – удивился мастер.

– Ну, у нас есть столбы, где лампы ночные висят, вот и растянем между ними. Это же удобнее: и в кору их заворачивать не надо, и на виду. Слышал, в Больших плугах свиньи твои жилы раскопали и их переубивало? – изобретатель кивнул. – Для начала осветим Главную площадь, потом весь город, а там, глядишь...

– Ну не знаю, – замялся Даниэль. – Если будут деньги...

– А сколько надо?

– Так я писал в бумаге фициальной, сейчас уже и не упомяну.

Шут вернулся за стол, выдвинул табурет и сел, вытянув ноги.

– Я тебя как-то просил сделать мне пистоль маленький, чтобы в торбе помещался, ты не забыл?

Изобретатель ударил себя по лбу и полез в сундук, что стоял у окна. Он долго копошился в нем, а потом извлек оттуда маленькую кожаную сумочку.

– Вот, держи. Уже давно смастерил, хорошо, что ты напомнил.

Прохор покрутил в руках подарок: им оказался совсем крохотный, с ладонь размером, пистоль, только вид у него был какой-то странный.

– И что это? Как работает?

Изобретатель взял оружие в свои руки.

– Видишь крутящийся барабан? В нем шесть отверстий, в каждое вставляешь заряд и все. Это как обычный пистоль, просто сразу на несколько выстрелов. Барабан крутится сам, когда взводишь курок. Меньше просто уже не получится. Его можно под курткой носить, я сумочку специально для этого придумал. Видишь, как пистоль доставать легко? – и он продемонстрировал, как оружие входит и выходит.

Шут покивал, забрал подарок и повесил через плечо. Сумочка оказалась аккурат под мышкой.

– Удобно, – Прохор поднялся со стула. – Спасибо, с меня причитается. Предлагаю сходить в таверну, выпить по кружке доброго эля и погорланить песни. Что скажешь?

Изобретатель почесал затылок. По правде говоря, ничего делать ему сегодня не хотелось, новые идеи в голову не лезли, а к старым интерес уже успел остыть. Тем более что шут угощает, не придется тратить своих денег, которых и так кот наплакал.

Почему бы и нет?

Таверна оказалась набитой людьми, как бочка сельдью. Под потолком клубился сизый табачный дым. Воздух наполнялся глухими ударами кружек, зычным смехом выпивох и визгами разносчиц, которых хмельные посетители хватали за всякое. Здороваясь налево и направо, Прохор с Даниэлем протиснулись к излюбленному шутом месту, которое, естественно, оказалось свободным, ибо дворцовый балагур исправно платил трактирщику, и тот следил, чтобы столик никто не занимал. Гости сели на свои места, и им тут же принесли по кружке пива и миску с солеными сухарями: обязательный минимальный заказ для любого посетителя.

– Твое здоровье! – кивнул Прохор мастеру и залпом ополовинил посуду.

– И тебя туда же! – ответил тот, стирая рукавом пену с губ, забрасывая в рот горсть сухарей. – Хорошо пошло.

– Угу, – отозвался шут, прислушиваясь к посетителям за соседним столиком.

Там сидели почтенные старцы, с проплешинами и бородами чуть ли не до пупа. Они то громко гоготали, то переходили на шепот, словно плели заговор, но тут же начинали вновь хохотать. Чуткий слух шута уловил отрывок разговора.

– Вчерась-то, когда мы разошлись, я, стало быть, пошел домой, – дед отхлебнул из кружки. – Ага, значит. И знаете, где проснулся? В будке Трезора, представляете?! Наверное, жена домой не пустила, вот я и решил к нему забраться, чтоб не замерзнуть. Еле вылез, даже застрял чуток, но моя меня спасла, стерва. Еще насмехалась, мол, я с псом еще полночи разговаривал о чем-то.¹⁰

Собутыльники деда покатались со смеху.

– Вечно с тобой, Клаус, всякие истории происходят, – один смахнул слезу и ощерился.

– А сам-то? – отмахнулся старик. – Помнится, тебя самого третьего дня баба домой тащила за ноги. Вся улица вышла смотреть.

Прохор потерял всякий интерес к этой беседе и, допив эль, подозвал хозяина таверны. Толстяк в сию же секунду появился перед дорогим гостем, одернул фартук и поправил перекинутое через руку полотенце.

– Чего изволите?

Прохор отсчитал из кошель монеты и протянул толстяку.

– Неси, любезный, еще две кружечки темного и скажи, где музыкантов носит? Становится скучновато.

Хозяин убрал деньги в карман.

– Должны уже быть, сейчас узнаю, – и крикнул в никуда. – Мадлен, две кружки темного господину шуту и его другу!

Трактирщик поклонился и растворился в табачном дыму, а уже через мгновение пышногрудая дева поставила на стол заказ, за что получила от Прохора одобрительный шлепок по заду. Когда и эта посуда опустела, появились музыканты, и таверна пришла в движение. Посетители поприветствовали артистов топотом и улюлюканием.

– Наконец-то!

– О, сейчас начнется!

– Прощай разум!

Участники балагана помахали собравшимся. Михась жестом попросил тишины, а когда шум смолк, начал свою речь.

¹⁰ Автор отсылает читателя к песне группы Король и Шут «Песенка пьяного деда».

– Привет, други! Шапка на своем обычном месте, не жалеем, даем, кто сколько может. И так, мы начинаем представление! Вчерась мы гуляли на свадьбе в Больших плугах, где произошла весьма занятая история. Наш Дрон сложил про это стих и хотел его вам прочесть, но я решил, что песня из него получится куда лучше, – Он кивнул музыкантам и те, прокричав дружное «Хэй-хэй-хэй!», заиграли, а Михась и Дрон запели.

На свадьбе скоморох
был прытким, как горох,
он бегал по столам,
кидался пудингом в гостей.
Такую чушь он нес,
что ржали все до слез,
смеялся даже старый пес.

Праздник веселый на селе,
пляшет хмельной народ,
и угощенья на столе —
свадьба вовсю идет.

Воскликнул скоморох,
лишь только смех заглох:
– Хотите, я вам фокус покажу?
Невесту он схватил
и в бочку посадил,
всех отвернуться попросил.

Праздник веселый на селе,
пляшет хмельной народ,
и угощенья на столе —
свадьба вовсю идет.

Раздался женский крик,
и в тот же самый миг
на длинной сельской улице
погасли фонари.
Включили люди свет,
глядят – невесты нет,
и скомороха не нашли они.

Праздник веселый на селе,
пляшет хмельной народ,
и угощенья на столе —
свадьба вовсю идет.¹¹

Едва песня закончилась, подвыпившие посетители захлопали в ладоши, а некоторые даже стали восхищаться проворным скоморохом, мол, молодец, парень, увел бабу. В шапку полетела звонкая монета, артисты промочили горло вином и заиграли свое самое популярное тво-

¹¹ «Проказник скоморох».

рение: про колдуна, подчинившего себе разум молодой девушки, которая стала куклой в его темной игре. Им хором стала подпевать вся таверна. Шут горланил до хрипоты, даже спокойный Даниэль несколько раз срывался в пого.

Покинули питейное заведение приятели только около полуночи.

Глава пятая

Мастер не обманул и сдержал свое слово. Еще не успело солнце выползти на небосвод, а петухи не продрали глаза, как трубы в коморке шута загудели, затряслись и выплюнули струю воды. Поначалу та текла мутная, но потом мало помалу посветлела. Прохор, привыкший вставать ни свет, ни заря, умылся по пояс, наплескав на полу большую лужу, сменил ночные портки на привычный шутовской наряд и решил прогуляться по замку.

Он старался держать все под своим личным контролем, и привык быть в курсе всего, что происходило в этих стенах. Всем известно, что заговоры плетутся по ночам, именно тогда, когда сон всего крепче, и Прохор хотел бы знать, если таковой имеет место. Тем более что сам король попросил его об услуги. Тот, кто не спит в столь ранний час, явно не чист помыслами.

Тихо ступая, шут шел от одних покоев к другим, останавливался возле закрытых дверей, прислонялся ухом к холодным позолоченным створам и, затаив дыхание, вслушивался. Но кроме громкого храпа там, где дрыхли государственные мужи, и еле слышного сопения, где почивали фрейлины королевы, ничего подозрительного Прохор не услышал. Правда, Казначей сквозь сон требовал «Еще! Еще! Мне мало!». Прохор узрел его слюнявую физиономию в замочную скважину. У дверей королевы балагур постоял подольше. Ничего.

В замке все спали, ну, почти, если не считать самого шута, главного повара с двумя поварятами, что уже гремели на кухне посудой, и еще одного персонажа. Возле его двери шут задержался, еле сдерживая смех, готовый вырваться наружу.

Сначала Прохор решил, что ему показалось, но когда он приоткрыл дверь буквально на палец, то не смог просто взять и уйти. Посреди своих покоев в ночной рубахе стоял Главный Министр и размахивал руками. Его голову венчала корона, сделанная из бумаги. Схватив со стены саблю, генерал совсем погрузился в образ и, стараясь не кричать, принялся общаться со своими воображаемыми подданными.

– Мой народ! Любите ли вы меня так, как я вас? Я счастлив, что вы поверили мне и избрали своим правителем! Вы не пожалеете, клянусь своими усами! – министр убрал саблю на место и упер руки в бока и широко расставил ноги, – Я буду грозным, но справедливым. Хотя... Да, первое время надо быть именно таким, чтобы чернь стала доверять мне, а потом можно будет и налоги поднять. Представляю выражение лица Генриха!

Шут нахмурился и почесал подбородок.

«Ты чего, старый осел, удумал, уж не государственный ли переворот?».

Но опасения Прохора не оправдались, и он облегченно вздохнул. Генерал забрался на кровать, укрылся одеялом и продолжил размышлять, медленно погружаясь в сон.

– А потом, чего доброго, – офицер зевнул, – народ поднимется супротив меня, свергнет и повесит, аки супостата, на каком-нибудь дубе, буду там болтаться, пока веревка не перетрется. Или застрелит кто, пока буду в карете по улице ехать. Нет, пожалуй, ни к чему мне трон. Министром спокойнее: получил приказ – выполнил. Жалование большое, полный пансион и все такое. Хотя...¹²

Через мгновение несостоявшийся правитель уже храпел.

– Представляет он... – и шут продолжил свой обход. – Фантазер!

Пройдя по длинному коридору, Прохор разбудил караульных, что задремали на посту у входа, и по бесконечным ступеням спустился обратно на кухню, чтобы проконтролировать процесс приготовления пищи, да и подкрепиться заодно. До завтрака еще долго, а живот уже урчит и настойчиво просит есть.

¹² Автор отсылает читателя к песне группы Король и Шут «Представляю я».

Кухня блестела, как доспехи гвардейцев на параде в честь празднования семидесятилетия государя. Свет десятков масляных ламп играл бликами на кухонной утвари. Развешенные на стенах различной длины ножи, ложки, половники, сковородки и ковши мирно покоились на своих местах. Колонны кастрюль, тарелок и кубков уходили под самый потолок. В печах потрескивали поленья, а языки пламени вырывались наружу из-за приоткрытых заслонок. В больших котлах бурлила вода, которая пойдет на утренний туалет королевских особ, а в посудинах поменьше уже варилась ароматная похлебка. Рядом на живом огне поваренок вращал на вертеле тушку молочного поросенка. Сам хозяин кухни, полный мужичок, в белом фартуке и накрахмаленном колпаке, ловко нарезал овощи, напевая на все помещение свою любимую песню, что заучил, гуляя по вечерам в таверне и слушая артистов.

Никто не ждал, что будет праздник в этот день,
но все равно явились все, кому не лень.
Уж так в деревне повелось: резвись, коль выпить удалось!
И даже гоблин-борода с холмов пришел сюда.
Пели песни до утра, пого танцевали.
Каждый наливал вина, пить не уставали!

Был странный вкус, но людям было наплевать,
не дуй в ус, напились и давай гулять.
Какая разница, что пьешь – себе и ближнему налей.
Чем больше в рот себе вольешь, тем будет веселей! Хэй!
Пели песни до утра, пого танцевали.
Каждый наливал вина, пить не уставали!
И только гоблин, как бревно, упал и распростерся ниц,
узнав, что хоббиты вино варили из яиц!

Пели песни до утра, пого танцевали.
Каждый наливал вина, пить не уставали!
Ведь простой народ, что попало пьет,
если это хоть немного по мозгам дает!
Пели песни до утра, пого танцевали,
Каждый наливал вина, пить не уставали!
Все придут на пир, лишь бы повод был.
Сладок уксус на халяву, кто-то говорил!

В деревню хоббиты пришли и принесли вино,
и местный староста тогда на праздник дал добро.
В их появлении был бесхитростный расчет:
– Мы людям принесем вино,
они же нам дадут за это мед!
Чего скрывать – и я там был,
вино со всеми вместе пил.
Своим я видом фей пугал, под дубом бешено рыгал!¹³

Шут слушал пение повара, прислонившись к большому шкафу, набитому до отказа серебряной посудой.

¹³ «Вино хоббитов».

– Сколько тебя знаю, – откашлялся в кулак Прохор, – ты всегда веселый, Гарри. Такое впечатление, что тебе невозможно испортить настроение.

Тот закончил песню и обернулся, чтобы посмотреть на столь раннего гостя.

– Приветствую, – повар кивнул. – Отчего же, однажды некий олух попытался мне его испоганить, но плохо кончил, – и Гарри со всего маху воткнул огромный тесак в разделочную доску. – Ты же меня знаешь, я бью всего два раза, причем второй – по крышке гроба.

Оба зычно засмеялись, чем напугали поварят: один даже с грохотом уронил кастрюлю, которая покатилась по полу. Хозяин кухни недовольно посмотрел на ученика.

– Руки-крюки! Пойдешь на солеварню работать, бездарь! Почему картофель до сих пор не почищен, а?!

– Сей момент! – побледнел мальчонка и заметался по помещению.

Прохор усмехнулся.

«Вот это подход, поэтому на кухне всегда порядок! Вот такого бы министра, цены б ему не было, не то, что наш, мямля, – а вслух сказал».

– Угости-ка меня чем-нибудь, – и потер живот. – Урчит, спасу нет.

– Утка вчерашняя осталась, подойдет? – шут кивнул. – Еще кисель есть.

– Давай, – и весельчак сел за столик, предназначенный для приема пищи работниками. – И сам присядь.

Гарри накрыл в считанные секунды, прикрикнул на подмастерьев и присоединился к высокопоставленному гостю, усаживаясь на бочонок с вином, вместо стула. Прохор отщипнул мяса, макнул его в соус и отправил в рот, прикусив сочным помидором, что брызнул соком по сторонам, запачкав идеально белый фартук повара.

– Ох, ё... – прикрыл рот шут, а Гарри нахмурился. – Извини.

– Ну вот что ты за человек? Не успел прийти, уже неприятности начались. Новый фартук совсем, только сегодня одел.

– Отдашь королевской прачке, она отстирает, – попытался сгладить вину Прохор.

Толстяк махнул рукой.

– Ей отдашь, и можно забыть. Постирает с тряпьем каким-нибудь и все, только полы мыть потом. Я жене накажу.

Прохор отхлебнул киселя прямо из кувшина, проигнорировав предложенную кружку, и посмотрел на часы.

– Ого! Скоро Генрих проснется. Сейчас пришлю водоносов, – шут поднялся со стула. – Рад был снова увидеться. Мой поклон супруге и детям. Сколько их, кстати, у тебя уже?

Хозяин кухни вздохнул.

– Третьего дня пятого родила. Опять девка. Кто их всех замуж возьмет, ума не приложу!

Прохор сочувственно покивал и засунул в карман яблоко, которое взял из большой корзины, стоявшей у входа.

– Проси у государя прибавку, копи приданое. Ну ладно, заболтал ты меня!

Шут выскочил за двери и вприпрыжку стал преодолевать лестничные марши древнего замка. Звук его шагов эхом разлетался по коридорам. Навстречу королевскому весельчаку попались тушилы, в обязанности которых входило гасить факелы и лампы и открывать оконные ставни утром, когда вставало солнце, и наоборот, едва дневное светило скатывалось за горизонт, рассеивать мрак замка, зажигая светильники и затворяя окна.

Присутствовать при ежедневном омовении королевских телес шут не стал, по крайней мере, смотреть на заплывшего жиром сюзерена Прохор не испытывал никакого желания, вот королева – другое дело, там и низ ничего, и верх о-го-го, но неловко как-то стоять и пялиться,

хоть и можно прикинуться дураком... А вот от завтрака шуту отвертеться опять не удалось. Самодержец потребовал от него компании и дружеской беседы, так как его благоверной претили всякие беседы, кроме обсуждения новых украшений или платьев.

Факелы и лампы нещадно коптели потолок и стены Трапезной залы. Даже ароматы яств не в силах были перебить запах сгоравшего масла.

– Когда уже мастер запустит это свое скр... элетр... Тьфу, мать его! Электричество! Все тянет и тянет... Вонь уже по всему замку от копоти, сколько не проветривай.

– Так без денег ничего не получится, – вымолвил шут.

– Сколько ж ему еще нужно?! – вспылил король. – Я казначею давал указ выдать мастеру тысячу монет. Еще надо?! Дождется этот изобретатель, честное слово!

Августейший был не в духе и безо всякой охоты тыкал вилкой в зажаренный бок молочного поросенка, который всего несколько часов назад бегал за стенами города по загону и верезжал. Его супруга, сидевшая на противоположном конце стола, наоборот, испытывала острое чувство голода, поэтому усердно налегала на все подряд, особенно на квашеную капусту и соленые огурцы. Прохор переводил взгляд с одной королевской особы на другую, с хлюпаньем попивая настойку калины и облепихи из серебряного кубка.

– Ты какой-то грустный, – спросил шут.

– А чего веселиться? – отмахнулся Генрих. – Супруга перестала обращать на меня всякое внимание, вон, только брюхо набивает... Кстати, ты не забыл о моей просьбе?

Прохор перешел на шепот.

– Ни в коем рази. Пока ничего утверждать не могу, я же только начал слежку, но кое-что могу сказать наверняка, – Генрих весь обратился в слух, поправляя слюнявчик. – У тебя будет наследник!

Король выронил вилку, закашлялся и едва не упал со стула, который придержал ловкий балагур. Августейший хлебнул вина и уставился на слугу, выпучив глаза.

– Окстись, языкастый!

– Да ты сам посмотри! – шут скосил взгляд в сторону государыни. – На солёное потянуло, нервная вся – однозначно понесла, к гадалке не ходи!

Генрих погрузился и схватился за голову.

– Беда...

– Ты чего не рад? Сам же хотел наследника, а теперь кривишься, будто укуса выпил!

– То-то и оно! – вздохнул сюзерен, со всего маху вонзая нож в поросычий бок. – Подложил мне кто-то свинью. Голубь, мать его так! Теперь все придворные шептаться начнут, мол, интересно, кто это рога королю наставил...

Шут снял свой колпак и почесал затылок, запустив ладонь в рыжие кудри.

– Все тебя учить надо, – Он посмотрел на государыню. – На собрании во всеуслышание скажи Изольде, что сегодняшняя ночь была великолепна. Пусть потом у кого-нибудь язык повернется сказать что-то непристойное в твой адрес, махом познакомим с палачом.

Генрих с надеждой посмотрел на своего слугу.

– Думаешь, выгорит? Я-то ведь буду знать правду.

Шут сплюнул на пол.

– Тебе что важнее, что ты знаешь, или что про тебя придворные говорить будут? То-то и оно! Сделай, как я сказал. Потом известие о беременности госпожи все воспримут спокойно. И хватит издеваться над поросенком! – Прохор отодвинул блюдо с несчастным свиненком, который был уже истыкан, как дуршлаг. Весельчак посмотрел на часы. – Через пятнадцать минут нам надобно быть в Тронной Зале. Министр прибудет и прочие королевские дармеды. Пойдем, Генрих.

Августейший согласно кивнул, бросил на стол слюнявчик и встал, поправив горностаевую мантию.

– Дорогая, обратился он к супруге. – Жду тебя на совещании.

– А без меня никак? – спросила Изольда, вытирая свои алые губки. – Мне что-то нездоровится.

Король хотел уже согласиться и разрешить жене не приходить, столь жалобна она посмотрела на благоверного, но Прохор зашипел на него и к тому же больно наступил на ногу.

– Никаких отговорок, это не займет много времени. Заодно пообщаешься со своими фрейлинами. Жду через... – правитель Серединных Земель посмотрел на шута.

– Через десять минут, – пришел тот на помощь своему господину.

И Генрих в сопровождении Прохора покинул обеденный зал.

От витражей по стенам прыгали разноцветные блики, звук шагов разлетался по лестнице, отражаясь от сводчатого потолка. Тяжело дыша, король переступал со ступеньки на ступеньки, опираясь на руку своего верного шута. Суставы ломило. Еще треклятая мантия обвивалась вокруг ног, и от тяжелой короны болела шея. В общем, чувствовал себя сюзерен не очень хорошо, не помогало даже лечение грязями, хотя лекарь утверждал обратное, обмазывая величественные телеса зловонной болотистой жижей. От запаха тины, который уже вьелся в кожу, не спасали даже всевозможные духи, что августейший выливал на себя целыми флаконами. Королевский парфюмер не спал ночам, изыскивая новые ароматы, лекарь готовил все новые мази, а Генрих по-прежнему хирел.

– Я подозреваю, что меня кто-то сознательно травит, – вдруг произнес сюзерен. – Ты так не думаешь?

– Нет, я-то себя нормально чувствую. Всю твою еду пробуют десятки людей, в том числе и твой покорный слуга. Если бы дела обстояли так, как ты говоришь, то в королевстве либо жили одни доходяги, либо все уже умерли бы давно.

– Не поспоришь, – вздохнул Генрих и толкнул массивные позолоченные створы дверей, ведущих в Тронную залу.

Часы на улице пробили девять часов утра.

Едва король вступил в помещение, придворная знать, что уже собралась и толпилась возле окон, замолчала и склонилась в приветственном поклоне. Августейший прошаркал по мрамору, уселся на трон и взял в руки скипетр и державу. Он обратил свое внимание на то, что его драгоценная супруга появилась тут раньше него и довольно хихикала и улыбалась, несмотря на утреннее недомогание. Генрих решил последовать совету своего шута.

– Ваше Высочество, – сказал он, и Изольде пришлось прервать свою беседу. – Сегодня ночью вы были великолепны! Вы, однако, шалунья!

Королева залилась краской и поспешила укрыться за веером. Десятки глаз воззрились на нее, чем сильно смутили и заставили отвернуться. Шут одобрительно кивнул господину и показал большой палец. Тот широко улыбнулся.

– Один ноль в твою пользу, – шепнул Прохор, развалившийся на приступке возле ног хозяина.

– Однако приступим к государственным делам. Что нового в королевстве? – спросил Генрих, и перед ним вырос Главный Министр, как всегда в идеально чистом мундире и при оружии. Он залихватски закрутил усы и отпартовал.

– Все спокойно, Ваше Величество! Граница на замке и все такое!

– Это радует, – сюзерен откинулся на спинку трона. – А как у нас обстоят дела с финансами?

Придворные зашушукались и вытолкнули на середину залы казначея в малиновом сюртуке, и треуголкой на голове. Тот отбил поклон, блеснув золотыми пряжками на туфлях. Этот остроносый франт с куцыми усами поправил монокль и, вздохнув, произнес.

– Мой король, совсем-совсем плохо, да. Налоги надо поднимать, казна скудеет, – и вновь поклонился.

Тут шут шепотом обратился к Генриху.

– Позволь мне задать пару вопросов этому напыщенному индюку? – Августейший одобрительно кивнул, и Прохор продолжил уже в голос. – Скажи, неуважаемый, не ворует ли ты?!

Казначей пошел пятнами и стал озираться по сторонам, ища поддержки, но придворные, как обычно в таких ситуациях, изучали лепнину на потолке.

– Как можно, я никогда! Что вы себя позволяете, господин дурак?!

– Да? В таком случае скажите мне, мусье Жакоб, вы знаете, что это такое? – и шут указал на люстру, собранную Даниэлем-мастером. Казначей поднял глаза и сглотнул.

– Потолок?

– Ты из себя дурака не строй, это мой удел, – сказал шут, поднимаясь с пола. – Я про чудо-лампы речь веду. Они без электричества не работают. Изобретатель наш жалуется, что ты ему денег на это не даешь, хотя указ подписан самим королем, или ты плевать хотел?

Казначей позеленел, уронил пенсне, которое повисло на серебряной цепочке, и задрожал.

– Я... я...

– Мешок угля! – шут подошел к нему вплотную и схватился за серьгу, торчавшую в ухе франта. – Слушай меня внимательно, бестия. Сейчас же отписываешь мастеру сундук денег, иначе я наговорю королю про тебя такого, что колесование тебе детской шалостью покажется. Понятно?

Казначей согласно закивал, роняя на мраморный пол со лба капли пота, размером с горошину.

– Я все понял, ваше шутейшество. Все исполню, немедленно.

– Пшел вон! – рыкнул на него Прохор и занял свое место подле государя. – Сделай меня зрителем казны, Генрих. Я отучу этих хапуг совать в нее свои лапы.

Сюзерен поерзал на троне.

– Да что они много украдут что ли? Так, по мелочи... Министр!

Генерал перестал похрапывать и вытянулся в струну. Видимо, не выспался после своих ночных мечтаний. Он вытер платком слюну с губ, расправил усы и звякнул медалями.

– Я здесь, Ваше Величество!

– Вижу. Все готово к чествованию нашего героя? – Генрих посмотрел на Прохора и обратился к знати. – Учитесь, как государству служить надо! Казалось бы, шут, а толковый малый. Получил приказ, пошел и выполнил. Пленил смутьяна. Молодец. Сегодня в полдень чтобы все собрались на площади. Наши музыканты поведают вам о его славном подвиге. Еще новости есть? Нет? Тогда все свободны.

Придворные поклонились и, пятясь, как раки, покинули Тронную залу. Вышли все, за исключением Генерала. Он остался стоять и, дождавшись, когда закроются двери, подошел к трону. Генрих отложил в сторону скипетр с державой.

– Чего тебе?

Министр переминался с ноги на ногу, скрипя начищенными сапогами.

– Не знаю, как и сказать...

– Да не томи уже! – подал голос шут.

Офицер осмотрелся и шепотом сказал.

– В замке появился призрак! – от этих слов встрепенулись даже дремавшие в углу собаки. – Вы не подумайте, я не сошел с ума. Его видели и некоторые фрейлины, и кое-кто из караульных и другие обитатели дворца. Ночью бродит по коридорам и что-то бормочет. Я уж не стал при всех об этом говорить, а то засмеют.

– Это точно, – хмыкнул рыжий балагур, звякнув бубенцами.

Король пристально посмотрел в глаза генералу.

– Ты часом не во хмелю, Тихуан Евсеич? Ну-ка дыхни!

– Честью клянусь не пил! – козырнул тот. – Я бы сам проверил, но, стыдно признаться, боязно.

Шут ухмыльнулся.

– У тебя же сабля и вся грудь в медалях! Ладно, я сам разберусь, что к чему. Скажу Советнику, чтобы официальную бумагу приготовил с подписями и печатью. Призрак... Хм.

Даже Сюзерен скрыл смешок в кулаке, а едва генерал ушел, рассмеялся в голос.

Прохор подошел к окну и посмотрел на окрестности города: в поле работали косари, на реке, что огибала столицу королевства крутила свои колесам водяная мельница, а ее старшая сестра вращала свои руки-крылья посреди пшеничного поля. Мельница была давно заброшена, и теперь служила местом для развлечения детворы днем, и тех, кто постарше, ночью. Прохор и сам навещался туда пару раз с женой молочника. Шут усмехнулся и прервал свои неожиданно нахлынувшие воспоминания.

В этот самый момент часы на Главной башне пробили десять часов.

Площадь наводнилась людьми в считанные минуты, едва только глашатай вышел на помост и прокричал:

– Внимание, жители Броумена! Королевский указ. Слушайте и не говорите, что не слышали! Сегодня ровно в полдень всем жителям столицы Королевства Серединных Земель собраться на дворцовой площади. Повторяю: сегодня ровно в полдень всем жителям столицы Королевства Серединных Земель собраться на дворцовой площади. Время пошло! – не успел еще глашатай свернуть пергамент, а со всех сторон уже стали стекаться мужики, бабы и дети. Площадь пришла в движение.

С первым ударом часов, возвестившим о том, что две четверти дня прошли, на помост снова вышел бирич, развернул очередной свиток и загорланил, стараясь перекрыть шумящую толпу.

– Жители Броумена, король и королева! – Он махнул рукой в сторону балкона Главной башни, на который вышли величественные особы, посылающие налево и направо воздушные поцелуи.

Народ возликовал: в воздух полетели шапки. Намечался праздник или казнь, в любом случае что-то одно разбавит серые будни. В небе каркнула одинокая ворона, которая уселась на жердь виселицы, прямо над глашатаем и, естественно, нагадила тому на плечо мундира. Площадь закатилась со смеху, а бирич погрозил кулаком вредной птице. Последняя не осталась в долгу и громко каркнула, взмахнув крыльями, чем изрядно напугала Главного крикуна города.

– Продолжай, – повелел король, садясь в кресло.

– Итак: несколько дней назад стало известно о том, что пропали некоторые королевские служащие, а именно: сборщики ягод и грибов, а так же пасечник. Хотя некоторые считают, что исчезнувших гораздо больше...

Король облокотился на позолоченный подлокотник своего кресла и обратился к шуту, что мялся на стуле между ним и королевой.

– Что значит – больше? Кто ему такую чушь сказал?!

– Я, – ответил Прохор.

– Зачем? – удивился Генрих.

– Ну приукрасил чуток, и потом, кто может уверенным, что это не правда? Скольких бедолаг лесник мог волкам схарчить? Только богу и ему известно, но он молчит, как рыба. Не пытать же его... А так я вроде массового убийцу словил.

Тем временем глашатай продолжал. Толпа внимательно слушала, перешептываясь и покачивая головами.

– Специальным указом на поиски пропавших был отправлен королевский шут, благодаря которому удалось выяснить личность негодяя, а так же истинный мотив преступлений. Подробности вам поведают наши артисты. Встречайте: Броуменские музыканты!

На сцену поднялись любимцы всех посетителей таверны, в своих разбойничьих лохмотьях. Простой люд встретил балаган дружным улюлюканьем. Те в ответ поклонились и, выкрикнув излюбленное «Хой! Хой! Хой!», ударили по струнам, а Михась с Дроном закружили по помосту, голося во все горло.

Замученный дорогой, я выбился из сил,
и в доме лесника я ночлега попросил.
С улыбкой добродушной старик меня впустил,
и жестом дружелюбным на ужин пригласил.
Будь как дома путник, я ни в чем не откажу,
я ни в чем не откажу, я ни в чем не откажу!
Множество историй, коль желаешь, расскажу,
коль желаешь, расскажу, коль желаешь, расскажу!

На улице темнело, сидел я за столом.
Лесник сидел напротив, болтал о том, о сем:
что нет среди животных у старика врагов,
что нравится ему подкармливать волков.
Будь как дома путник, я ни в чем не откажу,
Я ни в чем не откажу, я ни в чем не откажу!
Множество историй, коль желаешь, расскажу,
коль желаешь, расскажу, коль желаешь, расскажу!

И волки среди ночи завывали под окном.
Старик заулыбался и вдруг покинул дом,
но вскоре возвратился с ружьем на перевес:
– Друзья хотят покушать, пойдём, приятель, в лес!
Будь как дома путник, я ни в чем не откажу,
Я ни в чем не откажу, я ни в чем не откажу!
Множество историй, коль желаешь, расскажу!¹⁴

– Э-хэй! – закончил песню Михась и, поклонившись, дал музыкантам знак убираться и сам спрыгнул со сцены и смешался с толпой, которая взорвалась аплодисментами, а бирич продолжил свою речь, косясь в пергамент.

– И вот когда над королевским шутлом нависла угроза смерти, он не испугался и бросился на своего врага. Лесник бросился наутек и скрылся в лесу, тогда королевский летописец, что отправился на поиски пропавших вместе с шутлом, бросился вслед за стариком, но был ранен. Дворцовый дуралей продолжил погоню, неся писаря на руках, пока не обнаружили преступника, который по уши завяз в болоте. Только под страхом смерти лесник сознался в своих деяниях, – поведал глашатай. – Наш доблестный шут спас преступника, связал и доставил в тюрьму. Теперь жители окрестных сел могут без боязни ходить в лес по грибы и ягоды.

¹⁴ «Лесник».

За героизм король награждает своего верноподданного весельчака двухдневным отпуском, грамотой и десятью золотыми!

Площадь взорвалась криками «Ура!», где-то на стене замка отсалютовала пушка. На этот раз канониру повезло, и он остался жив. Сам Прохор перегнулся через парапет балкона и стал размахивать руками, приветствуя жителей города. Королева наблюдала за этим, то и дело закатывая глаза.

– Шут и есть, – презрительно произнесла она. – Тоже мне, подвиг! Поглядите-ка, выходной ему дали... И так целыми днями дурака валяешь!

– В основном дурочек, – Прохор поднял брови, и зыркнул на госпожу. Та покраснела и сильнее замахала веером.

– Фи! Это дурной тон говорить о таких вещах!

Шут продолжал махать ревущей от восторга толпе.

– Не все же от кошмаров по ночам стонать...

Изольда не выдержала и обратилась к мужу.

– Генрих, долго мне еще терпеть этого выскочку? Он меня ни в грош не ставит, хамит, а ты и бровью не ведешь! Его следует наказать!

– За что?! – удивился король, кряхтя поднимаясь с кресла. – Дурак, не ведает, что творит. Что с него взять?

Шут запрыгнул на балюстраду, повернулся и стал раскачиваться из стороны в сторону.

– С безумца спроса нет, Ваше Высочество!

Королева побледнела, глядя на глупую выходку Прохора.

– Слезай немедленно! Видишь, мне плохо?! У меня мигрень разыгралась, мне надо полежать. Ах...

Она всплеснула руками и медленно начала падать. Тучный сюзерен не успел среагировать, и если бы не расторопность шута, то венценосная супруга разбила бы голову о подлокотник кресла, но рыжий балагур вовремя подхватил высочайшую особу, и все обошлось, а не как в прошлый раз. Первая жена короля во время обеда поскользнулась на арбузной корке и насмерть расшиблась о край стола. Тогда Генрих целые сутки горевал, обнимая безжизненное тело супруги, но боль утраты прошла на следующий день. После несчастные случаи происходили постоянно с королевскими избранницами: то орехом подавятся, то грибами отравятся. С тех пор уже минуло много лет. Нынешняя жена, Изольда, дочь внучатого племянника правителя Испании, восьмая по счету.¹⁵

– Точно я тебе говорю, был-таки голубь! – шут шмыгнул носом и посмотрел на хозяина.

Народ постоял на площади еще полчаса и начал потихоньку расходиться. Никто так и не понял – будет сегодня выходной, как это обычно случалось в подобные дни, или нет. На всякий случай все решили вернуться к работе, но закончить пораньше, опять же на всякий случай, вдруг чего...

Тем временем на балконе появились слуги с позолоченным паланкином и аккуратно уложили на него лишившуюся чувств королеву. Позже, в покоях самой Изольды, ее осмотрел королевский лекарь, который вынес свой вердикт примерно через час.

– Ее Величество ожидает приплод.

Король совсем сник, но виду не подал. Он натянуто улыбнулся и проводил взглядом служителя микстур и настоев с его подмастерьями, отошел от огромного трюмо и опустился на стул, что стоял у ширмы, скрывавшей кровать, где почивала его супруга. Шут отошел от окна и вздохнул.

– Хорошо, что ты успел похвалиться сегодняшней ночью. Сейчас этот эскулап растревонит на всю округу, что государыня на сносях, слухи пойдут. И я, пожалуй, тоже.

¹⁵ Автор отсылает читателя к песне группы Король и Шут «Арбузная корка».

Прохор звякнул бубенцами, снимая с головы колпак и пересекая комнату госпожи.

– Оставляешь меня в такой час?! – удивился сюзерен, почесывая брюхо.

– Ты как будто сам рожать собрался! – усмехнулся рыжий весельчак. – В конце концов, сам дал мне два выходных – это раз, и два – мне еще надо с призраком разобраться, которого твои подданные видели. Дел невпроворот, ты уж попереживай чуток один, или... Знаешь чего? Переоденься в простолюдина, сходи в таверну и напейся до поросычьего визга. Могу составить тебе компанию, если пожелаешь.

Правитель снял корону и почесал проплешину.

– Чтобы я – потомок семи королей!

– Ну и сиди тут, пускай слюни. Ей-ей, хуже барышни кисейной себя ведешь. Давай, казним кого-нибудь, может тогда тебе полегчает, – Прохор уже дошел до дверей и взялся за золотую ручку.

– Пстой! – король вздохнул. – Ты прав, нельзя падать духом и показывать слабость. Решено: идем в таверну. Жду тебя во сколь там нужно?

Шут посмотрел на часы.

Я зайду в твои покои в семь, будь готов. Одежду я подберу у Гарри, вы с ним одного размера, – и шутник выскочил за дверь, оставив Генриха размышлять о насущной проблеме.

Повар не стал спрашивать зачем Прохору одежда, он без разговоров выдал портки, рубаху, сапоги и шляпу с пером. Шут пообещал вернуть все в целостности и сохранности, но Гарри почему-то не поверил.

Как и было договорено, балагур, сменивший шутовской наряд на костюм обычного горожанина, появился у короля ровно в семь вечера, едва часы на главной площади ударили в первый раз. Слуга помог облачиться хозяину в простую одежду. Естественно, последний кривился и причитал: де, не престало королям носить тряпье всякое, к тому же чужое, но Прохор его не слушал. В конце концов, король и шут подошли к огромному, в полный рост, зеркалу в золотой раме и поглядели на себя. Генрих нашел себя очень даже привлекательным и заломил на затылок шляпу. А чтобы величество не узнали, Прохор раздобыл ему повязку на глаз, такую же, что носил Рене. Собственно, артист свою и одолжил, сказав, что у него есть еще одна.

Стараясь не попасться на глаза придворной знати, король и шут покинули замок и серыми улочками пошли по направлению таверны.

Они вышагивали вдоль домов, ведя не принужденную беседу. Точнее сказать, сюзерен спрашивал, а слуга отвечал.

– Это что?

– Лавка бакалейщика.

– А тут?

– Здесь крысолов живет.

Лавируя мимо бегающей и орущей детворы, гоняющей собак, Правитель Земель глазел по сторонам. Заглядывал в витрины и, как любой нормальный мужик, провожал взглядом молодых женщин, которые развешивали на улице белье или несли с базара корзины с провиантом. Сюзерен сейчас больше походил на корсара, сошедшего со своего корабля на берег и проведенного в плавании долгие годы, поэтому и сам привлекал сторонние взгляды: толстый, одноглазый, только попугая не хватает, да костыля.

Полчаса спустя два горожанина вошли в трактир.

Тут же в нос человеку, скрывавшему личину короля, ударила резкая смесь всевозможных запахов: табака, вина, жареного мяса, пота и бог знает чего еще.

Проследовав к дальнему столику, Прохор схватил за шкурку какого-то пьянчугу, что уже успел заснуть, и просто скинул со стула. Конечно, получилось слишком грубо, но репутация у шута была та еще. Он мог бы позвать трактирщика, попросить его избавиться от этого подвыпившего бедолаги, но тогда все, кому не лень, станут занимать этот столик, а за него, между прочим, заплачено!

– А что если этот почтенный горожанин начнет выказывать свое недовольство? – шепотом спросил Генрих.

– Тогда придется пересчитать ему зубы, и готов держать пари, их не так уж и много, – ответил шут. – Хозяин, принеси нам!

Мгновение спустя на столике появился стандартный набор: две кружки пива и тарелка сухарей. Прохор взглядом дал понять королю, что пора бы уже и выпить. Они взяли кружки и чокнулись, как старинные друзья. Сюзерен огляделся: худшей компании он и представить не мог. Истинное логово разбойников, не иначе. Тут убьют и не заметят. Он уже десять раз успел пожалеть о том, что пришел сюда. От мрачных мыслей его отвлекла пышногрудая разносчица, что забрала опустевшие кружки, поставила на стол чистые, поменьше, и кувшин вина. Величество засмотрелся два огромных полушария, что едва не выпрыгивали из ее платья, а женщина, привыкшая к таким взглядам, только улыбнулась и, вильнув задом, направилась к соседнему столику.

– Ну что, Генрих, накатим по маленькой? – шут уже разлил вино и ждал, пока хозяин придет в себя.

– Вот это хозяйство! – хмыкнул тот, показывая руками размер груди разносчицы. – Королеве такие и не снились! Да и мне тоже, но теперь, думаю, будут!

Августейший схватил кружку и залпом осушил ее. Прохор даже моргнуть не успел, как его хозяин снова налил и выпил. Похоже, вечер переставал быть томным. Дворцовый балагур опрокинул вино в глотку и потер ладони. Посетители таверны разразились одобрительными криками: появились музыканты. С помоста, который являлся так же и сценой для выступления, тут же сдвинули столы. Артисты заняли свои места и принялись настраивать инструменты. Михась бросил на пол шапку и прокричал.

– Вечер добрый, забулдыги! Надеюсь, вы еще можете стоять на ногах, а ваши хмельные головы соображают, что нужно подкинуть нам пару монет! И так, мы начинаем, – Он отошел назад, и его сменил Дрон.

– Эту песню мы придумали, благодаря нашему другу, – и он махнул в сторону столика, за которым сидели шут и незнакомец странного вида. – Он рассказал нам, как разговорил одного прохвоста, чтобы выведать у него тайну, и это послужило великолепной идеей. И так, приготовьте монеты!

Артисты прокричали традиционное «Хой! Хой! Хой!» и ударили по струнам. Дрон и Михась заметались по помосту, горланя на всю таверну.

Возвращаясь домой, парень шёл по тропе.
Над долиной болот зависала луна.
И услышал он вдруг чей-то крик вдалеке,
и пошёл посмотреть, с кем случилась беда.
И по мягкой земле он аккуратно ступал,
его коварная топь в себя пыталась втянуть.
Недалеко от себя он старика увидал,
который крикнул ему:
– Сынок, не дай утонуть!
Помоги мне, парень, выбраться!
Помоги мне, парень, выбраться!-

бедняга рыдал, умолял.
– Помоги мне, парень, выбраться!
Помоги мне, парень, выбраться!-
но парень с улыбкой стоял.
И на корточках сев, с усмешкой парень сказал:
– Не буду я тебе, дед, в твоей беде помогать.
Как человек умирает, я вовек не видал,
и наживую хочу я это сейчас увидеть!
– Помоги мне, парень, выбраться!
Помоги мне, парень, выбраться!-
бедняга рыдал, умолял.
– Помоги мне, парень, выбраться!
Помоги мне, парень, выбраться!-
Но парень с улыбкой стоял...
Помоги мне, парень, выбраться!
Э-хей!¹⁶

Песня закончилась, и в шапку полетели медяки. Раздухорившийся сюзерен бросил аж целый золотой, что не ушло от внимания музыкантов. Рене, несмотря на повязку на глазу, узрел это и отвесил еле заметный поклон. Он не узнал богатея, просто сделал это от чистого сердца. Не каждый день им кидают золотые монеты.

Видимо, величественной особе, переодевшейся в пирата, ударило в голову вино, ибо она завопил на всю таверну.

– Давай еще! Всем вина, я угощаю!

На миг наступила тишина, которая тут же взорвалась одобрительными воплями. Прохор схватился за голову: если так и дальше пойдет, то беды не избежать. Наклюкался король, и это с одного кувшина на двоих. Хотя, не мудрено. То, что подают во дворце – бабушкин компот, по сравнению с трактирным пойлом. Разносчица проплыла между столов, расставляя дармовую выпивку, а затем подошла к щедрому господину.

– С вас пять золотых монет, – король не удержался и ущипнул-таки деваху за филейную часть. Та взвизгнула и погрозила величеству кулаком. – Еще раз так сделаешь, пожалеешь, что родился. Понял?!

– Ой, какие мы нежные! – растянул лыбу одноглазый толстяк и выудил из-за пазухи кошель, под завязку набитый золотом. Он отсчитал пять монет, которые вложил в протянутую ладонь, и еще одну опустил между двух грудей разносчицы.

Прохор понимал, что даже вся выпивка в харчевне не стоит таких денег, но спорить не стал. Во-первых, у короля не убудет, а во-вторых, еще подумают, что они отказываются платить, а это гораздо хуже. Пострадает авторитет шута. Он извинился за своего спутника, слегка поклонившись.

– Генрих, – рыжий весельчак ткнул хозяина в бок локтем. – Ты зачем столько монет с собой взял?! Если кто-то увидит, то нам точно светят неприятности. Тут не только примерные мужья и торговцы обитают. Случается и воры с тракта заглядывают.

– Я король, что мне будет. Сейчас гвардейцев кликну... – отмахнулся сильно подвыпивший Государь.

Прохор надавил величеству на плечи, усадив того на лавку.

– Даже не думай рот открыть! Не хочу тебя огорчать, но не все тебя любят. И еще, держи руки подальше от Мадлен.

¹⁶ «Помоги мне».

– Какая фрау! Так ее зовут Мадлен... – Генрих мечтательно закатил глаза. – У них здесь есть комнаты?

Таверна гудела. Все присутствующие наполнили кружки, в том числе и музыканты, и выпили «за здоровье одноглазого господина!». Прохор достал трубку и закурил, сев на стул. Артисты дали посетителям время выпить и подзакусить, играя веселую мелодию. Шут воспользовался паузой и обратился к королю, который задумался, положив подбородок на ладонь. Другой рукой величество крутил опустевшую кружку.

– Генрих, я расскажу тебе одну историю. Здесь она произошла или нет – не так уж и важно. Главное – сама суть. Так вот, однажды в таверну заглянул путник, богачей. Уж хозяин его охаживал, как только мог: и вино свежее, не кислятина, и мясо прожаренное и все такое. Жена хозяина таверны только и успевала тарелки менять, да крошки со стола смахивать. Потом проводила дорогого гостя в комнату, постелила белье свежее. А тот хмельной был, ну и решил, что ему все можно. Снасильничал бабу, и решил откупиться парой золотых, а та взяла и все мужу рассказала. Трактирщик пришел в ярость, ворвался в комнату, выволок гостя на улицу в одних портках и пустил пулю в лоб. На чужой вершок не разевай роток, как говорится.¹⁷

– Какая мерзкая история, – вздохнул Генрих, и хлебнул из кувшина. – Ты к чему мне ее рассказал?

– Не пойму, кто из нас дурак, – почесал нос Прохор. – Мадлен – жена хозяина. У тебя, между прочим, своя есть. А уж если тянет на приключения, то... В замке полно фрейлин, в конце-то концов.

Тем временем музыканты вновь взялись за инструменты. Михась смочил горло и объявил.

– Песня. Между прочим, самая любимая нашего дорогого гостя, шута Его Величества, героя Серединных Земель, спасшего селян от сумасшедшего старика, победившего безумного лесника и прочее, и прочее, и прочее! – Прохор махнул на знаконца и даже чуток покраснел, а может, это выпивка играла в крови. Михась повторил жест шута и продолжил. – В этой истории рассказывается про нашего звездочета, который пытался завоевать сердце одной очень знатной дамы. Но, видимо, не вышел трубой. Короче, парень разбежался и прыгнул со скалы. Вчера Дрон слегка надорвался, когда ее горланил, поэтому сегодня моя очередь.

Музыканты вновь заиграли, а Михась запел.

С головы сорвал ветер мой колпак,
я хотел любви, но вышло всё не так.
Знаю я, ничего в жизни не вернуть,
и теперь у меня один лишь только путь.

Разбежавшись, прыгну со скалы.
Вот я был – и вот меня не стало,
и когда об этом вдруг узнаешь ты,
тогда поймёшь, кого ты потеряла.

Быть таким, как все, с детства не умел,
видимо, таков в жизни мой удел,
А она... да что она – вечно мне лгала
и меня никогда понять бы не смогла.

Разбежавшись, прыгну со скалы.

¹⁷ Автор отсылает читателя к песне группы Король и Шут «Хозяин таверны».

Вот я был – и вот меня не стало,
и когда об этом вдруг узнаешь ты,
тогда поймёшь, кого ты потеряла.

Гордо скинув плащ, вдаль направлю взор.
Может она ждёт? Вряд ли, это вздор.
И, издав дикий крик, камнем брошусь вниз —
это моей жизни заключительный каприз.

Разбежавшись, прыгну со скалы.
Вот я был, и вот меня не стало,
и тогда себя возненавидишь ты,
лишь осознав, кого ты потеряла...¹⁸

Спустя пол часа Генрих уже тихо сопел на столе. Прохор почесал затылок, прикидывая, как он один потащит это тело в замок. Мало того, ведь его надо поднять по лестницам.

– Научил на свою голову! – вздохнул шут и, поднырнув под руку короля, поднял его и поковылял к выходу.

Ночь окутала город. На небе высыпали звезды, двурогий месяц мирно покачивался во мраке. Дверь за спинами Прохора и Генриха захлопнулась, оградив от гомона пьяных ухарей и звуков музыки. Веселье продолжалось. Хмельная парочка двинулась по тускло освещенным улицам. Лампы на столбах горели даже не через одну, а через десяток. Хорошо, что ночные светила помогали. Шут прилагал все усилия, чтобы самому не упасть и не уронить бесценную ношу, которая бубнила прямо в ухо своему носильщику.

– Куда ты меня тащишь?! Там так весело, давай вернемся! Ха...

– Генрих, поверь мне, тебе уже хватит. Какой же ты тяжелый!

Они свернули в неосвещенный переулок. Прохор прислонил короля к каменной стене какой-то лавки и, оперевшись ладонями в колени, попытался отдышаться. Воздух, прогретый солнцем, уже успел остыть. Из рта шута вырывался пар. Тут чуткий слух весельчака уловил какие-то звуки, а острый глаз заметил скользнувшую тень. В висках застучали тревожные молоточки. Что-то подсказывало Прохору, что благополучно добраться до дома не получится, а ведь предчувствия его никогда не подводили. Вскоре опасения оправдались. Из-за угла появились три фигуры, в плащах, скрывающие лица под глубокими капюшонами. Явно мужчины, если судить по походке.

– Жизнь или деньги! – прохрипел один из них.

– И не говорите, что у вас их нет. Мы видели, как вы кутили в таверне, – поддакнул второй.

– У того толстяка целый кошель золота, я сам видел, – третий бандит достал нож, чей клинок блеснул в свете звезд.

Двое других последовали его примеру. Шут осмотрелся: улица позади свободна, можно удрать, но всегда есть свое маленькое «но», а данном случае – большое, пьяное и королевское. Да и потом, окажись Прохор в такой ситуации один, он все равно бы не дал стрекоча. От сюзерена мало толку: слишком тучный и пьяный, к тому же старый. С ним только зимой хорошо, можно на нем с горки съехать.

Молоточки в голове немного успокоились, глаза по привычке к темноте. Прохор постучал себя по щекам, выгоняя излишний хмель.

¹⁸ «Прыгну со скалы».

– Шли бы вы по добру, по здорову! – сказал он, сжимая кулаки. – Ей-богу, покалечу кого из вас, чего доброго. Оно вам надо?

Разбойники переглянулись и стали наступать. Прохор приготовился к драке. Трое на одного – это слишком, к тому же хмель затуманивает разум, но величество надо защищать.

– Не геройствуй парень, просто отдайте деньги и идите своей дорогой, – тот что поменьше вытащил из-под плаща пистоль.

«А вот это плохо! – подумал Прохор. – Поди, знай, заряжен или нет. Если да, то в кого пальнет».

Шут показал нападавшим открытые ладони.

– Спокойнее, други, спокойнее. Будь по-вашему.

Вооруженный грабитель опустил пистоль, двое других попрятали ножи. Шут, конечно же, и не собирался отдавать деньги. Такого бы не случилось при любом раскладе: хоть десять против одного, хоть пусть тут три короля стоят. Дело принципа! Чтобы какие-то пришлые забулдыги грабили в городе его хозяев? Ну уж дудки! В голове Прохора уже созрел план, кого и куда побольнее ударить: самому здоровому кулаком в лицо, туда, где зияет чернота капюшона, среднему ногой по колокольчикам, да так, чтобы звон по всей улице пошел, а третьему с разворота ребром ладони по горлу, и уже потом добить здоровяка. Но тут вмешалась судьба-злодейка в образе короля.

– Кому тут не живется спокойно, а?! Подходи по одному! – Генрих на мгновение пришел в себя и схватил бузотера, что оказался ближе всех, за грудки, за что и получил удар в ухо.

Августейший хрюкнул и всем прикладом упал на грабителя, придавив того к мостовой. Двое других, не сговариваясь, бросились на шута. Надо сказать, что дрались нападавшие знатно, не как обычная шпана. Они знали свое дело, но шут тоже был не робкого десятка. Пару раз ему хорошо досталось по спине, но и грабители уже плевались кровью. Один из них вновь выудил пистоль и направил на Прохора.

– Сейчас я тебе еще одну дырку в голове сделаю, сучий потрох!

– Стреляй, Фарух, чего ждешь?! – рыкнул здоровяк. Вооруженный полез за огнивом, косясь по сторонам. Где-то в темноте стонал придавленный королем бандит, сам же августейший мирно сопел и видел десятый сон. – Ну же!

– Отсырело! – буркнул тот.

Шут облегченно вздохнул и даже посмотрел на звезды.

– Нет, ребята, так дело не пойдет. Думаю, мы поступим следующим образом: сейчас вы снимаете ремни и вяжите себя по рукам и ногам, как на галерах. Потом подбираете своего друга и идете в тюрьму.

Разбойники опешили от такой наглости и переглянулись.

– Шути, шути, – хмыкнул тот, кого называли Фарухом, пытаясь поджечь порох.

– Не хотите по-хорошему, будет по-плохому.

Прохор засунул руку под куртку и достал, уже сжимая в ладони многозарядный пистоль, о котором вспомнил только что. Просить второй раз он не стал. Взвездя курок, шут сделал первый выстрел, выбив оружие из рук грабителя. Шут взвел пистоль, и барабан совершил оборот, вновь оказавшись в боевом положении. Вторая пуля повредила здоровяку колено. Тот взвыл, как подстреленный лось, и рухнул на мостовую, схватившись за ногу и матерясь, на чем свет стоит. Третья пуля свалила обезоруженного ранее разбойника.

Шум выстрелов громом разлетелся по тесным улицам, и уже через десять секунд раздался топот и бряцанье оружия. Шут засекал. Это приближался отряд гвардейцев, патрулирующих улицы. Оружие горожанам запрещалось носить, да и стоило дорого, а значит, выстрелы означали, что кто-то свершает преступление!

Караул, освещая дорогу факелами, точно выбежал к месту сражения, будто заранее знали, куда следует направлять свои силы. Но на то они и гвардейцы, за это жалование получают. Вперед вышел начальник отряда, закованный в кирасу, поножи и шлем с опущенным забралом.

– Именем короля! Что тут происходит?! – он сжал рукоять сабли, но вытаскивать ее из ножен не спешил.

Шут облегченно вздохнул, спрятал пистоль и вынырнул из тени.

– Доброй ночи, служивый! – и Прохор помахал перед его носом пальцами. В свете факелов блеснул золотой перстень с тисненой монограммой «КСЗ». Стражник поклонился, и его примеру последовали остальные гвардейцы, вооруженные кто ружьями, кто алебардами. – Вот этих, в плащах, в темницу. Нападают на прохожих и грабят, угрожая ножами и пистолем. А этого толстого, несите во дворец. И запрещаю говорить об этом под страхом смерти. Все ясно?!

– Так точно! – ударил каблуками начальник отряда.

Солдаты соорудили из алебард и плащей нападавших носилки и погрузили на них раненых. Одноглазого толстяка, похожего на пирата, пришлось нести на руках.

Прохор поднял глаза к звездам и прошептал.

– Клянусь, больше этого не повторится! – и пошел вслед за отрядом, держась за раскалывающуюся хмельную голову.

Глава шестая

Часы на Главной башне пробили три раза.

Прохор никак не мог сомкнуть век, мутить не мутило, но и заснуть не удавалось. Он поднялся с кровати, оделся и уже собрался покинуть покои. Тусклый свет небесных светил еле освещал помещение, поэтому двигался дворцовый балагур по памяти да на ощупь. В тишине слышалось только шуршание одежды и спокойное дыхание.

– Ты куда? – раздался сонный женский голос.

– Прогуляюсь, – ответил шут. – Спи.

– Ты вернешься? – вновь прозвучало в темноте.

– Нет, у себя досыпать буду.

Прохор взялся за золотую ручку двери, повернул ключ в замке и потянул на себя тяжелую створу. Обернувшись на пороге, он вздохнул и скрылся за дверью.

В замке царил гробовая тишина, нарушаемая только легкими шагами шута, бредшего по пустынным коридорам дворца, чьи стены были увешаны всевозможными портретами всех предыдущих правителей, вельмож и членов их семей. В свете малочисленных лам лица на холстах больше походили на призраков, которые пытались вырваться наружу из серой, холодной каменной кладки. Это наблюдение заставило вспомнить Прохора о поручении короля. Стоило шуту только подумать о приведении, как где-то раздались шаркающие шаги и скрипучее причитание.

Слуга государев запустил пальцы в рыжую шевелюру и замер, увидев, как в конце коридора промелькнула чья-то фигура в белом одеянии. Ступор продлился около минуты. Придя в себя, Прохор стал медленно продвигаться вперед, но тут же перешел на бег, а когда достиг следующего коридора, то понял – призрак уже скрылся. Сплюнув прямо на пол, шут продолжил преследование.

Прохор пробежал по коридорам, освещенным масляными лампами, несколько десятков метров, останавливаясь и, затаив дыхание, прислушивался. Где-то в глубине замка раздавались чьи-то шаркающие шаги и бухтение. Шут терялся в догадках: может ли призрак издавать столько шума? Ведь его, вроде как, нет. Но обитатели замка столкнулись с такой проблемой впервые, поэтому надо сначала изловить нарушителя спокойствия, а уж потом разобраться, что к чему.

– Немыслимая архитектура! – вздыхал шут то и дело.

Пробегая по очередному коридору, Прохор столкнулся с одним из обитателей замка, который вышел из своих покоев, держа в руке подсвечник с горящей восковой свечкой. Им оказался королевский казначей. Естественно, оба от неожиданности грохнулись на пол. Подсвечник с бряцанием отлетел в сторону.

– Ты мастеру денег дал?! – ни с того, ни с сего спросил шут, поднимаясь с пола и потирая ушибленный зад.

– А? Что? Какие деньги? Нет у меня ничего! – протараторил казначей, загребая руками и ногами, пытаясь вползти назад в комнату.

Прохор ухватил его за край ночной рубашки и вытащил упирающегося служаку назад в коридор.

– Слушай меня внимательно: я тут зло забарываю. Призрак по замку бродит. Ты не видал ничего подозрительного?

Казначей все еще не мог придти в себя. Он бессмысленно хлопал ресницами и потирал заспанные глаза.

– Не видел, но слышал. Кто-то прошел мимо, остановился у моей двери и скреб в нее, противно так... Я проснулся и решил посмотреть, кто там. Так это не ты?!

– Нет, не я, – ответил Прохор оглядываясь. – Ладно, вали спать. И запомни: если не отдал деньги мастеру, пеняй на себя!

И шут опять припустил по коридору, надеясь догнать приведение.

На выходе с этажа, возле массивных дверей, что вели на лестницу, он обнаружил двух гвардейцев, лежащих без сознания. Видать, призрака увидели, а это означает, что Прохор движется в правильном направлении. Вдруг раздался чей-то крик. Он шел с улицы. Весельчак, которому сейчас было вовсе не до смеха, толкнул тяжелые створы, выскочил на лестницу и, в три прыжка преодолев все ступени, едва не вылетел в открытое окно.

На внутренней площади дворца, освещенной светом звезд и несколькими факелами, Прохор увидел тело прачки Хелен, а рядом с ней валялась корзина с бельем, которое она снимала с веревок. Шут нахмурился, и тут его взгляд уловил движение справа, возле фонтана, что выплевывал в ночное небо десяток водяных струй. Это стало возможным, благодаря изобретению мастера и его выполненному обещанию.

Прохор аж присвистнул и не поверил своим глазам: по выложенной булыжником площади плыло самое настоящее приведение! В белой рубахе до земли, с длинными, седыми волосами, что колыхались на ветру. Призрак двигался вдоль стены, выставив перед собой руки, шевелил пальцами и раскачивался из стороны в сторону.

То еще зрелище! Прохор закрыл рот и закатал рукав своей рубашки: волосы на руке топорщились, как иголки у ежа, а мурашки своим размером не уступали бородавкам на лице у старой няньки королевы Изольды. Отогнав мрачные мысли, Прохор помчался вниз с такой скоростью, что едва не затушил все факела и лампы.

Шут выскочил на площадь, как ошпаренный, оставив позади себя арку с распахнутыми коваными воротами. Это кажется странным, но архитектор, который занимался проектировкой здания, не предусмотрел выхода с этой стороны здания, поэтому площадь почти всегда пустовала. Приходилось обходить весь замок. А смысл сюда приходить? С любимым или любимой не уединишься, на тебя смотрят сотни окон. Исключение составляли редкие строевые занятия гвардейцев, которые заплыли жиром и теперь больше походили на поросей. Даже постройка фонтана не привлекла сюда дворцовых зевак. В связи с этим, прачка Хелен использовала сие пространство для сушки белья. Для этих целей ей натянули через всю площадь веревки, которые опирались на деревянные шесты, в полтора роста длиной. И вот теперь женщина лежала без сознания, заваленная тряпьем. Именно к ней сначала и подбежал шут, сбрызнув прачке лицо водой, которую зачерпнул из фонтана.

– Хелен, вы в порядке? – спросил Прохор и сам же ответил. – Хотя, какое там может быть в порядке!

Та никак не реагировала на тряску. Тогда рыжеволосый охотник за приведениями пошел на крайние меры. Он опустил женщину на холодные камни и схватил ее пышную грудь, что покоилась в корсете, двумя руками. Действие возымело желаемый результат. Хелен пришла в себя, но прежде чем открыть глаза, она наградила шута звонкой пощечиной.

– Стоит только на мгновение сознание потерять, как тут же найдется желающий воспользоваться беспомощным и шикарным телом!

Надо отметить, что формы у прачки действительно были выше всяких похвал!

Шут потер ушибленную щеку.

– Прошу прощения, я ничего не хотел дурного, – сказал он. – Хотя, будь обстоятельства несколько иными...

– Ах, это ты, милый шут, – прошептала женщина и попробовала обнять Прохора, но тот пресек эту попытку.

– Да подожди ты! Уф...

Стоя на коленях балагур осмотрелся. Белье, висевшее на веревках, скрывало призрака. Еще треклятое облако сокрыло собой месяц, а света факелов не хватало, чтобы что-то разглядеть. Тем временем Хелен обвила шею Прохора и прижалась к нему всем телом.

– Я боюсь! Я только что увидела такое! – Она стала задыхаться от обуревавших ее эмоций.

– Знаю, знаю, – опередил ее шут. – Это призрак. Сейчас я его изловлю.

– Как?! – шепотом спросила прачка.

Прохор посмотрел ей в глаза и помедлил с ответом.

– Каком кверху... Что-нибудь придумаю.

И тут он заметил, что ясные очи женщины стали увеличиваться, пока не достигли размера золотой монеты.

– Мамочки... – прохрипела Хелен, побледнела и опять потеряла сознание.

Прохор замер, боясь пошевелиться. Он медленно повернул голову и... заорал на всю площадь.

– А-а-а!

Перед шутотом стояла древняя, как мир, старуха, с глубоко посаженными, водянистыми глазами. Ее всклокоченные седые волосы, лезли в беззубый рот, а белая ночная рубашка обволакивала костлявое тело и хлопала на ветру вместе с бельем, что трепыхалось вокруг. В этот миг туча сорвалась с места. С неба ударил свет рогатого месяца, и от этого картина перед глазами Прохора стала еще ужаснее, чем прежде, а сам шут сделал вдох и заорал с новой силой. То ли все побоялись вмешиваться в происходящее, как это обычно бывает, То ли на самом деле крепко спали, но, как бы то ни было, никто не высунулся в окно и не поинтересовался в чем дело.

В конце концов, организм не сдюжил. Голосовые связки Прохора устали от напряжения и сдались. Вой сменился хрипом и пропал вовсе. Шут и призрак смотрели друг на друга, хлопая ресницами.

– Ты чего орешь, будто приведение увидел?! – неожиданно произнесла старуха. – Ночь на дворе! Людей разбудишь.

Прохор сглотнул и попятился назад, но наткнулся на бесчувственную прачку.

– Ты... Ты...

Приведение наклонилось, и шут почувствовал, как седеют его собственные вихры.

– Не тыкайте, молодой человек, – просипела карга, – а то проткнете. И вообще, давно ли пошла мода обращаться на «ты» к людям, которые намного старше тебя самого, да к тому же еще являются царственными особами?!

Прохор открыл рот и подался вперед. Ну конечно же! Только теперь он заметил то, что упустил. Эта особа никто иная, как Феофания тринадцатая, мать нынешнего правителя Серединых Земель! Ее портрет висит на одной из стен замка. Правда, там она выглядит более привлекательной, если можно так выразиться. Художники всегда несколько приукрашивают свои работы, но чтоб настолько! Тут мастер явно переусердствовал. Но его можно понять. Напиши он правду, махом бы познакомился с палачом за один только крючковатый нос.

– Чтоб я сдох! – прошептал Прохор и замахал на старуху руками. – Чур меня, чур! Изыди, дух, сгинь, нечистая!

Старуха села на край бортика фонтана, опустила в воду руку и протерла свое морщинистое лицо.

– Сам ты нечистый! – сказала она. – Ты кто такой будешь?

– Я?! – Прохор никак не мог поверить, что вот так запросто разговаривает с приведением. – Я – шут короля Генриха. А вы... Вы же должны быть в могиле, в смысле, в фамильном склепе! Что держит ваш дух в этом мире?!

Бедный Прохор шарил руками по камням, в надежде найти хоть какое-то оружие. Свой пистоль он оставил в комнате, когда пришел из таверны.

– Тело меня держит, что же еще, – просипела старуха.

– Но вы же умерли давно! – не унимался шут.

– Да ладно?! – удивилась карга. – А я вот и не знала. И давно?

Балагур потер подбородок.

– Да уж лет двадцать как.

Теперь удивился призрак.

– Да? То-то я думаю, что меня все игнорируют. Выходит, они меня не видят? – старушка нахмурила брови и задумалась, – А ты меня, стало быть, видишь...

– Вроде того, – немного успокоился Прохор, но встать не решался. – И еще несколько человек, но только ночью.

– Вот оно как... Я когда еще живая была, читала в какой-то книге, что души умерших остаются в нашем мире только по двум причинам. Первая – это не завершенные дела, но у меня, кажется, таких не имеется.

– А какая вторая? – спросил шут.

– Вторая... – приведение подняло свои тусклые глаза на ночное небо, словно вглядывалось в звезды. Прохор последовал его примеру и окончательно успокоился. Судя по всему призрак ничего плохого делать не собирался ни ему, никому либо другому. – Вторая – возможно, на этом свете осталась часть меня, которая не погребена.

– Руки-ноги и голова на месте, – подметил Прохор.

– Да ты хохмач, – старуха смахнула призрачную слезу. – Неприятно осознавать, что тебя больше нет. Нужно срочно найти то, что от меня осталось. Не хочу вот так бродить, как тень.

Шут совсем осмелел. Он встал, отряхнул портки и сел рядом со старухой. За спиной шумел фонтан, раскидывая во все стороны брызги. Некоторые капли пролетали сквозь тело старухи и падали на булыжник. Наверное, со стороны зрелище выглядело более чем странно. Человек и приведение, которые мирно разговаривают под звездным небом. На мгновение пришла в себя прачка, но едва увидела странных собеседников, ойкнув, погрузилась в забытие.

– Так что же это может быть? – призадумался шут. – Кукла? Слышал я, что для них брали настоящие волосы.

– Нет, – сказал призрак. – Я настоящими людьми играла. Помнится, в моих шахматных партиях много народу полегло. Кровь ручьем текла. А сейчас в такие не играют?

Прохора передернуло от слов старухи.

– Нет, сейчас в моде более... спокойные игры. Крокет там всякий... Я вот чего подумал. Ведь Генрих, король нынешний, сын ваш. Кровь от крови, плоть от плоти. Может из-за него вы не в силах покинуть этот мир?

– Предлагаешь его убить? – карга посмотрела на шута.

– Заманчивая идея, – потер тот подбородок, – но я сейчас о другом. Возможно, он просто должен вас отпустить. Типа, дух моей матери, отпускаю тебя, покойся с миром, и все такое.

Теперь свои впалые щеки почесало приведение.

– А почему бы и нет?!

Старуха взлетела над парапетом фонтана и поплыла к стене, после чего исчезла за серыми камнями, просочившись сквозь них, а через пару минут из покоев сюзерена раздался душе-раздирающий вопль. Прохор вздрогнул. Набрав в ладони воды, он сбрызнул ей лицо прачки, и та открыла глаза.

– Пришлось притвориться, что я потеряла сознание, правда, я на самом деле чуть не того... Что это было?

– Ничего такого, с чем бы я не смог справиться. Всего лишь приведение, – улыбнулся шут. – Пойду-ка я спать, чего и тебе советую.

Прохор помог Хелен подняться и направился через площадь, чтобы скрыться в темном зеве арки.

Стоит отметить, что больше призрак давно умершей королевы никто не видел.

Генрих не вышел ни к завтраку, ни на утреннее совещание с Главным Министром и Советником. Он вообще не вставал с кровати. Его белоснежные шелковые простыни были смяты, а само Величество сидело, прислонившись к позолоченной спинке и натянув одеяло до подбородка. Его, до этого узкие, глаза бегали по сторонам. Придворный лекарь, осмотрев пациента, только развел руками и прописал, на всякий случай, настойку пустырника. Толстая сиделка с капором на голове пыталась впихнуть Генриху в рот ложку с похлебкой, но тот мотал головой, отчего варево выливалось на постель. Все вокруг недоумевали и беспокоились за здоровье государя, все, кроме королевы, пожалуй. Она заглянула в опочивальню сюзерена буквально на минуту, изобразила на лице грусть-печаль и исчезла.

Проход оказался единственным, кто знал истинную причину королевского недуга, но распространяться о ней не стал, решил сохранить в тайне. Еще чего доброго скинут государя с трона, как умалишенного. Оно ему надо? Ведь вместе с Генрихом и ему наладят пинок под зад.

– Государь простыл и просит не беспокоить его два дня! – сказал шут Генералу, который пытался добиться аудиенции. – Все вопросы будут решаться в рабочем порядке. Встретимся в Тронной зале через десять минут, и прихватите советника с казначеем.

Министр фыркнул.

– С каких это пор дураки страной управляют?

– Вот и меня это интересует, – покачал головой рыжий хохмач. – Как это вам удалось должность заполучить? Купили или по наследству досталась? Можете не отвечать, это риторический вопрос.

Офицер промолчал, он только поправил медали с аксельбантом и удалился.

Проход зашел в апартаменты короля и закрыл за собой двери. Подойдя к кровати и склонив голову, шут сказал.

– Ты давай, приходи в себя. Я пока займусь делами государственной и не очень важности. Не беспокойся, я заручусь поддержкой королевы. Мне она доверяет больше, чем кому-либо. Выздоровливай, – Он похлопал хозяина по плечу и обратился к сиделке. – А вы никого к нему не пускайте и следите, чтобы он никаких бумаг не подписывал. Ясно?

Толстуха кивнула и вытерла с подбородка Генриха похлебку. Проход раздвинул оконные шторы и распахнул витражные ставни, впустив в комнату потоки солнечного света и свежего ветра. С бюро, сделанного из красного дерева, слетели какие-то бумаги и плавно легли на пол, устланный дорогим ковром с крупным ворсом. Шут махнул рукой и покинул покои короля.

В Тронной Зале находились четверо: Первая дама, восседавшая на троне своего хворого супруга, королевский шут, что стоял подле в своем неизменном костюме с бубенцами, министр, советник и казначей, стоявшие напротив. Изольда заламывала руки, не зная, как и что говорить. Ей на помощь пришел Проход.

– С вашего позволения, госпожа, я начну, – Королева коротко кивнула. – Итак, поскольку Генрих приболел и самоотстранился на время от управления делами всякой важности, этим займется его величественная супруга. Мне нельзя, ибо я всего лишь дурак, но... Я буду строго следить за выполнением всех приказов, о чем потом доложу своему хозяину. Первая воля нашей госпожи: провести ревизию всех денежных средств, это касается вас, казначей. Посчитать и доложить. В качестве наблюдающих я пришлю вам двух надежных человек, из простых,

но грамотных. Так что на кривой их объехать не удастся, – казначей тут же взмок, словно у него начался жар, и пошел пятнами. Он оттянул ворот своего зеленого кафтана и тяжело задышал. – Далее. Министр, вам надлежит проверить готовность наших гвардейцев к войне, так, на всякий случай. И еще, я бы порекомендовал начать овладевать какими-нибудь специальностями: гончарным делом там, плотницкими навыками. Говорят, землелашцы нынче в цене. Не хлопайте глазами, советник, вас это тоже касается. Вон погода какая стоит, урожай гибнет. Скоро все в поля пойдем.

Министр надул губы и пробубнил.

– Тоже мне командир нашелся.

– Что-что? – спросил шут и приблизился к Генералу. – Вы чем-то недовольны?

Тот немного стушевался.

– Легко сказать – проверь армию! Она огромная, а не десять человек, как ты думаешь!

Тут месяцы уйдут.

– Так я и не тороплю. В первую очередь – столичных гвардейцев и себя. Сабля, небось, уже не вынимается.

Генерал вскипел.

– Да я еще могу неделю в карауле отходить! Это тебе не языком чесать и дули воробьям показывать. Молнию изловить проще.

И тут в разговор вмешалась королева.

– Полно браниться. Предлагаю пари, – спорщики замолчали и обратили взоры к Изольде. – Вы, Генерал, заступите в этот свой караул сроком на семь дней, если наш дурак сможет поймать молнию. Тем более что гроза надвигается. Время подходящее.

Министр с советником переглянулись. Казначей выбыл из обсуждения, напрягая ум для решения собственных проблем.

– Идет! – сказал офицер, расправив усы.

Все посмотрели на Прохора, который тарачился в окно. И в самом деле, по небу ползли грозовые тучи, которые собирались над городом. Шут потер подбородок.

– Согласен, но при одном условии: пусть о нашем споре объявят на площади!

Королева встала с трона, грациозно спустилась по ступенькам и подошла к своим слугам.

– На том и порешим, или как там у вас говорится... Советник, найдите глашатая, пусть объявит, что нынче ночью все желающие смогут увидеть старания нашего дурака, – и она щелкнула пальцами по бубенцам на колпаке Прохора. – А завтра, в полдень, на площади, мы либо будем чествовать героя, либо... А если он не сможет, тогда что?

– Тогда мы обмажем его медом, – прохохотал генерал, – обсыпим перьями из подушек и подвесим над часами. Пусть кукарекает каждый час!

– Очень смешно! – кивнула Первая дама государства. – Пусть так и будет.

Министр, советник и казначей откланялись и покинули Тронную Залу, оставив Изольду и Прохора наедине. Королева ступала по мраморному полу, сложив руки за спиной и рассматривая портреты на стенах, шут шел сзади и молчал.

– Ну что, – остановилась она, повернулась и посмотрела в глаза балагуру. – Сможешь спор выиграть или как?

– Ох, ну и подсуропили вы мне дельце! – усмехнулся тот. – Это ж как так сделать, чтоб молнию поймать суметь? Весной ей троих в поле убило насмерть. Вы, Ваше Высочество, избавиться от меня таким способом решили? Не мил я вам...

– Ты за языком-то следи! Люб не люб... Ты что, клубника? Я на тебя денег поставлю. Вот и посмотрим, на самом ли деле ты такой ловкий, каким кажешься, или нет. И смотри, если я проиграю, познакомишься с топором палача. Это так, к сведению.

Шут нахмурился и глянул сначала в окно, потом на часы на руке. Времени хватит, чтобы взять руки в ноги и дать дёру. Уже к вечеру он будет за пределами Королевства, сядет на первый

попавшийся корабль, и поминай, как звали. Прохор отогнал мысли о побеге. Он обязательно что-нибудь придумает, хотя бы ради того, чтобы лицезреть Генерала, шагающего по ночным улицам. Уж больно он много строит из себя. Да и Королеве нужно утереть нос, чтобы не смела больше в нем сомневаться. Если все удастся, то его репутация, как великого балагура и великого спорщика, вырастит во сто крат!

– Ваше Высочество, – Прохор почесал нос. – Позвольте заключить и с вами пари. Если я словлю-таки молнию...

Шут поманил Королеву пальцем, и та приблизилась. Рыжий весельчак что-то прошептал ей на ухо. Первая дама покраснела и стала усердно обмахиваться веером.

– Ну ты наглец!

– Бойтесь проиграть, госпожа? – с ухмылкой спросил Прохор и прикусил губу.

Изольда задумалась, но лишь на секунду.

– Хорошо, тогда ты... – теперь королева зашептала на ухо шуту...

Ровно в полночь, с первым ударом часов на Главной башне, раздался оглушающий раскат грома, заставивший содрогнуться всю округу. Фиолетово-черные тучи затянули ночное небо над Броуменом. Гроза набирала силу: ветер то налетал сильными порывами, то стихал, чтобы через мгновение ударить с новой силой. Гречишные поля вокруг города стали похожи на огромную водную гладь, по которой разгуливали волны. Старые пугала, размахивающие руками, походили на тонущих купальщиков.

Высоко-высоко в небе стали зарождаться первые сполохи молний. Грозовая тьма клубилась, исторгая из себя ледяные капли, что падали на землю проливным дождем. Все факела на крепостных стенах потухли, даже стеклянный полог масляных ламп не смог сберечь огонь фитилей от ветра. Гвардейцы, как, в прочем, и сотни других зевак не испугавшихся непогоды, ежились от холода, прячась под накидками. Каждый хотел воочию увидеть, как королевский шут будет охотиться за молнией. Королевская знать также присоединилась к представлению, прильнув к окнам.

Самые отважные жители Броумена вышли в поле и соорудили навесы под стенами города, чтобы лучше видеть. Более того, они запаслись вином и закуской, поскольку действие обещало затянуться.

Когда непогода завершила совсем лихо, под звуки аплодисментов, заглушающих раскаты грома, из городских ворот вышел виновник мероприятия. Его рыжие вихры распрямились и прилипли к щекам, сильные капли били шута по лицу, но тот широко улыбался и махал собравшимся обеими руками. Его куртка была застегнута на все пуговицы, портки заправлены в сапоги, а через плечо висела торба. Прохор откинул ладонью волосы назад и, минуя дорогу, вошел в поле. За его спиной раздались крики.

– Давай, весельчак, покажи, на что способен!

– Не подведи, я на тебя поставил!

Даже гвардейцы не остались безучастными. Начальник караула прошептал, когда Прохор проходил мимо сторожевой башни.

– Поймай эту чертову молнию, сынок. Уж больно хочется покомандовать этим старым ослом!

Шут в ответ только усмехнулся.

Тем временем гроза разошлась не на шутку. Небо ежесекундно покрывалось разноцветной паутиной, что оставляли после себя огненные вспышки молний. Гром грохотал так, что закладывало уши, а бродяга ветер грозил сорвать все крыши и в подтверждение этому хлопал

ставнями. Только дурак отважился бы на столь безрассудный поступок, как прогулка в такую непогоду.

Сполохи освещали всю округу. Молнии сверкали тут и там, вбиваясь в землю. Ливень хлестал со страшной силой, но все это не могло остановить Прохора, который носился по полю, размахивал руками и орал.

– Эгей! Давай, давай! Сверкай, сверкай! У меня для тебя кое-что припасено! – и хлопал по торбе, висящей на боку. – Поймаю тебя в суму, и будешь в ней сверкать!

Шут бегал от холма к ручью, спотыкался, вставал и продолжал бесполезную, как многие думали, погоню. Спустя час, промокший до нитки балагур, исчез из виду.

Министр не стал долго наблюдать за старания дворцового дурака. Он знал, что поймать молнию невозможно, поэтому со спокойной душой отправился спать. Его примеру последовала и остальная знать. Простых смертных сон сморил там, где они расположились наблюдать за ловлей сверкающих небесных зигзагов. Завернувшись в плащи, горожане спали под установленными навесами у крепостной стены, которые пожалел ураганный ветер и не унес за тридевять земель. Лишь королева Изольда до последнего сидела у окна, борясь с холодом и кутаясь в бархатную накидку, но, в конце концов, дрема свалила и ее. Она уснула в кресле, забравшись на него с ногами. Служанка заботливо укрыла ее пледом, закрыла ставни и подбросила в камин несколько поленьев.

Никто так и не дождался возвращения шута. Под барабанную дробь дождя уснули и гвардейцы в сторожевых будках, обняв тяжелые алебарды, даже бродячие собаки разбрелись. Город окутал сон.¹⁹

Гроза унеслась прочь, и небо очистилось уже к рассвету. Едва солнце поднялось из-за леса и окрасило небо розовым цветом, из тумана, что окутывал тракт, появился человек. Вид у него был изможденный, а от промокшей одежды поднимался пар. Но, несмотря на это, на перепачканном грязью лице сияла улыбка. Мало кто смог бы узнать в путнике королевского шута, однако, таковые нашлись. Глядя, как тот идет по дороге, начальник стражи, гремя доспехами, вышел из караульного помещения, подбоченился и прокричал.

– Ну и как успехи? Ждать мне пополнение в отряд ночного дозора или нет?

Прохор помахал офицеру в ответ.

– Готовь алебарду потяжелее, да маршрут подлиннее!

Шут подошел к воротам и, проходя мимо старшего дозорного, приоткрыл торбу, позволив в нее заглянуть. Начальник стражи открыл рот от удивления и еле выдавил.

– Эта старая жаба удавится...

А то! – подмигнул Прохор и вошел в город.

Спустя полчаса шут уже считал ступени на лестницах, поднимаясь в свою каморку. Глаза слипались от усталости, хотелось скорей сбросить сырую одежду и завалиться в теплую кровать. Сейчас Прохор даже не вспоминал о своем господине. Его не волновало ни капельки, пришел ли король в себя или нет. Ему хотелось только одного – спать. Тем более что в полдень предстоит продемонстрировать результат своей ночной охоты всем жителям Броумена. Конечно, это можно сделать в любом состоянии, но он хотел еще и получить удовольствие, когда увидит выражение лица Министра, и лучше всего быть в бодром расположении духа.

Прохор брел по коридорам мимо десятков дверей, которые вели в покои дворцовой знати. Проходя мимо одной из комнат, шут услышал скрип петель и почувствовал, как кто-то схватил его за ворот куртки и втащил внутрь. Судя по тому, что в комнате царила тьма, ее

¹⁹ Автор отсылает читателя к песне группы Король и Шут «Дурак и молния».

хозяин еще не открывал ставни. Только благодаря лошадиной усталости охотник за небесными сполохами промедлил секунду и не дал нападавшему отпор, что, скорее всего, и спасло ему если не жизнь, то здоровье уж точно, и пару зубов, как минимум.

– Где ты пропадал, негодник?! – прозвучал во тьме страстный шепот, и тут же Прохор ощутил на своей шее тепло женских губ. – Я уже начала переживать. Ну что, поймал свою молнию? – шут хмыкнул, нащупал торбу и чуть приоткрыл ее. В темноте сверкнули фиолетовые искры. – Вау!

– Да... – шепотом сказал балагур. – Можно я уже пойду? Мне выспаться надо.

– А как же я? Неужели нахрабрейший шут бросит в одиночестве свою даму сердца?

– Это не честно! – Прохор попытался нашарить дверную ручку. – К тому же уже утро, нас могут услышать или увидеть!

Наконец ему удалось приоткрыть дверь и выскользнуть в коридор, и прежде, чем позолоченная створа закрылась, шут услышал вздох разочарования. Рыжеволосый шутник прислонился к стене и закрыл глаза. Его грудь вздымалась. Уж больно горячая его пассия, не у каждого хватило бы самообладания отказать ей, но у шута на это имелось много причин.

Через пять минут Прохор добрал-таки до своей коморки, разжег поленья в камине и развесил перед ним на стуле свою промокшую одежду. После закинул торбу под кровать, сам рухнул сверху и тут же забылся мертвым сном, чтобы проснуться от стука в дверь ровно за полчаса до оглашения итогов пари.

Еще прибывающий в дреме Прохор сначала и не понял, что происходит. Он еле продрал глаза, сел на кровати и спрятал лицо в ладонях. Стук в дверь повторился. Обычно в гости к шуту никто не заглядывал, кроме короля или посыльного, да и те никогда не стучались, не считали нужным. Спросонья шут встал и подошел к двери, как был, а именно – в чем мать родила. Он рванул на себя створу обшарпанной двери и тут же услышал многоголосый женский визг. Первое, что сделал Прохор, это закрыл ладонями уши, чтобы не оглохнуть, и только потом осознал, что случилось. Он спрятался за дверное полотно и осмотрел неожиданных гостей.

– Ваше Высочество?! – удивился балагур, сглатывая набежавшую слюну и рассматривая свиту государыни, запустив пятерню в рыжие кудри. – Как неудобно вышло-то... Чем обязан?

Королева выглянула из-за веера, обмахивая пунцовое от стыда лицо.

– Народ на площади собирается. И это... Король спрашивал, почему ты к завтраку не явился. Я ему вкратце все рассказала.

– Генрих поправился?! – шут чуть не выпрыгнул из-за двери, но тут же опомнился. – Что же не прислали за мной?

– Ты, поди, устал... В общем, одевайся, мы ждем. Сопроводишь меня в покои супруга, а оттуда мы пройдем на балкон, ну а ты на площадь.

Прохор почесал затылок и закрыл дверь, глупо улыбаясь. Натянув шутовской наряд и посмотрев на остывшие уже угли, весельчак вытащил из-под кровати торбу и вышел из каморки.

Государыня плыла по серым дворцовым коридорам, освещенным масляными лампами, придерживая свое пышное платье. Шут семенил рядом, звеня бубенцами, и улыбался, вслушиваясь в шепот королевских фрейлин, семенящих позади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.